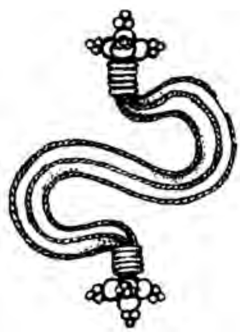
Acta Archaeologica Albaruthenica

Vol. I

Мінск
Выдавец І.П. Логвінаў
2007

УДК

ББК

Укладальнікі:

М.А. Плавінскі, В.М. Сідаровіч

Рэдакцыйная рада:

Рэцэнзенты:

М.М. Крывальцэвіч,
кандыдат гістарычных навук, старшы навуковы супрацоўнік аддзела археалогіі першабытнага грамадства Інстытута гісторыі НАН Беларусі
М.І. Лашанкоў,
кандыдат гістарычных навук, старшы навуковы супрацоўнік аддзела археалогіі першабытнага грамадства Інстытута гісторыі НАН Беларусі

Acta archaeologica Albaruthenica. Vol. I / уклад. М.А. Плавінскі, В.М. Сідаровіч. – Мінск: І.П. Логвінаў, 2007. – 148 с.

ISBN 978-985-6800-60-6

Першы выпуск новага археалагічнага выдання Acta archaeologica Albaruthenica складаецца з артыкулаў беларускіх і расійскіх даследчыкаў, прысвечаных вывучэнню актуальных пытанняў гісторыі матэрыяльнай культуры насельніцтва Беларусі ў старажытнасці і сярэднявеччы.

Зборнік разлічаны на археолагаў, гісторыкаў, музейных супрацоўнікаў, краязнаўцаў і ўсіх, хто цікавіцца археалогіяй і гісторыяй Беларусі.

УДК

ББК

ISBN 978-985-6800-60-6

ЗМЕСТ

Ад укладальнікаў

Шаноўны чытач трымае ў руках першы выпуск часопіса «Acta archaeologica Albaruthenica». Гэта новае археалагічнае выданне, якое мае на мэце якасную прэзентацыю вынікаў вывучэння старажытнасцяў Беларусі і сумежных рэгіёнаў. Разам з тым мы шчыра спадзяемся, што з'яўленне гэтага выдання дазволіць не толькі публікаваць матэрыялы новых даследаванняў, але адначасова дапаможа наладзіць абмеркаванне актуальных навуковых праблем і стане своеасаблівай пляцоўкай для плённых дыскусій па самым шырокім коле пытанняў сучаснай беларускай археалогіі.

У першы выпуск «Acta archaeologica Albaruthenica» увайшлі артыкулы беларускіх і расійскіх спецыялістаў, прысвечаныя розным пытанням археалогіі каменнага, бронзавага і жалезнага вякоў, а таксама сярэдневяковага перыяду. Усе гэтыя артыкулы аб'ядноўвае тое, што асноўная ўвага іх аўтараў засяроджана на вывучэнні розных аспектаў матэрыяльнай культуры і гаспадарчай дзейнасці старажытнага і сярэдневяковага насельніцтва Беларусі і сумежных рэгіёнаў.

АРХЕАЛОГІЯ КАМЕННАГА І БРОНЗАВАГА ВЯКОЎ

Міхал Чарняўскі

РАГАВЫЯ ШАХЦЁРСКІЯ ПРЫЛАДЫ З КАРПАЎЦАЎ ВАЎКАВЫСКАГА РАЁНА

У наваколлі населеных пунктаў Краснасельскі, Навасёлкі і Карпаўцы Ваўкавыскага раёна, што размешчаны на сярэднім цячэнні Росі, у канцы неаліту і ў бронзавым веку існаваў найвыдатнейшы вытворчы цэнтр па здабычы і апрацоўцы крамянёвай сыравіны. Ён складаўся з крэмнездабыўных шахтаў, крэмнеапрацоўчых майстэрань і сезонных пасёлкаў шахцёраў. Гэтыя помнікі, асабліва шахты, выяўленыя ў 20-х гадах мінулага стагоддзя (Б. Рыдзеўскі, З. Шміт (Szmit, 1926a, 1926b; Cehak-Hołubowiczowa, 1936)) атрымалі даволі грунтоўнае асвятленне ў археалагічнай літаратуры (Гурина, 1976; Чарняўскі, Кудрашоў, Ліпніцкая, 1996).

Пры кар'ерных работах па здабычы крэйды, якімі знішчаліся шахты, і пры археалагічных раскопках ацалелых падземных выпрацовак каля пасёлка Краснасельскі і часткова каля вёсак Карпаўцы і Навасёлкі (1963–1972 гг.) сустрэта даволі значная колькасць рагавых шахцёрскіх інструментаў (Гурина, 1976, с. 5–62; Boguszewski, 1984). Зараз гэтыя вырабы захоўваюцца ў Дзяржаўным археалагічным музеі ў Варшаве, Гродзенскім дзяржаўным гісторыка-археалагічным музеі, Нацыянальным музеі гісторыі і культуры Беларусі, Інстытуце гісторыі матэрыяльнай культуры РАН (Санкт-Пецярбург), Ваўкавыскім ваенна-гістарычным музеі імя П.І. Баграціёна, вучэбнай лабараторыі музейнай справы гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага універсітэта, у Роскай сярэдняй школе Ваўкавыскага раёна, часткова ў прыватных зборах калекцыянераў.

У 1973–1979 гг. пры даследаваннях крэмнеапрацоўчых майстэрань і шахтаў на крэйдавай лінзе на захад ад вёскі Карпаўцы і шляхам збору пад'ёмнага матэрыялу ў мясцовым крэйдавым кар'еры (В.П. Чамеза, В.А. Пучко, М.У. Вераціла, М.М. Чарняўскі) атрымана новая калекцыя рагавых шахцёрскіх інструментаў (62 вырабы і іх фрагменты), якая захоўваецца ў фондах аддзелаў археалогіі Інстытута гісторыі НАН Беларусі. Частка іх ужо ўведзена ў навуковы ўжытак (Чарняўскі, Кудрашоў, Ліпніцкая, 1996, с. 25–28, 100–103). Колькасць, разнастайнасць і значэнне вырабаў для разумення горназдабыўнай справы позняга неаліту – бронзавага веку на Захадзе Беларусі вымагаюць далейшага іх вывучэння.

Прылады працы першабытных шахцёраў сярэдняга Паросся былі каменныя, драўляныя і рагавыя. Каменныя, пераважна крамянёвыя, сякеры ўжываліся таксама і ў штодзённым побыце. Драўляныя не захаваліся, маюцца толькі адбіткі некаторых на крэйдавым друзе запаўнення шахтаў. А вось рагавыя былі спецыялізаваныя, г.зн. выкарыстоўваліся толькі ў горназдабыўнай справе, і выдатна захаваліся, закансерваваныя крэйдай.

За невялікімі выключэннямі, для вырабу шахцёрскіх інструментаў выкарыстоўваліся рогі высакароднага аленя. Сыравіну збіралі ў навакольных лясах увесну пасля таго, як жывёлы скідвалі рогі перад пачаткам росту новых. Н.М. Гурына, праанализаваўшы больш за сотню рагавых вырабаў з Краснасельскага вытворчага

цэнтру, падзяліла іх на дзве вялікія групы: 1) спецыяльна зробленыя прылады і 2) натуральныя рогі (цэлыя або фрагментарныя), часам падпраўленыя на рабочых частках (Гурина, 1976, с. 50–62). Прызнаючы правамернасць такога падзелу трэба адзначыць, што ў другой групе пераважная колькасць фрагментаў рагоў таксама мае выразныя сляды спецыяльнай мэтанакіраванай апрацоўкі.

Шахцёрскі інструментарый з Карпаўцаў

1. Кіркі

Кіркі прызначаліся для праходкі вертыкальных шахтавых калодзежаў і шырэйшых месцаў падбояў, дзе можна было працаваць з замахам. Некаторыя кіркі маюць задоўбленасць на абушках (на плашчынях разетак). Магчыма, яны маглі выкарыстоўвацца ў шахтах і для збівання з крамянёвых канкрэцый непатрэбных выступаў.

1.1. Кіркі, змайстраваныя з ніжняй, прыразеткавай (камлёвай) часткі аленевых рагоў.

Кірка масіўная, двухручная. Рукаятка коса адламаная на 14 см вышэй трэцяга (сярэдняга, падкароннага) адростка, другі (надвочны) і трэці адросткі аддзеленыя над пянькамі надсяканнем і зломам. Вастрыём быў першы (вочны) адростак, пазней абламаны над пяньком. Умераныя сляды загладжвання маюцца паміж трэцім адросткам і канцом рукояткі, разеткавая плоскасць носіць сляды задоўбленасці (мал. 1:1).

Кірка. Другі адростак надсечаны і зламаны. Першы адростак, які быў рабочым вастрыём, зламаны ў час працы. Ніз рукаяткі коса зламаны, сама рукаятка загладжаная (мал. 1:2).

Кірка з разеткавай часткі масіўнага рога, выламанага з чэрапа. Кароткі пянёк стажкавата апрацаваны і задоўблены на тарцы. Першы адростак аддзелены ў старажытнасці, другі, які быў рабочым вастрыём, адламаны ў час выкарыстання прылады, ніз рукаяткі коса абламаны па паленаму. На рукаятцы ў месцах упору далоні і вялікага пальца рукі маецца невялікая загладжанасць, абгарэласць адзначаецца на ўсіх зломах і пяньку першага адростка (мал. 1:3).

Кірка. Першы (рабочы) адростак адшчапаны ў час працы разам з паловай разеткі, другі адростак адламаны пры майстраванні кіркі. Ніз рукаяткі мае сляды папярочнага неглыбокага надсякання і злому, злом прыгладжаны. Паверхня рукаяткі найбольш загладжаная ў месцах трымання яе пальцамі. Пляцоўка разеткі мае насечкі і сляды задоўбленасці (мал. 1:4).

Кірка. Рукаяткай служыў ствол, аддзелены адразу пад другім адросткам. Першы адростак быў рабочым вастрыём (мал. 1:5).

Кірка, у якой вастрыём быў першы вочны адростак, абламаны на палове; другі адростак абсечаны і адламаны на пяньку. Рукаятка кароткая, аддзеленая ад рэшты ствала рога кальцавой надсечкай і ламаннем. Яе паверхня, як і злом, добра загладжаная (мал. 1:6).

Кірка. Вастрыём быў першы вочны адростак, у працы адламаны паверх пянька, другі адростак адламаны наўмысна на пяньку. Ніз рукаяткі мае загладжаны пянёк трэцяга адростка. Ніжэй трэцяга адростка злом загладжаны і мае сляды надсякання. Дзяржанне ў месцы рукі толькі крыху загладжана – прылада выкарыстоўвалася даволі кароткі час (мал. 1:7).

Кірка. Над разеткай прыкметна выступае стожкападобны загладжаны пянёк, выламаны з чэрапа, на пяньку ўчастак задоўбленасці. Рабочымі вастрыямі прылады былі першы (вочны) і другі (надвочны) адросткі, адбітыя пры кар’ерных работах. Ніз рукаяткі са ствала рога захаваў сляды кальцавога надсякання і загладжвання злому.

Кірка, якая магла быць і адбойнікам, ужывалася кароткі час, бо фактура паверхні амаль не спрацаваная (мал. 1:8).

Кірка. Захавалася разеткавая частка. Рукаятка са ствала рога адламаная, коса адламаны над пяньком і вочны адростак, які быў рабочым вастрыём. Другі адростак недаразвіты, ён конусападобна ахайна загладжаны. Увагнутая паверхня рога паміж ім і вочным адросткам таксама гладкая. Пляцоўка разеткі спрацаваная. Пасля пашкоджання рабочага вастрыя прылада магла ўжывацца як адбойнік, а таксама, мяркуючы па загладжаным надвочным адростку, для нейкіх іншых мэтаў (мал. 1:9).

Кірка з двума рабочымі вастрыямі, утворанымі з першага і другога адросткаў. Першы адростак зламаны на канцы ў старажытнасці, мае заломы спрацаванасці. Рукаятка загладжана пераважна ў месцы далоні і вялікага пальца (мал. 1:10).

1.2. Кіркі, змайстраваныя з сярэдняй часткі аленевых рагоў.

Кірка доўгая. Вастрыём быў сярэдні (трэці) коса завостраны адростак. Вышэй яго і на нізе рукаяткі зломы па паленаму. Меншая дуга рукаяткі даволі загладжаная, каля нізу рукаятка спрэс гладкая (мал. 2:1).

Кірка. Рукаятка даволі кароткая, яе верхні канец (абушок прылады) над адросткам ахайна надсечаны і абламаны, ніз няўдала абламаны крыху ніжэй шматлікіх і недакладных папярочных насечак. Рабочае вастрыё-адростак мае канічны гладкі канец. У цэлым ўся прылада мае загладжаную паверхню (мал. 2:2).

Кірка. Рабочым вастрыём яе быў сярэдні зламаны ў старажытнасці адростак. На верхнім і ніжнім канцах кіркі маюцца зломы без папярэдняга надсякання. Уся паверхня вырабу прыгладжаная (мал. 2:3).

Кірка з кароткай рукаяткай з фрагмента ствала. Адростак, які быў рабочым вастрыём, доўгі і цэлы. На яго сякерападобна прывостраным канцы маецца выразная запаліраванасць ад крэйдавай пароды, ёсць і драпіны, што засталіся ад судакранання з крамянёвымі канкрэцыямі. Загладжанасць адзначаецца і на ўвагнутасці рукаяткі пад адросткам. Верхні канец (абушок) кіркі ўтвораны зломам па абпаленаму ўчастку ствала, ніз рукаяткі таксама абламаны і прыгладжаны. Прылада пры неабходнасці магла выкарыстоўвацца і як кінжалападобны капач (мал. 2:4).

Кірка. Ніз рукаяткі абламаны, вастрыё рабочага адростка таксама адламанае. Абушок прылады над адросткам мае сляды кальцавога надсякання, адлом па надсяканню загладжаны. На тыльным участку рога каля вяршыні маецца ўчастак загладжанасці (мал. 2:6).

1.3. Кіркі, змайстраваныя з верхняй, каронная частка аленевых рагоў.

Кірка. Рукаяткай служыў даўжэйшы адростак, зараз адламаны на канцы. Рабочае вастрыё ўтвараў карацейшы, крыху выгнуты адростак. Трэці адростак развілкі адламаны па пяньку. Абушком прылады быў даўгаваты фрагмент ствала, ахайна аддзелены ад рэшты рога. Прылада, улічваючы даўжыню абушка, першапачаткова магла быць вілкаватым капачом (мал. 2:5).

Кірка. Два адросткі зламаныя, трэці адламаны па пяньку. Абушком быў даволі кароткі фрагмент ствала рога, адламаны каля папярочных насечак з аднаго боку. Рабочымі вастрыямі маглі быць абодва адросткі (мал. 2:7).

Абушковая частка кіркі, утвораная ахайна аддзеленым фрагментам ствала. Рукаятка і вастрыё адламаныя, трэці адростак неразвіты (мал. 2:8).

1.4. Фрагменты кірак, пераважна з сярэдняй часткі аленевых рагоў.

Рукаятка кіркі з тоўстага ствала аленевага рога, спрэс загладжаная, абодва канцы адламаныя.

Цэлая масіўная рукаятка кіркі са ствала рога, вышэйшы лапатападобны адростак адламаны.

Масіўная рукаятка кіркі са ствала, верх і адростак адламаныя.

Адкол з падставы масіўнай рукаяткі кіркі.

1.5. Кірка з прасвідраванай адтулінай.

На крэйдавым адорвені каля Карпаўцаў у запаўненні адной з шахтаў знойдзена кірка з асновы кароны аленевага рога, у цэнтры якой прасвідраваная адтуліна для драўлянай рукаяткі. Рабочае вастрыё кіркі адламанае ў старажытнасці (Чарняўскі, Кудрашоў, Ліпніцкая, 1996, мал. 16:3).

Падобныя інструменты з прасвідраванымі адтулінамі ў Краснасельскім вытворчым рэгіёне прадстаўлены адзінкава. І гэта зразумела. На іх выраб патрабавалася значна больш намаганняў, а выдайнасць працы была, як і ў звыклых Г-падобных кірак. Хіба што іх можна было дадаткова выкарыстоўваць пры выграбанні крэйдавага друзу з асабліва вузкіх мясцін падбояў.

2. Капачы

У вузкіх падбоях, а таксама пры дастаўванні з крэйдавай пароды крамянёвых канкрэцый, калі праходка адкладаў павінна была рабіцца колючымі рухамі інструментаў, ужываліся капачы.

2.1. Капачы кінжалападобныя.

Капач з доўгага адростка. Абушок прылады ўтварае аддзелены з двух канцоў надсяканнем і адломваннем кароткі фрагмент ствала рога. На падставе адростка каля ствала маюцца папярочныя насечкі і сляды абпаленасці – магчыма, для капача хацелі выкарыстаць толькі адростак. Канцавая частка адростка добра загладжаная, асабліва на меншай дузе выгнутасці, вастрыё скошана счэсваннем. Добра загладжаныя і адчляненні на абушку (мал. 3:1).

Капач з першага вочнага адростку. Абушок прылады ўтварае кароткі фрагмент ствала рога разам з разеткай, месца аддзялення загладжанае. Адростак на канечнай палове добра загладжаны, вастрыё кіркападобна счасанае (мал. 3:2).

Абушок капача, утвораны разеткавай часткай ствала рога. Вастрыём быў першы вочны адростак, адламаны ў час выкарыстання каля падставы. Другі адростак аддзелены ад ствала, яго пянёк загладжаны. Разеткавая плашчыня мае насечкі і падоўбленасць – прылада ўжывалася і як малаток або адбойнік (мал. 3:4).

Фрагмент масіўнага капача, аналагічнага папярэдняму. Разеткавая частка ствала была аддзеленая адразу ж над прыгладжаным пяньком другога адростка. Вастрыём быў першы адростак, зламаны ў старажытнасці. Супрацьлеглая адростку паверхня ствала прыгладжаная (мал. 3:5).

Капач з доўгага адростка, выламанага са ствала рога. Злом загладжаны. На падставе адростка ёсць папярочныя насечкі і вуглістая абпаленасць – для прылады першапачаткова хацелі выкарыстаць толькі адростак. Вастрыё капача, асабліва ўнутраны выгін, запаліраванае, з драпінамі, яго канец спрацаваны (мал. 3:3).

Капач з адростка рога. На яго абушку шматлікія папярочныя насечкі і даволі неахайны скошаны разлом. Абушок загладжаны, канец вастрыя коратка завостраны (мал. 3:6).

Капач моцна выгнуты, з адростка аленевага рога. Адростак быў аддзелены каля самага ствала кальцавым надсяканнем да порыстай часткі і наступным адломваннем у бок найбольшай выпукласці. Кампакта на адломе па перыметру прыгладжана. Першапачаткова, відаць, планавалася аддзяліць адростак з водступам ад ствала рога – у гэтым месцы захаваліся рознай глыбіні насечкі, адна з іх пранікала да губчатай сарцавіны. На выпуклай частцы капача знятая і запаліраваная бугрыстая паверхня ад вастрыя і амаль да абушка. Гэта запаліраванасць наўмысная (месцамі маюцца падоўжныя драпіны), а таксама атрымалася і ад працы з крэйдавай пародай.

Рэшта бугрыстай паверхні таксама даволі прыгладжаная. Вастрыё прылады акуратна спічастае. На ім даволі добра прыкметныя сляды падоўжнага завастрэння нажом (мал. 3:7).

Капач з ахайным абушком – загладжаным адчляненнем адростка, вастрыё адламанае (мал. 3:9).

Капач доўгі з кароннай часткі рога. Рабочым вастрыём быў адзін вілачны адростак, замест другога захаваўся загладжаны пянёк. Прылада магла выкарыстоўвацца і як рычаг пры даставанні з крэйдавай пароды крамянёвых канкрэцый (мал. 3:8).

2.2. Капачы вілападобныя, змайстраваныя з кароннай часткі аленевых рагоў.

Кароткі капач з двума адросткамі, трэці адламаны. Адростак з каленападобнай крывізной быў коса завостраны на канцы, рукаятка загладжаная на абушку. Прылада магла выкарыстоўвацца і як кірка (мал. 4:1).

Кароткі капач з адламаным большым адросткам і спрацаваным прылабачаным меншым. У тарцы абушка ахайна выбрана порыстая сарцавіна, што сведчыць пра магчымае выкарыстанне прылады і як муфты (мал. 4: 5).

Капач з верхняй паловы рога, аддзеленай у месцы мацавання падкароннага адростка. Захаваліся тры каронныя адросткі з выразнымі завастрэннямі канцоў (мал. 4:6).

Капач з масіўнай часткі кароны, трэці адростак развілкі аддзелены, ніжняя частка ствала-рукаяткі загладжана, яе ніз аддзелены адсяканнем і зломам.

Фрагмент масіўнай кароннай часткі рога, адзін сплюшчаны адростак адламаны каля падставы, такі ж другі загладжаны на канцы пад лапату. Прылада магла быць капачом і інструментам для адграбання пароды.

Капач з адламаным вастрыём кароннага адростка, абушок з падставы кароны.

3. Разеткавыя часткі аленевых рагоў з адшчэпленай кампактай

Пры даследаванні шахтаў каля пасёлка Краснасельскі былі знойдзены плоскія лёзападобныя ўстаўкі ў капальныя інструменты, зробленыя з адшчапаных пласцін кампакты аленевых рагоў (Гурина, 1976, с. 62, рис. 24:1–4). Каля Карпаўцаў такіх уставак не выяўлена, аднак фрагменты рагоў з адшчэпленай кампактай вядомыя і тут.

Разеткавая аснова рога з масіўным вочным адросткам, канец якога сякерападобна завостраны. Другі адростак аддзелены па пяньку. З супрацьлеглай адросткам паверхні ствала рога, з дапамогай глыбокіх разцовых баразёнак да порыстай сарцавіны, адшчапана пласціна кампакты разам з участкам разеткі. Прылада магла нейкі час, да пералому ў месцы знятай кампакты, выкарыстоўвацца як кірка, аднак пазней яна служыла кінжалападобным капачом, пра што сведчыць загладжанасць каля падставы рабочага адростка, якая засталася ад рукі шахцёра (мал. 4:2).

Разеткавая частка рога з першым надвочным адросткам. Пры вастрыі адростак загладжаны, а сам канец скошаны з боку выпукласці і мае сляды спрацаванасці. Ад другога адростка застаўся кароткі загладжаны пянёк. Ад паверхні ствала рога аддзелена пласціна кампакты. Для гэтага непасрэдна каля разеткі зроблена крамянёвай нешліфаванай сякерай або долатам глыбокая насечка да порыстай часткі. Відавочна, такая ж насечка мелася і перад трэцім адросткам, але гэта месца адламанае. Ад канцоў насечак разцом зроблены глыбокія прадоўжныя пазы. Пасля гэтага кампакта была адшчапаная. Рог наўмысна зламаны ў месцы адшчэпа. У выніку ўтварылася сякерападобная плашчыня, якая мае сляды спрацаванасці. Прылада магла ўжывацца як кірка (да адшчаплення пласціны?), як рубячы інструмент для працы з крэйдавай пародай і як кінжалападобны капач (мал. 4:4).

Разеткавая частка рога. Выпукласць разеткі ў цэнтры мае сляды спрацаванасці, вочны адростак аддзелены каля ствала рога. Пад разеткай на кампакце зроблены

глыбокія, да порыстай сарцавіны, папярочныя насечкі, падоўжныя пазы выбраныя клінаватым крамянёвым інструментам, пасля чаго былі аддзеленыя 2–3 пласціны кампакты. Артэфакт разламаны, верагодна, у час кар'ерных работ (мал. 4:3).

4. Фрагменты шахцёрскіх інструментаў: пераважна адламаныя вастрыі кірак і капачоў

Два адламаныя адросткі з сякерападобным завастрэннем.

Адламаны масіўны адростак, вастрыё пашкоджана, мае сляды завастрэння.

Адламаны адростак рога, самы тонкі канец пашчапаны, мае сляды загладжвання.

Вастрыё адростка з конусападобным тонкім спічаком, на меншай крывізне мае падчэску.

Абломак тоўстага адростка рога, вастрыё моцна спрацаванае, засталіся сляды счэсвання.

Адламаны ад самога пянька адростак, канец зачасаны з большай крывізны.

Адламаны кароткі і масіўны адростак з часткай ствала, канец завостраны счэсваннем.

Крывы і спрэс моцна загладжаны адростак, адламаны каля самага ствала, вастрыё таксама адламанае.

Фрагмент адростка з адломамі з двух канцоў.

Дробны шчапаны фрагмент адростка рога, абкатаны.

Дробны фрагмент сценкі рога.

Абломак сплюшчанага ствала рога ніжэй каронней часткі.

Сплюшчаны абломак рога.

Аддзелены папярочным надсяканнем і падоўжным разразаннем фрагмент сценкі рога, абгладжаны.

Кароткі і крывы адламаны адростак, загладжаны, порыстая сарцавіна выдаленая (муфта?).

Адламаны адростак кароткі з сякерападобным завастрэннем, магчыма, з ласінага рога.

Адламаны з часткай асновы караткаваты адростак ласінага(?) рога, косая зачэска канца, па меншай крывізне зрэзана ўся фактура паверхні.

5. Адбойнікі і пасярэднікі

На майстэрнях каля вусцяў крэмнездабыўных шахтаў сустракаюцца рагавыя інструменты па апрацоўцы крамянёвай сыравіны – адбойнікі і пасярэднікі.

Адбойнік двухканцовы з разеткавай часткі рога. Два адросткі аддзелены па пяньках. Асноўная рабочая частка знаходзіцца на тарцы выламанага з чэрапа пянька, супрацьлеглы канец адбойніка таксама мае сляды ўжытку (мал. 4:7).

Кірка-адбойнік з разеткавай часткі рога маладога аленя. Рог выламаны з чэрапа ўпаляванай жывёлы. Пянёк над разеткай стажкаваты, на тарцы падзёўбаны, першы адростак адламаны. Рукаятка доўгая, коса абламаная, загладжаная пад далонню і вялікім пальцам (мал. 4:10).

Фрагмент загладжанага адростка, на таўсцейшым канцы кальцавое надсяканне і ахайны злом, на танчэйшым задоўбленасць. Прылада ўжывалася як пасярэднік пры апрацоўцы крэменю (мал. 4:9).

Адростак рога загладжаны, аддзелены ад ствала надсяканнем і адломам. На таўсцейшым канцы артэфакта маецца кальцавое надсяканне. Верагодна, з адростка рыхтаваўся пасярэднік папярэдняга тыпу (мал. 4:8).

Як бачым, старажытнымі шахцёрамі выкарыстоўваліся ўсе часткі аленевых рагоў.

За адзінкавымі выключэннямі, на выраб кірак прызначаліся рагавыя падставы, бо разеткі ўтваралі важкі абушок, што павялічвала эфектыўнасць інструменту. Рабочым вастрыём разеткавых кірак найчасцей быў першы (вочны), найбольш вялікі адростак. Другі (надвочны) адростак звычайна аддзяляўся. Праўда, часам разеткавыя кіркі мелі адначасова два вастрыі – з вочнага і надвочнага адросткаў. Кіркі практычна заўсёды майстраваліся і з сярэдняй часткі рога з падкаронным адросткам. Для надання іх абушкам адпаведнай вагі над адросткам звычайна пакідаўся прыкметны фрагмент ствала. Калі адросткі кароны былі разложыстыя, з іх таксама майстравалася матыка, пры гэтым трэці адростак развілкі аддзяляўся. Такія каронныя матыкі нярэдка былі з двума вастрыямі, якія служылі і рукаяткамі, і рабочымі часткамі.

Кінжалападобныя капачы майстраваліся пераважна з вочнага або надвочнага адросткаў. Часам абушком ім служылі кароткія фрагменты ствала рога. Для вілападобных капачоў прызначаліся каронныя часткі.

Пласціны кампакты адшчапляліся выключна з прыразеткавых, найбольш масіўных частак рагоў.

Першапачаткова, магчыма, выкарыстоўвалася натуральная вастрыня канцоў адросткаў. Пры іх тупленні ў час капання пароды або пры скрышванні ад судакранання з крэменем, яны завастраліся счэсваннем або зразаннем – канічным, касым або сякерападобным, у залежнасці ад выгіну адростка і прызначэння прылады.

Рог непараўнаўча цвярдзейшы за дрэва, таму для яго апрацоўкі заўсёды патрабаваліся адпаведныя метады, найперш тэрмічныя. На канцах шахцёрскіх інструментаў нярэдка назіраецца надпаленасць. Рогі ў адпаведных месцах награваліся над агнём, затым надсякаліся па перыметры, каб атрымаўся роўны злом, і ламаліся. Часам, калі трэба было атрымаць рукаятку кіркі, рог разломваўся па нагрэтаму ўчастку без надсякання. Аднак пры аддзяленні адросткаў надсяканне было абавязковым. Пры гэтым на ствале пакідаліся пянькі адросткаў, у іншым выпадку ствол лёгка ламаўся бы пры выкарыстанні інструмента. Месцы аддзялення адросткаў і разлому ствала звычайна загладжваліся, асабліва на рабочых частках, каб пазбегнуць траўмы шахцёра і наліпання крэйды ў час працы. Для гэтай жа мэты на рабочых участках капальных прыладаў і месцах трымання іх рукамі, як правіла, здымалася бугрыстая фактура паверхні рога. Гэта рабілася як наўмысна зразаннем, так і ад працы. Пры гэтым, верагодна, шахцёры працавалі з капальнымі інструментамі ў скураных рукавіцах.

З аднаго рога дарослай асобіны аленя звычайна атрымлівалі 2–3 паўнавартасныя кіркі і 2 капачы. Верагодна, шахцёры самі рыхтавалі сабе капальныя інструменты, і на іх адлюстраваліся індывідуальныя асаблівасці працаўнікоў. Так, некаторыя кіркі і капачы асабліва добра апрацаваныя і выгладжаныя. На іншых прыкметна неахайнасць, выпадковасць надсякання ствала, касыя зломы, іх незагладжанасць.

Старажытныя шахцёры з-над Росі не толькі валодалі сакрэтамі крэмнездабычы з зямных глыбінь, але і выпрацавалі дасканалы набор гарняцкіх інструментаў, які па сваёй функцыянальнасці і марфалогіі праіснаваў наступныя тысячагоддзі, ажно да вынаходніцтва адпаведных машын навейшага часу.

Літаратура

1. **Гурина, Н.Н.** Древние кремнедобывающие шахты на территории СССР. Л., 1976.

2. **Чарняўскі, М.М., Кудрашоў, В.Я., Ліпніцкая, В.Л.** Старажытныя шахцёры на Росі. Мн., 1996.

3. **Boguszewski, A.** Narzędzia rogowe z wczesnobrązowej kopalni krzemienia w Krasnym Siole nad rzeką Roś // WA. T. XLIX. Z. 2. 1984.

4. **Cehak-Hołubowiczowa, H.** Zabytki archeologiczne województwa Wileńskiego i Nowogródzkiego. Wilno, 1936.

5. **Szmit, Z.** Przedhistoryczna kopalnia krzemienia pow Wołkowyski na Litwie // Z otchłani wieków. Z. 1. 1926a.

6. **Szmit, Z.** Kopalnie krzemienia w Wołkowyskiem // Ziemia. № 11. 1926b.

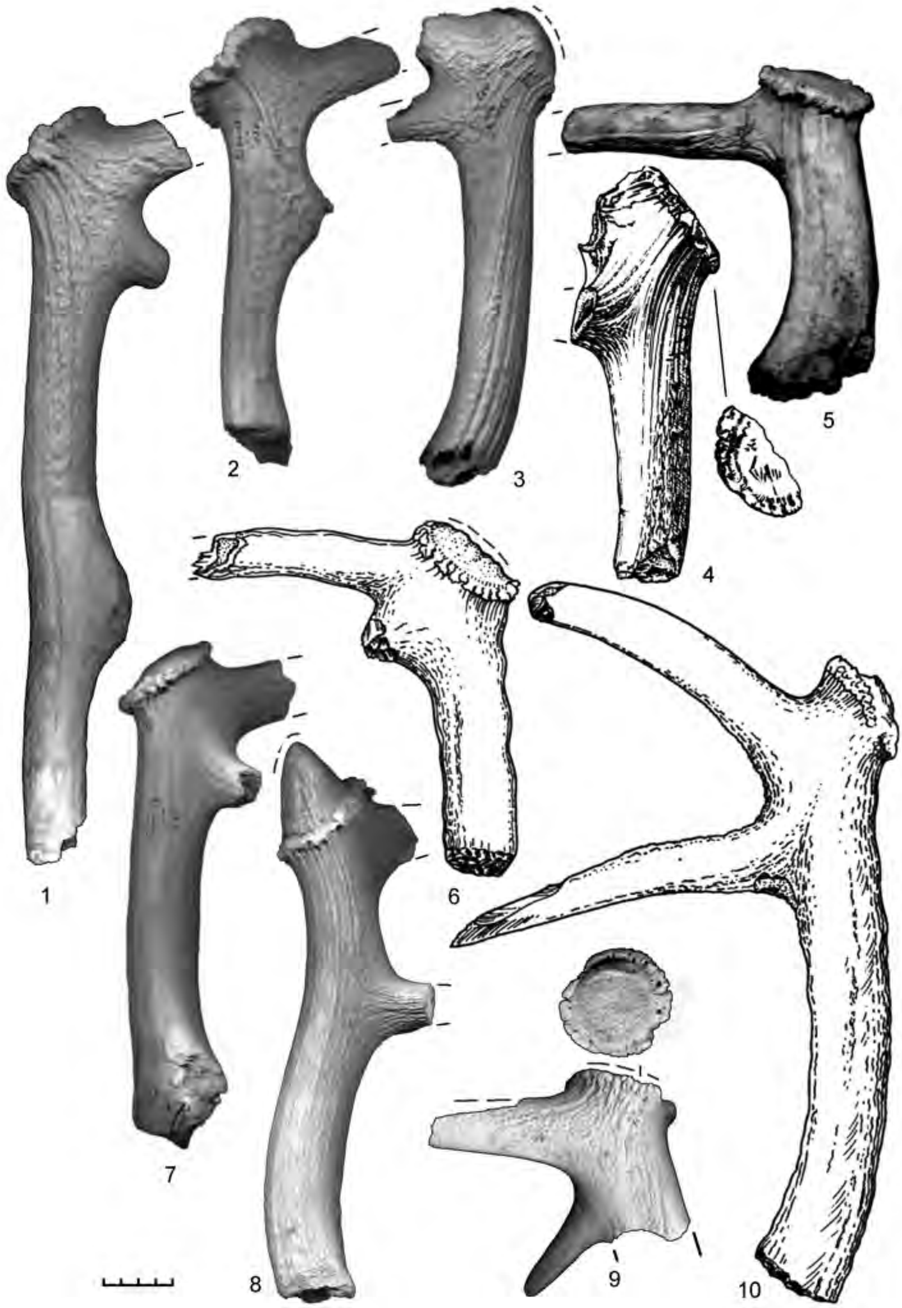
Mikhail Charniauski

Horn mining Tools from Karpautsy, Vaukavysk District

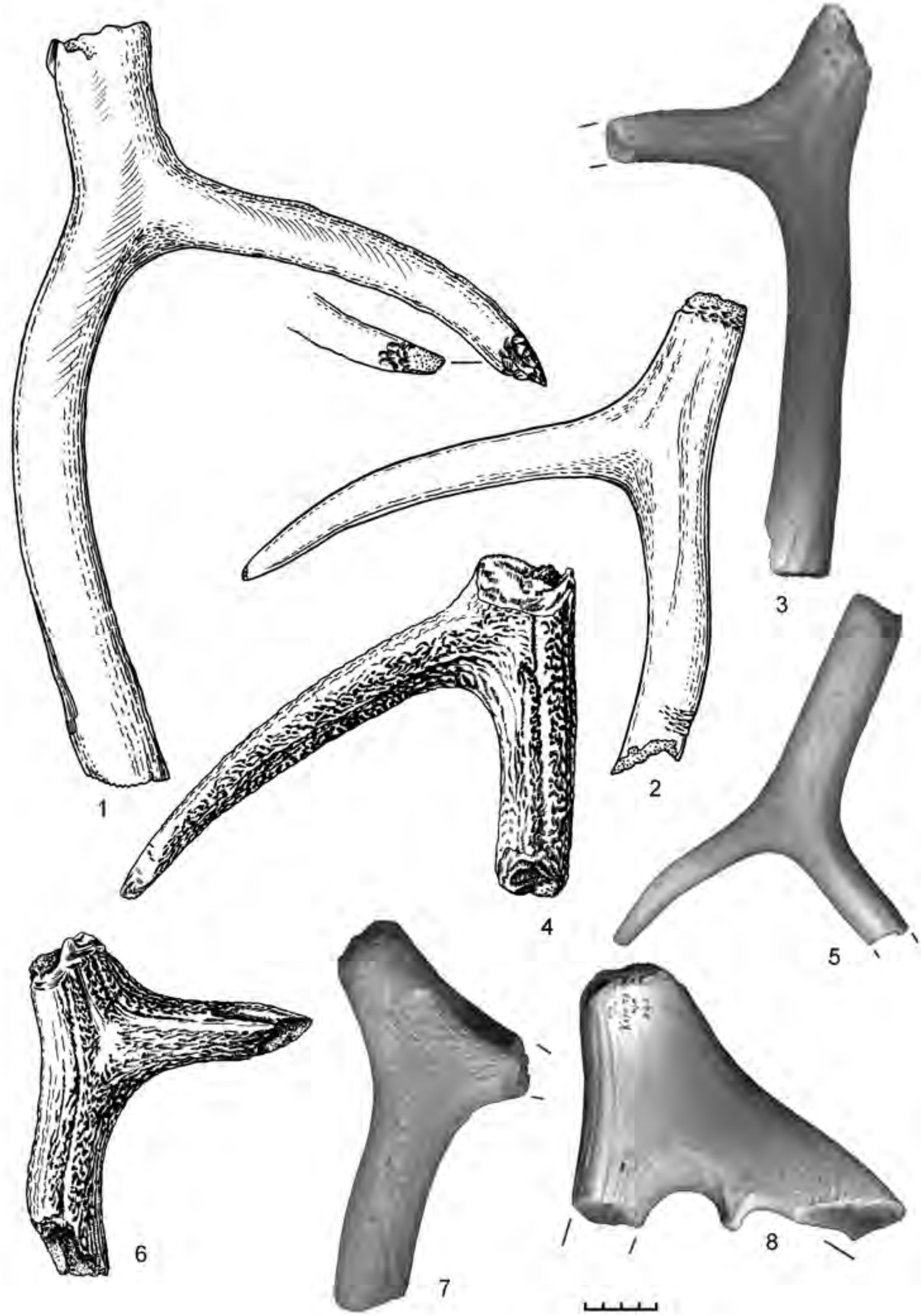
A productive center of flint mining and treatment existed in the middle flow of the Ros river near Krasnaselski, Navasiolki and Karpautsy villages (Vaukavysk district) in the Late Neolithic and Bronze Ages. As a result of the researches of flint workshops and mines on a chalk lense, a collection of horn mining tools (62 specimens and their fragments) were formed. With a few exceptions red after antlers were used for their production.

Picks were used for digging vertical shaft wells and wider chambers. There were picks made of deer beam antler (fig. 1:1–10), picks made of the middle part of antler (fig. 2:1–4, 6), picks made of the upper part of antler (fig. 2:5–7, 8), fragments of picks which are mainly made of the middle part of antler and picks with a drilled hole. In narrow chambers and for taking flint nodules out from chalk blocks digging tools («kapach») were used: daggerlike «kapach» (fig. 3:1–9), «kapach» made of deer beam antler.

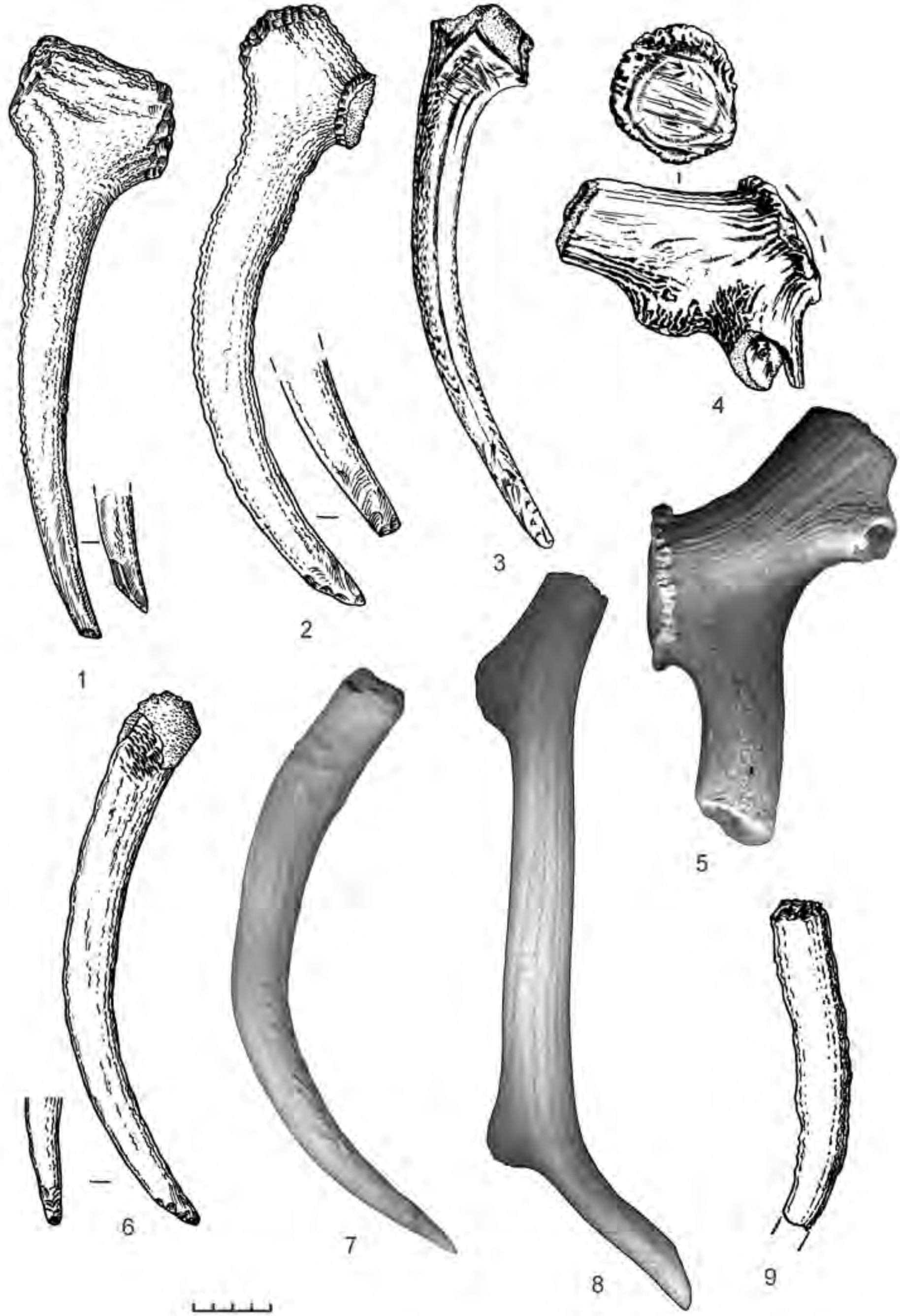
In the collection of horn artefacts from Karpautsy there are also rosette parts of deer antler (fig. 4:2–4); fragments of mining tools; percussors and punches (fig. 4:7–10).

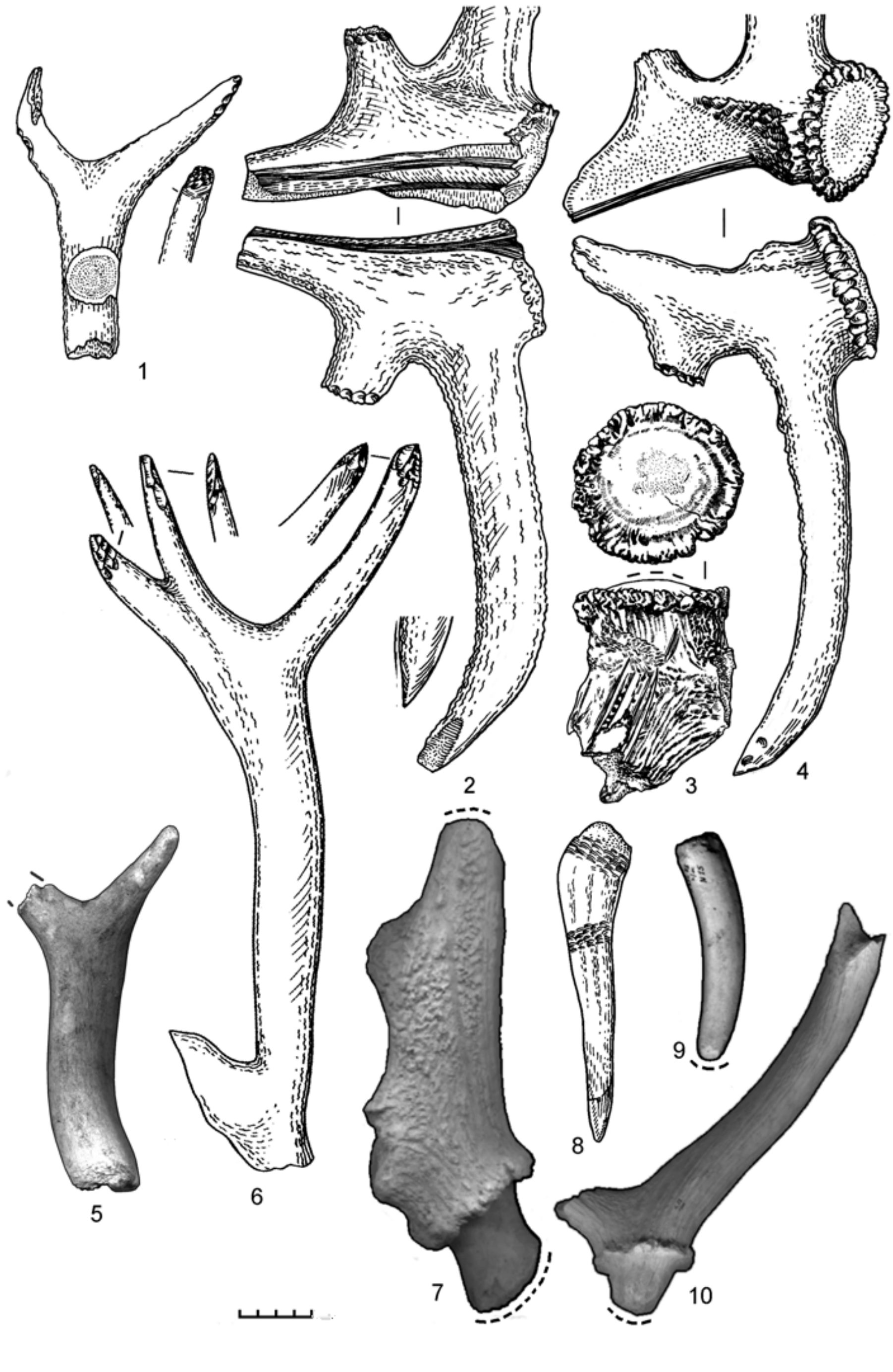
Мал. 1. Карпаўцы. Кіркі з прыразеткавых (камлёвых) частак рагоў

Мал. 2. Карпаўцы. Кіркі з сярэдніх (1–4, 6) і каронных (5, 7, 8) частак рагоў

Мал. 3. Карпаўцы. Кінжалападобныя капачы і іх фрагменты

Мал. 4. Карпаўцы. Рагавы інструментарый: 1, 5, 6 – капачы вілападобныя; 2, 3, 4 – разеткавыя часткі рагоў з адшчапанай кампактай; 7–10 – прылады для апрацоўкі крэменю

Вадзім Лакіза, Віталь Сідаровіч

КЕРАМІКА ЭПОХІ НЕАЛІТУ І БРОНЗАВАГА ВЕКУ З ПАСЕЛІШЧА ДАКУДАВА 5 (РАСКОПКІ 1998, 1999 І 2004 ГАДОЎ)

Помнік эпохі неаліту і бронзавага веку Дакудава 5 размешчаны праз 2,5–3 км на паўднёвы ўсход ад маста праз раку Нарву ў вёсцы Дакудава Лідскага раёна Гродзенскай вобласці пасярод шырокай правабярэжнай поймы ракі Нёман і займае дзюну памерамі каля 60×100 м, вышынёй да 2,6 м (мал. 1). Ён быў выяўлены ўвесну 1998 г., у час сумеснай экспедыцыі па абследаванню правабярэжжа ракі Нёман супрацоўнікамі аддзела археалогіі каменнага і бронзавага вякоў Інстытута гісторыі НАН Беларусі В.Л. Лакізам і М.М. Чарняўскім (Лакіза, 1998; Лакіза, Сідаровіч, 1998, с. 581–582). У тым жа годзе, у пачатку чэрвеня, В.Л. Лакіза правёў шурфоўку помніка на плошчы 6 м^2 (Лакіза, 1998). Пераважная большасць знойдзенага ў двух шурфах матэрыялу адносілася да эпохі ранняга неаліту. У сувязі з гэтым далейшыя даследаванні на паселішчы летам 1998 г. працягнуў В.М. Сідаровіч, які раскапаў 21 м^2 культурнага пласта. Атрыманы ім матэрыял адносіўся ў асноўным да позняга неаліту і бронзавага веку (Сідаровіч, 1998). Таму, улічваючы значную каштоўнасць некаторых атрыманых на помніку керамічных матэрыялаў для вывучэння бронзавага веку правабярэжных раёнаў ракі Нёман, у 1999 г. раскопкі на паселішчы Дакудава 5 на плошчы 48 м^2 правёў ужо В.Л. Лакіза (Лакіза, 1999). Ім жа ў 2004 г. было даследавана яшчэ 97 м^2 (Лакіза, 2004а; 2005, с. 223–224). Агульная даследаваная плошча, такім чынам, склала 172 м^2 (мал. 1). Выяўленыя ў час раскопак матэрыялы захоўваюцца ў Нацыянальным музеі гісторыі і культуры Беларусі, Інстытуце гісторыі НАН Беларусі, музеі Бердаўскай СШ Лідскага раёна Гродзенскай вобласці.

Для кароткай характарыстыкі помніка адзначым, што магутнасць культурнага пласта вагалася ад 0,4 да 0,6 м. Важна, што на плошчы раскопа былі выяўлены і даследаваны каля 20 разнастайных аб’ектаў, сярод якіх і рэшткі двух пахаванняў з суправаджальным інвентаром (Лакіза, 2005, с. 223–224).

У час раскопак на паселішчы Дакудава 5 было выяўлена 2532 фрагменты керамікі і 2 цэлыя ляпныя гаршкі. Сярод іх 2412 фрагментаў ляпной і 120 фрагментаў ганчарнай керамікі. Па плошчы раскопа кераміка размяркоўвалася амаль раўнамерна, з пэўнай канцэнтрацыяй каля аб’ектаў. Стратыграфічна керамічныя знаходкі не падзяляліся.

Значную колькасць артэфактаў складаюць вельмі дробныя, патрушчаныя, моцна пашкоджаныя фрагменты ляпной керамікі з мінеральнымі дамешкамі ў цесце без слядоў арнаментацыі (1044 фрагменты). Іх практычна немагчыма аднесці да той ці іншай культуры ці групы. Большасць ганчарнай керамікі – дробныя неарнаментаваныя сценкі. Некалькіх ганчарных венчыкаў датуюцца XVI стагоддзем [1] (Лакіза, 2004а, мал. 32:3). Астатняя вызначальная ляпная кераміка належыць да вельмі шырокага храналагічнага адрэзку часу – ад ранняга неаліту да жалезнага веку (эпохай жалеза датуюцца 27 фрагментаў, якія належаць да культуры штрыхаванай керамікі) [2] (Лакіза, 2004а, с. 14).

---

[1] Вызначэнне А.В. Іова.

[2] Вызначэнне А.М. Мядзведзева.

Табл. 1. Кераміка паселішча Дакудава 5

Культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя	Колькасць
Прыпяцка-нёманская ранненеалітычная культура	276
Нёманская неалітычная культура	639
Культура шарападобных амфар	25
Кола культур шнуравой керамікі	301
Тшцінецкае культурнае кола	64
Кераміка позняга перыяду бронзавага веку	26
Жалезны век	27
Ляпная невызначальная кераміка	1044
Ганчарная кераміка	120
Усяго: **фрагментаў** **цэлых пасудзін**	 **2532** **2**

Мэта дадзенага артыкула – аналіз ляпной керамікі толькі эпохі неаліту і бронзавага веку. Адзначым, што менавіта кераміка, якая з'яўляецца адным з найбольш масавых археалагічных матэрыялаў, адносіцца да важнейшых археалагічных крыніц, лічыцца надзейным паказчыкам пры вылучэнні археалагічных культур, вызначэнні іх арэалаў, вывучэнні лакальных асаблівасцей, рашэнні праблем храналогіі і перыядызацыі. Пры сістэматызацыі і аналізе керамікі з паселішча Дакудава 5 мы выкарысталі тры важнейшыя паказчыкі: 1) тэхналогію (дзе ўлічаны характар дамешкі да глінянага цеста, спосабы апрацоўкі паверхні посуду); 2) марфалогію (формы і памеры посуду, тыпы венчыкаў, дноў); 3) спосабы арнаментацыі (элементы, матывы, кампазіцыі).

Кераміка прыпяцка-нёманскай ранненеалітычнай культуры

Вылучыў нёманскую неалітычную культуру і падрабязна яе апісаў у шэрагу артыкулаў і манаграфіі Міхал Чарняўскі (Чарняўскі, 1979; 2004). Выразныя рысы матэрыяльнай культуры, у першую чаргу керамікі, вялікая колькасць паселішчаў з магутнымі культурнымі напластаваннямі і значнай колькасцю артэфактаў дазволілі даследчыку не толькі вызначыць арэал культуры, але і падрабязна ахарактарызаваць яе тры этапы, зрабіць высновы адносна храналогіі і перыядызацыі. У апошнія гады М.М. Чарняўскі, пасля збору і аналізу новых дадзеных, прапанаваў унесці змены ў схему культурнага развіцця неалітычных старажытнасцей Заходняй Беларусі (Чарняўскі, 2003, с. 25–33). Аналізуючы класічную для ляснога неаліту кераміку з паселішча Дакудава 5, мы, услед за М.М. Чарняўскім, аднеслі яе да прыпяцка-нёманскай ранненеалітычнай культуры (раней дубічайскі тып) і нёманскай неалітычнай культуры (лысагорскі і дабраборскі тыпы).

Керамікі *прыпяцка-нёманскай* культуры знойдзена 276 фрагментаў. Практычна ўсе фрагменты з арганічнымі дамешкамі ў цесце, некаторыя фрагменты акрамя арганікі ўтрымліваюць невялікую колькасць жарствы. Важнай тэхналагічнай асаблівасцю такой керамікі з'яўляецца і выкарыстанне грабеньчатых расчосаў, якія сустракаюцца на ўнутраных паверхнях значнай колькасці фрагментаў. Каля 90 абломкаў керамікі, у тым ліку венчыкаў, маюць арнаментацыю. Для аздаблення найчасцей выкарыстоўваліся разнастайныя адбіткі грабеньчатага штампу, якія маглі спалучацца са скразнымі адтулінамі (пад краем венчыка) (мал. 2:1, 3, 6, 7), пракрэсленыя лініі, якія ўтваралі сеткавую кампазіцыю (мал. 2:2). Посуд мог арнаментавацца не толькі ў верхняй палове, але і па ўсёй паверхні, аб чым сведчаць фрагменты вострых дноў з грабеньчатым (мал. 2:6, 7) і накольчатым (мал. 2:8) арнаментам.

Вастрадонны посуд з раслiннымі дамешкамі ў цесце, з арнаментам у выглядзе грабеньчатых адбіткаў, адступаючых наколаў, пракрэсленых ліній і глыбокіх ямак пад краем венца быў характэрны для днепра-данецкай этнакультурнай супольнасці (Телегин, Титова, 1998, с. 11–14), у якую, па меркаванні М.М. Чарняўскага, уваходзіць і прыпяцка-нёманская культура (Чарняўскі, 2003, с. 29). Нёманскі варыянт гэтай культуры мае свае асаблівасці, а менавіта дамінаванне ў арнаменце адбіткаў грабеньчатага штампа (Чарняўскі, 2003, с. 29), што ўласціва і для ранненеалітычнай керамікі з паселішча Дакудава 5.

Кераміка нёманскай неалітычнай культуры

По меркаванні М.М. Чарняўскага, у неаліце Заходняй Беларусі на лысагорскім этапе пачалі адбывацца значныя змены. У выніку пэўныя навацыі пры захаванні некаторых ранненеалітычных традыцый і прывялі да фарміравання дабраборскага этапу. Менавіта гэтыя два этапы (лысагорскі і дабраборскі) і склалі ўласна нёманскую культуру (Чарняўскі, 2003, с. 29).

На паселішчы Дакудава 5 знойдзена 639 фрагментаў керамікі *нёманскай культуры*. Гэта посуд жоўта-шэрага, цёмна-шэрага колеру з гладкімі ці злёгку заштрыхаванымі паверхнямі. Дамешкі ў цесце – жарства сярэдніх і буйных памераў, на некалькіх фрагментах лысагорскага тыпу мінеральныя дамешкі спалучаюцца з арганічнымі. Венчыкі кароткія, злёгку патоўшчаныя, закругленыя, загнутыя ўнутр (мал. 3:1–3; 4: 1, 4). Посуд пераважна буйных памераў, з дыяметрам па венчыку да 30–36 см. Дны вострыя. Амаль на 100 фрагментах керамікі маецца арнамент. Для аздаблення выкарыстоўваліся разнастайныя элементы: наколы, у тым ліку адступаючыя, ямкі, насечкі, розныя адбіткі лінейнага і сегментападобнага штампа. Напрыклад, на лысагорскім этапе посуд мог упрыгожвацца нерэгулярнымі адбіткамі злёгку выгнутай лапаткі (мал. 3:5–7), пасамі глыбокіх наколаў лапаткай пад краем венчыка і папярочнымі насечкамі на зрэзе (мал. 3:1), пасамі глыбокіх акруглых наколаў і лінейнымі адбіткамі на зрэзе венчыка (мал. 3:2). На дабраборскім этапе посуд упрыгожваўся адступаючымі адбіткамі лапаткі, пракрэсленым сеткавым арнаментам, пракрэсленымі лініямі ў спалучэнні з лінейным арнаментам на зрэзе венчыка, пасамі акруглых наколаў пад краем венчыка (мал. 4:1–4; 5: 1). Напрыклад, вылучаецца часткова рэканструяваная пасудзіна буйных памераў з дыяметрам па венчыку каля 36 см, арнаментаваная пракрэсленымі лініямі, якія ўтвараюць сетку і спалучаюцца з акруглымі глыбокімі наколамі, а таксама з арнаментацыяй зрэзу венчыка (мал. 5:1).

Кераміка культуры шарападобных амфар

У сучаснай літаратуры многія даследчыкі ўсё больш увагі звяртаюць на наяўнасць на шэрагу неалітычных помнікаў матэрыялаў культуры шарападобных амфар і на яе ролю ў культурна-гістарычным развіцці насельніцтва Заходняй Беларусі (Крывальцэвіч, 1999, с. 21–23; 2004, с. 143–147; Чебрешук, Шмит, 2003, с. 34–38; Лакіза, 2004в, с. 181). У нашым выпадку вельмі важна, што ўпершыню такія керамічныя артэфакты трапіліся ў час раскопак і на правабярэжжы р. Нёман. На паселішчы Дакудава 5 знойдзена 25 фрагментаў керамікі з прыкметамі культуры шарападобных амфар (мал. 6:1–6). Гэта ў асноўным невялікіх памераў посуд светла-карычневага, цёмна-шэрага колеру з дамешкамі жарствы, звычайна сярэдніх памераў. На абедзвюх паверхнях сценак таўшчынёй каля 4–5 мм захоўваюцца сляды лёгкай штрыхоўкі. Венчыкі сплошчаныя ці злёгку прыкругленыя, шыйкі кароткія, высокія, лейкападобныя, з плаўным пераходам у тулава. У адным выпадку дыяметр гаршка па венчыку мог складаць каля 8 см (мал. 6:3). Арнаментаваны посуд харак-

тэрным для культуры шарападобных амфар лінейным прамавугольным штампам, з якога ўтвараліся гарызантальныя рады з вертыкальных адбіткаў, зігзагі, рады з нахіленых адбіткаў (мал. 6:1–5). Аднак мог ужывацца і посуд большых памераў. Так, сярод керамікі маюцца 2 фрагменты вушкаў ад адной пасудзіны светла-карычневага колеру з дамешкамі жарствы. Таўшчыня аднаго з іх каля 2 см. На вушку захаваліся сляды арнаментацыі акруглымі адбіткамі полага штампа (мал. 6:6).

Посуд кола культур шнуравой керамікі

У апошнія гады В.Л. Лакіза, пасля сістэматызацыі і класіфікацыі старажытнасцей позняга неаліту і бронзавага веку Беларускага Панямоння, прапанаваў новую схему культурна-храналагічнай ідэнтыфікацыі керамічных матэрыялаў (Лакіза, 2004б). У шэрагу артыкулаў даследчыкам абгрунтоўваецца вылучэнне ў басейне ракі Нёман некалькіх груп керамікі, кожная з якіх падзяляецца на тыпы (Лакіза, 2004в; 2006). Так, посуд кола культур шнуравой керамікі на Панямонні (група 1) мае не толькі пэўныя тэхналагічныя, марфалагічныя і арнаментальныя асаблівасці, але таксама і значныя рэгіянальныя (лакальныя) адрозненні. Менавіта яны і даюць падставы для падзелу посуду гэтай групы на кераміку тыпу Бершты-Русакова (тып 2) і кераміку падгорнаўскага тыпу (тып 3) (Лакіза, 2006, с. 36–37, 49–50).

Керамікі *тыпу Бершты-Русакова* на паселішчы Дакудава 5 знойдзена 298 фрагментаў. Гэта шэрага, светла-шэрага, шэра-карычневага колеру кераміка, заўсёды з мінеральнымі дамешкамі: розных памераў жарствой, пяском. Паверхні гладкія альбо выразна заштрыхаваныя, часам гладкія звонку і заштрыхаваныя ўнутры. У некаторых выпадках выкарыстоўвалася і ангабаванне посуду (мал. 5:2). Таўшчыня сценак ад 5 да 10 мм. На жаль, як і на многіх іншых помніках Панямоння, пераважная большасць керамічнай калекцыі складаецца з моцна фрагментаваных, дробных, пашкоджаных абломкаў сценак ад разнастайных пасудзін, дакладную форму і памеры якіх вельмі складана аднавіць. Венчыкі высокія ці кароткія, са сплошчанымі, прыкругленымі, патончанымі, зрэзанымі ўнутр краямі (мал. 4:6; 5:2, 3;7: 1–3). Дыяметр некаторых з іх мог дасягаць 27–28 см (мал. 5:2). Дны плоскія, без закраін (мал. 9:6–11). Частка керамікі арнаментавана. Для аздаблення выкарыстоўваліся адбіткі разнастайнага лінейнага штампа, шнура, наколы, валікападобныя патаўшчэнні (мал. 4:5–10; 6:7, 8; 9:4). Арнамент наносіўся ў асноўным на верхнюю палову посуду, на шыйку, частку тулава і пад самым венчыкам. Назіраецца і арнаментацыя зрэзаў венчыкаў. Часам арнамент утвараў даволі складаныя матывы з гарызантальных радоў, зігзагаў, утвораных адбіткамі акруглага, сегментападобнага, авальнага штампа, якія, у сваю чаргу, дапаўняліся неглыбокімі ямкамі (мал. 5:3, 4, 5; 7:3). Некаторыя пасудзіны зусім не мелі арнаментацыі (мал. 7:1), альбо мелі толькі некалькі скразных адтулін пад краем венчыка (мал. 5:2).

Аб некаторых формах ляпнога посуду, які выкарыстоўваўся на паселішчы Дакудава 5, даюць ўяўленне часткова адноўленыя пасудзіны. Сярод іх маецца пласкадонны рабрысты гаршчок шэрага колеру з амаль гладкімі паверхнямі і дамешкамі невялікай колькасці рознаязярністай жарствы. Яго дыяметр па венчыку каля 10 см, дыяметр дна 8 см, таўшчыня сценак 4–6 мм (мал. 7:2). У верхняй палове гаршчок арнаментаваны адбіткамі штампа акруглай формы, якія ўтвараюць некалькі гарызантальных паралельных радоў. Яшчэ адна слоікападобная пасудзіна цёмна-шэрага колеру, з дамешкамі сярэдне- і буйназярністай жарствы, з таўшчынёй сценак каля 6 мм, з лёгкай штрыхоўкай знешняй і выразнай косагарызантальнай штрыхоўкай унутранай паверхняў, мела дыяметр па патоўшчанаму і прыкругленаму венчыку каля 27 см (мал. 7:3). Вылучаецца яна і сваім арнаментам, выкананым адбіткамі штампаў акруглай, падавальнай, сегментападобнай форм. Пры спалучэнні такіх

адбіткаў утвораны складаныя матывы з некалькіх гарызантальных радоў і зігзагаў (мал. 7:3). Трэцяя пасудзіна светла-карычневага колеру з невялікай колькасцю мінеральных дамешак і порыстай паверхняй, з дыяметрам па прыкругленаму венчыку каля 28 см, зусім не мела арнаментацыі (мал. 5:3)

Асаблівае значэнне мае цэлы посуд:

1) шэра-карычневага колеру кубак з дамешкамі невялікай колькасці жарствы, выразна заштрыхаванай знешняй і загладжанай унутранай паверхнямі, без арнаментацыі. Край венчыка няроўны, зрэз акруглы. Вышыня кубка каля 5,4 см, дыяметр венчыка 8,5–9 см, дыяметр дна 6 см (мал. 7:1).

2) светла–шэрага колеру пласкадонны гаршчок (з пахавання) з невялікай колькасцю жарствы, добра загладжанымі паверхнямі, з арнаментацыяй. Край венчыка няроўны, зрэз сплошчаны, амаль гарызантальны. Таўшчыня сценак 6–7 мм, венчыка і дна 8 мм. Вышыня гаршка 11,6–12 см, дыяметр венчыка 12,5 см, максімальны дыяметр тулава 14 см, дыяметр дна 8,5 см. Ён упрыгожаны трыма гарызантальнымі, амаль паралельнымі радамі з разрэджаных адбіткаў падавальнага (кроплепадобнага) штампа (мал. 8).

З прычыны таго, што асноўны арэал керамікі *падгорнаўскага тыпу* (часам для яе выкарыстоўваецца назва – кераміка падгорнаўскага тыпу з рысамі сярэднедняпроўскай культуры) прыпадае на паўднёва-усходняе Панямонне (Лакіза, 2004б, с. 13), то наяўнасць у калекцыі керамікі з паселішча Дакудава 5 нават трох фрагментаў посуду гэтага тыпу дазваляе рабіць пэўныя карэктывы адносна культурна-гістарычнага развіцця правабярэжных раёнаў ракі Нёман. Важна пры гэтым, што на згаданай тэрыторыі Панямоння такія матэрыялы знойдзены ўпершыню. Сярод іх вылучаецца адзін фрагмент венчыка са зрэзаным унутр і арнаментаваным краем, з жарствой, шурпаватымі на вобмацак ад зярнят жарствы паверхнямі і арнаментацыяй у выглядзе заштрыхаваных трохкутнікаў у спалучэнні з гарызантальнымі пасамі лінейных адбіткаў (мал. 9:1). Уяўляе цікавасць і фрагмент плоскага дна з прыдоннай часткай ад пасудзіны з жарствой у цесце і гладкімі паверхнямі, арнаментаваны адбіткамі зубчатага штампа (мал. 9:3).

Кераміка тшцінецкага культурнага кола

Сярод керамічных матэрыялаў тшцінецкага культурнага кола Беларускага Панямоння (група 2) В.Л. Лакіза прапанаваў вылучаць два тыпы – кераміку тыпу 1 і тыпу 2 (Лакіза, 2004б, с. 8–9; 2004в, с. 183–188). Для тшцінецкай керамікі (група 2) ў цэлым характэрна выкарыстанне ў якасці асноўных дамешак жарствы розных памераў, звычайна сярэдне- і буйназярністай. Паверхні большасці пасудзін старанна апрацаваныя, добра загладжаныя, некаторыя нават да бляску, але частка керамікі ў месцах выхаду зярнят жарствы мае шурпаватыя паверхні і характэрныя трэшчынкі. Венчыкі посуду звычайна патаўшчаліся (злёгку ці моцна), коса альбо гарызантальна зразаліся вонкі, часам набывалі «грыбападобныя» ці закругленыя формы (мал. 10). Дны звычайна тоўстыя, без закраін. Можна гаварыць аб невялікіх (дыяметр венчыка 13–15 см, дна – 8 см) і сярэдніх (дыяметр венчыка 18–24 см, дна 10–11 см) па памерах пасудзінах цюльпанападобнай формы, а таксама аб гаршках буйных памераў (дыяметр венчыка 28–30 см). Ужываліся таксама і друшлякі (сітападобны посуд), якія вылучаюцца сваімі невялікімі памерамі і наяўнасцю вялікай колькасці скразных адтулін. Але самым паказальным для такога посуду з'яўляецца арнамент, на падставе якога, у пераважнай большасці, і праводзіцца канчатковы падзел тшцінецкай керамікі на тыпы.

На паселішчы Дакудава 5 знойдзена 64 фрагменты керамікі тшцінецкага культурнага кола. Яны паходзяць ад посуду светла-шэрага, цёмна-шэрага, шэра-карычневага

колеру з дамешкамі розназярністай жарствы і добра загладжанымі, часам ангабаванымі, паверхнямі. Таўшчыня сценак розная – ад 5 да 12 мм. Венчыкі патоўшчаныя, коса зрэзаныя вонкі, з дыяметрам ад 9 да 22 см (мал. 10:1, 16). Дны плоскія, тоўстыя. Адзін фрагмент сценкі, пакрыты скразнымі адтулінамі, паходзіць ад друшляка ці сітападобнай пасудзіны (мал. 10:12). Большасць фрагментаў керамікі ўпрыгожана разнастайнымі ружанцовымі адбіткамі, якія кампанаваліся ў гарызантальныя рады, зігзаг, дапаўняліся адбіткамі лінейнага штампа (мал. 10:1–9, 16). Акрамя таго, для аздаблення выкарыстоўваліся валікападобныя патаўшчэнні (мал. 10:10, 11), пракрэсленыя лініі (мал. 10:13–15).

Часткова аднаўляюцца верхнія часткі дзвюх пасудзін:

1) невялікіх памераў гаршчок цёмна-шэрага колеру з дамешкамі жарствы і гладкімі сценкамі, таўшчыня якіх 4–5 мм. Венчык патоўшчаны, коса зрэзаны вонкі. Дыяметр па венчыку каля 9 см. Гаршчок упрыгожаны гарызантальнымі паралельнымі радамі з адбіткаў ружанцовага штампа (мал. 10:1).

2) буйная цюльпанападобная пасудзіна цёмна-шэрага колеру з дамешкамі жарствы і гладкімі, ангабаванымі сценкамі таўшчынёй 9–10 мм. Венчык патоўшчаны, коса зрэзаны вонкі. Дыяметр па венчыку каля каля 22 см. Гаршчок упрыгожаны як мінімум 8 паралельнымі радамі з ружанцовых адбіткаў, якія ўнізе дапаўняюцца зігзагападобнымі матывамі, утворанымі тым жа ружанцовым штампам (мал. 10:16).

На сённяшні дзень, з-за шэрагу тэхналагічных і марфалагічных падабенстваў тшцінецкай керамікі з паселішча Дакудава 5 пакуль што складана прывесці канчатковыя статыстычныя дадзеныя па падзелу яе на тыпы. Несумненна, што пераважная большасць з іх адносіцца да керамікі групы 2 тыпу 2, самай важнай асаблівасцю якога з'яўляецца ружанцовая арнаментацыя. Маюцца ў калекцыі і фрагменты керамікі групы 2 тыпу 1, аналогіі якім знаходзяцца ў першую чаргу ў заходніх групах тшцінецкага культурнага кола. Асабліва гэта датычыцца фрагментаў ад адной пасудзіны шэра-карычневага колеру, з дамешкамі дробнай і сярэдняй жарствы (спецыфічнага, бліскучага колеру), гладкімі паверхнямі, арнаментаваныя шырокімі пракрэсленымі гарызантальнымі баразёнкамі, якія дапаўняюцца ўнізе вертыкальнымі (мал. 10:15).

Кераміка позняга перыяду бронзавага веку

У калекцыі керамікі з паселішча Дакудава 5 прысутнічаюць 20 фрагментаў ад аднаго гаршка, якія, галоўным чынам з-за сваіх тэхналагічных асаблівасцей, можна, па нашаму меркаванню, адносіць да позняга перыяду бронзавага веку. Гэта фрагменты сценак шэра-карычневага (з жаўтаватым адценнем) колеру з дамешкамі значнай колькасці дробна- і сярэднезярністай жарствы, выразнай хаатычна нанесенай (спалучэнні касых, гарызантальных і вертыкальных штрыхоў) штрыхоўкай па знешняй паверхні, са слядамі ангабавання (своеасаблівая мучністасць навобмацак), без арнаменту.

Высновы

Такім чынам, у час раскопак на паселішчы Дакудава 5 атрымана даволі значная і рэпрэзентатыўная калекцыя керамікі, якая дазваляе зрабіць шэраг высноў адносна культурна–храналагічнага развіцця помніка на працягу некалькі тысячагоддзяў – ад ранняга неаліту да позняга перыяду бронзавага веку.

Заснаванне паселішча адносіцца да ранняга неаліту і звязваецца з керамікай прыпяцка-нёманскай культуры. Усе ранненеалітычныя фрагменты з Дакудава 5 па ўсіх сваіх прыкметах знаходзяць значнае падабенства сярод іншых керамічных комплексаў з тэрыторыі Заходняй Беларусі: блізкая тэхналогія, заснаваная на выкарыстанні

раслінных дамешак, амаль аднолькавая марфалогія вастрадоннага посуду, падабенства ў арнаментацыі. Як мяркуе М.М. Чарняўскі, такая кераміка магла існаваць і развівацца ў перыяд 4700–3800 гг. да н.э., а, магчыма, і ў яшчэ больш старажытныя часы (Чарняўскі, 2004, с. 107).

Працягвалася жыццё на паселішчы Дакудава 5 і на лысагорскім і дабраборскім этапах нёманскай неалітычнай культуры, а мяркуючы па значнай колькасці знойдзеных фрагментаў такой керамікі, яно стала яшчэ больш інтэнсіўным. У цэлым посуд нёманскай культуры па ўсяму свайму арэалу характарызуецца пэўнай аднароднасцю. Не стала выключэннем і паселішча Дакудава 5. Выкарыстанне мінеральных дамешак, лёгкае загладжванне ці штрыхаванне паверхняў, частая прыгнутасць венчыкаў усярэдзіну, вастрадоннасць, нанясенне глыбокіх наколаў і ямак пад краем венчыка, частае выкарыстанне для арнаментацыі тонкіх пракрэсленых ліній – гэта толькі асноўныя прыкметы керамікі нёманскай культуры як з паселішча Дакудава 5, так і з іншых помнікаў Заходняй Беларусі (Чарняўскі, 2001, с. 235–239). Датуюца такія матэрыялы межамі ад 3600 г. да н.э. да другой чвэрці II тысячагоддзя да н.э. (Чарняўскі, 2004, с. 109, 112).

У III тысячагоддзі да н.э ці з 2800–2700 да н.э. мясцовае неалітычнае насельніцтва Беларусі пачынае адчуваць даволі моцнае ўздзеянне з боку носьбітаў культуры шарападобных амфар. Аб гэтым сведчаць шматлікія матэрыялы, якія трапляюцца як у час раскопак розначасовых помнікаў, так і ў працэсе сістэматызацыі і аналіза ўжо існуючых калекцый. Як прыклад гэтаму – кераміка культуры шарападобных амфар з Дакудава 5. Аднак на сённяшні дзень гэтая цікавая і складаная праблема для тэрыторыі Беларусі не вырашана і патрабуе спецыяльнага грунтоўнага даследавання.

У першай палове III тысячагоддзя да н.э. на паселішчы Дакудава 5 з'яўляюцца і матэрыялы кола культур шнуравой керамікі. У выніку доўгатрывалага, складанага працэсу ўзаемадзеянняў мясцовага насельніцтва нёманскай неалітычнай культуры з носьбітамі традыцый кола культур шнуравой керамікі, у тым ліку культуры адзіночных пахаванняў, прыморскай (жуцаўскай) культуры, пры моцным уплыве культуры шарападобных амфар на тэрыторыі Заходняй Беларусі ўзнікла група помнікаў тыпу Бершты-Русакова (Лакіза, 2004б). У яе арэал, амаль цэнтральную яго частку, уваходзіць і паселішча Дакудава 5. Менавіта таму на помніку і знойдзена даволі значная калекцыя керамікі тыпу Бершты-Русакова. Бліжэйшыя аналогіі такому посуду знаходзяцца ў асяроддзі Цыркумбалтыйскага культурнага кола шнуравой керамікі на тэрыторыі Літвы, Польшчы, Беларусі (Rimantienė, 1999a, p. 14; 1999b, pav. 12:2, 4, 6–11). Датуецца кераміка тыпу Бершты-Русакова з паселішча Дакудава 5 другой чвэрцю III тысячагоддзя да н.э. – першай чвэрцю II тысячагоддзя да н.э. і прадстаўляе, як і кераміка нёманскай культуры, позненеалітычны перыяд у развіцці помніка.

Безумоўна, каштоўнымі для нас з'яўляюцца фрагменты керамікі падгорнаўскага тыпу, асноўны арэал распаўсюджвання якой прыпадае на паўднёва–усходнія рэгіёны Панямоння, а самыя блізкія аналогіі знаходзяцца сярод матэрыялаў прыпяцкага варыянта сярэднедняпроўскай культуры і на некаторых помніках Заходняга Палесся. Датуюцца яны перыядам ад пачатку першай чвэрці да сярэдзіны другой чвэрці II тысячагоддзя да н.э. Рашэнне пытання аб іх з'яўленні на правабярэжжы р. Нёман яшчэ наперадзе, пасля далейшых раскопак паселішча Дакудава 5 і новых даследаванняў у гэтым рэгіёне Беларусі.

У першай палове II тысячагоддзя да н.э. у арэал помнікаў тшцінецкага культурнага кола ўвайшла практычна ўся тэрыторыя Беларускага Панямоння, у тым ліку і паселішча Дакудава 5. Асноўная частка керамікі гэтага часу (кераміка групы 2 тыпу 2) знаходзіць найбольшае падабенства сярод матэрыялаў паўночнапалескай

групы ўсходнетшцінецкай культуры. Гэта і амаль аднолькавая тэхналогія, блізкія марфалагічныя адметнасці (Крывальцэвіч, 1999, с. 12–13, мал. 27–31), але, самае галоўнае, арнаментацыя – з амаль поўным дамінаваннем разнастайных ружанцовых штампаў. Аднак сустракаюцца аналогіі і пры параўнанні некаторых фрагментаў керамікі з матэрыяламі мазавецка–падляскай групы тшцінецкай культуры, якая займала тэрыторыю Мазовіі, Падляшша, частку Любельскага Палесся (Dąbrowski, 1997, s. 16–19, rys. 5; Taras, 1995, s. 64–69, rys. V, VI). А гэта значыць, што на паселішчы Дакудава 5 у розны час пражывала насельніцтва як нёманскай групы, так і верхненёманскай (русаковіцкай) групы тшцінецкага культурнага кола. Дадзены працэс мог адбывацца тут ад сярэдзіны першай чвэрці да канца II тысячагоддзя да н.э.

Менавіта са з'яўленнем помнікаў нёманскай і верхненёманскай (русаковіцкай) груп тшцінецкага культурнага кола на тэрыторыі Паўночна-Заходняй Беларусі пачынаецца бронзавы век (з другой чвэрці II тысячагоддзя да н.э.).

Старажытнасці позняга перыяду бронзавага веку на ўсёй тэрыторыі Беларусі застаюцца пакуль што найменш даследаванымі. Для тэрыторыі Беларускага Панямоння вядомы толькі некалькі помнікаў, на якіх сярод пераважнай большасці іншых матэрыялаў сустракаецца і своеасаблівая кераміка, умоўна аднесеная да познебронзавага часу. У іх шэраг уключаецца і паселішча Дакудава 5.

Літаратура

1. **Крывальцэвіч, М.М.** Азярное 1 – пасяленне эпохі бронзы на поўначы Палесся / МАБ. Вып. 2. 1999.

2. **Крывальцэвіч, М.М.** Беларускае Палессе ў перыяд пераходу ад неаліту да эпохі бронзы: праблемы і перспектывы археалагічнага вывучэння // Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski. Warszawa, 2004. С. 137–162.

3. **Лакіза, В.Л.** Справаздача аб археалагічных даследаваннях на Панямонні ў 1998 годзе / АА ІГ НАН Беларусі. Спр. № 1733. Мн., 1998.

4. **Лакіза, В.Л.** Справаздача аб археалагічных работах на Панямонні ў 1999 годзе / АА ІГ НАН Беларусі. Спр. № 1795. Мн., 1999.

5. **Лакіза, В.Л.** Справаздача аб археалагічных даследаваннях на Беларускім Панямонні ў 2004 г. / АА ІГ НАН Беларусі. Спр. № 2166. Мн., 2004а.

6. **Лакіза, В.Л.** Культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя старажытнасцей ранняга і сярэдняга перыядаў бронзавага веку Беларускага Панямоння: Аўтарэферат дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.06. Мн., 2004б.

7. **Лакіза, В.Л.** Позні неаліт, ранні і сярэдні перыяды бронзавага веку Паўночна-Заходняй Беларусі. Стан і перспектывы даследаванняў // Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski. Warszawa, 2004в. С. 163–196.

8. **Лакіза, В.Л.** Даследаванне паселішча каменнага і бронзавага вякоў Дакудава 5, р. Нёман, Лідскі раён, Гродзенская вобласць // ГАЗ. № 20. 2005. С. 223–224.

9. **Лакіза, В.Л.** Кераміка позняга неаліту і бронзавага веку з паселішча Добры Бор 1 у зборы Нацыянальнага музея гісторыі і культуры Беларусі // Археалагічны зборнік. Вып. 1. Мн., 2006. С. 35–51.

10. **Лакіза, В.Л., Сідаровіч, В.М.** Каменны і бронзавы век. Весткі з экспедыцый беларускіх археолагаў (сезон 1998 г.) // БГА. Т. 5. Сш. 2 (9). 1998. С. 581–582.

11. **Сідаровіч, В.М.** Справаздача аб археалагічных даследаваннях у Гродзенскай і Брэсцкай абласцях у 1998 г. / АА ІГ НАН Беларусі. Спр. № 1766. Мн., 1998.

12. **Телегин, Д.Я., Титова, Е.Н.** Поселения днепро-донецкой этнокультурной общности эпохи неолита. Киев, 1998.

13. **Чарняўскі, М.М.** Неаліт Беларускага Панямоння. Мн., 1979.

14. **Чарняўскі, М.М.** Неаліт з грабеньчата-накольчатай і накольчатай керамікай Заходняй Беларусі. Асаблівасці эвалюцыі // Od neolityzacji do początków epoki brązu. Przemiany kulturowe w Międzyrzeczu Odry i Dniepru między VI i II tys. przed Chr. Poznań, 2001. С. 231–240.

15. **Чарняўскі, М.М.** Да пытання вылучэння прыпяцка-нёманскай ранненеалітычнай культуры // ГАЗ. № 18. 2003. С. 25–33.

16. **Чарняўскі, М.М.** Неаліт Беларусі: праблемы перыядызацыі і храналогіі // Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski. Warszawa, 2004. С. 99–118.

17. **Чебрешук, Я., Шмит, М.** К исследованию среднеевропейских факторов процесса культурных перемен в лесной зоне Восточной Европы в III тыс. до н.э. // ГАЗ. № 18. 2003. С. 34–51.

18. **Dąbrowski, J.** Epoka brązu w Północno-Wschodniej Polsce. Białystok, 1997.

19. **Taras, H.** Kultura tszciniecka w międzyrzeczu Wisły, Bugu i Sanu. Lublin, 1995.

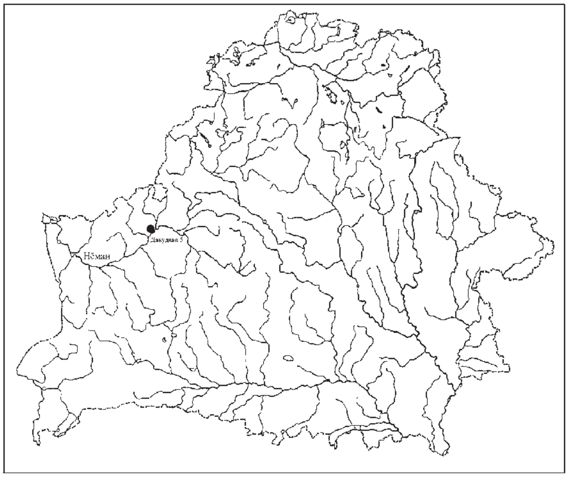
20. **Rimantienė, R.** Margių 1-oji gyvenvietė // LA. T. 16. 1999a. P. 109–170.

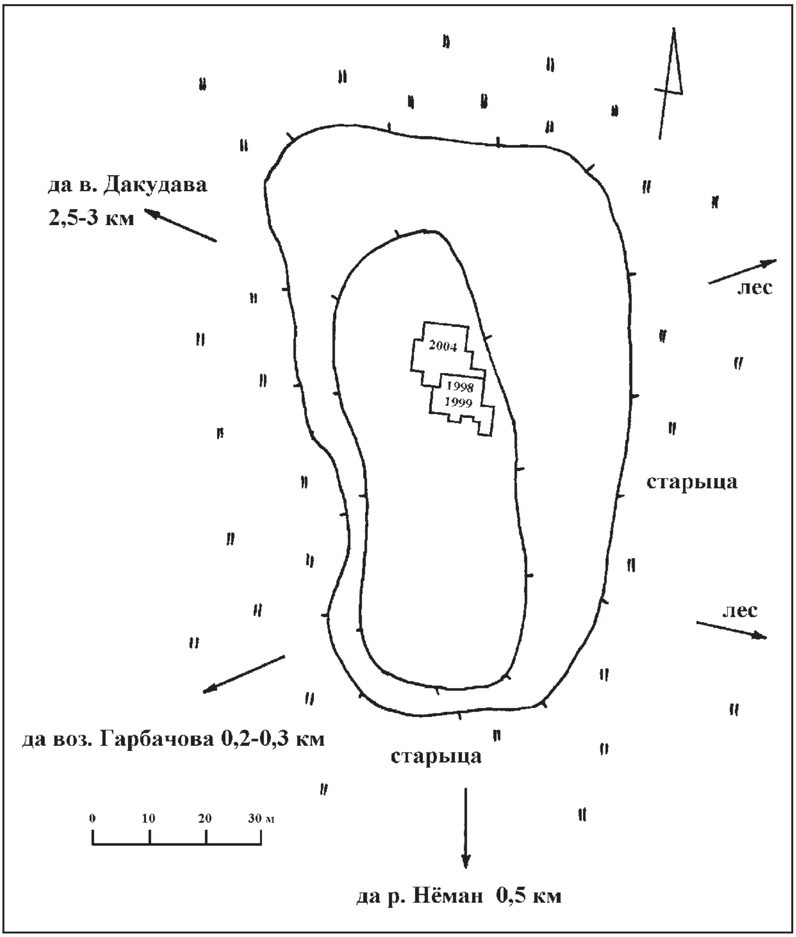
21. **Rimantienė, R.** Pelesos paežerių akmens amžiaus stovyklos ir gyvenvietės // LA. T. 16. 1999b. P. 79–107.

Vadzim Lakiza, Vital Sidarovitch

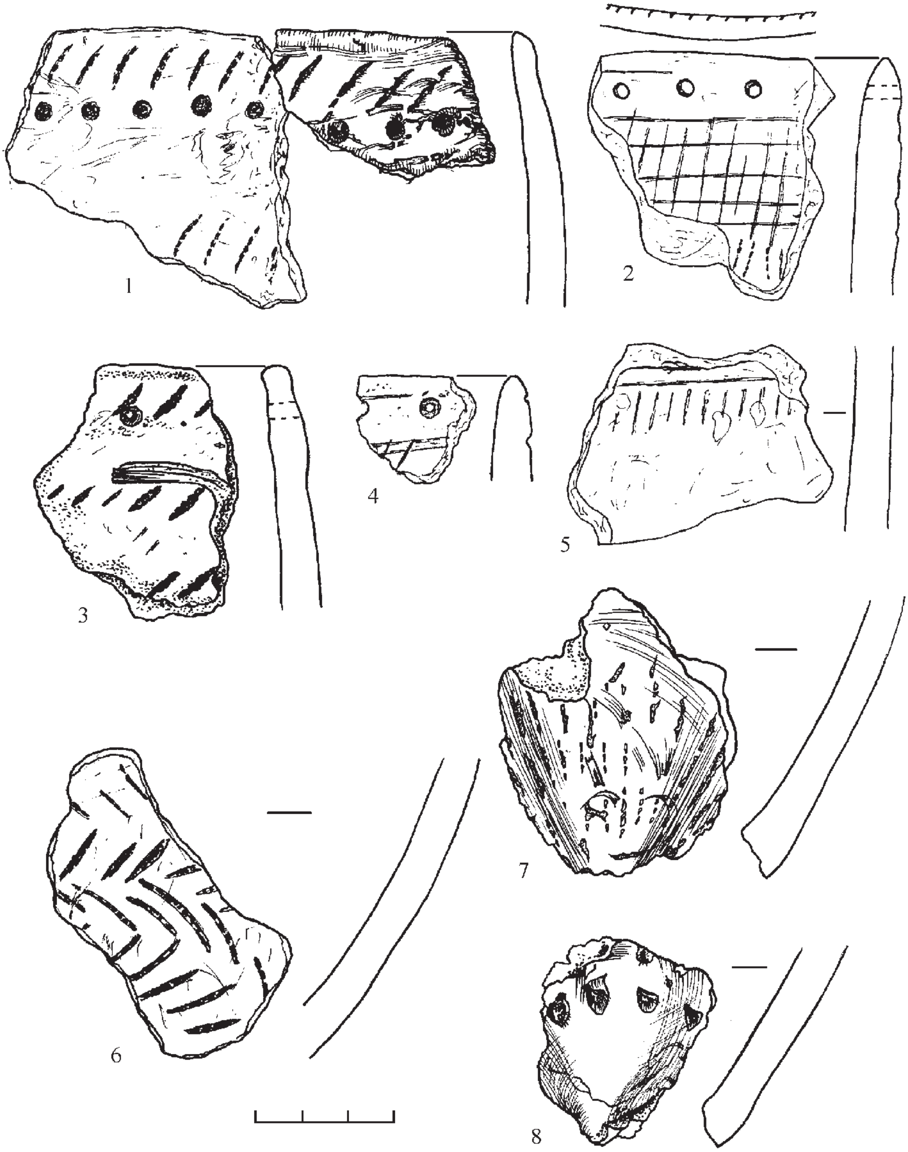
Neolithic and Bronze Age Pottery from the Settlement Dakudava 5 (Excavations of 1998, 1999 and 2004 Years)

The article presents review of the Neolithic and Bronze Age pottery revealed in the course of excavations on the settlement Dakudava 5 on the right bank of the Neman river in Lida district, Grodna region. The site within the area of 172 sq m was investigated earlier in 1998, 1999 and 2004. There were found 2532 fragments of pottery (including 2412 hand-made examples and 120 wheeled) and 2 intact hand-made pots. The examples of hand-made pottery are presented by 276 fragments of Prypiats-Neman Culture of the Early Neolithic (fig. 2), 639 fragments of Neman Neolithic Culture (fig. 3; 4:1–4; 5:1), 25 fragments of the Globular Amphora culture (fig. 6:1–6), 301 fragments of the Corded Ware Cultures Circle (pottery of the Bershty-Rusakova and the Padgornae type) (fig. 7–9), 64 fragments of Trzciniec Cultures Circle (pottery of the gr. 2 type 1 and the gr. 2 type 2 (fig. 10)), 26 fragments of the Late Bronze Age.

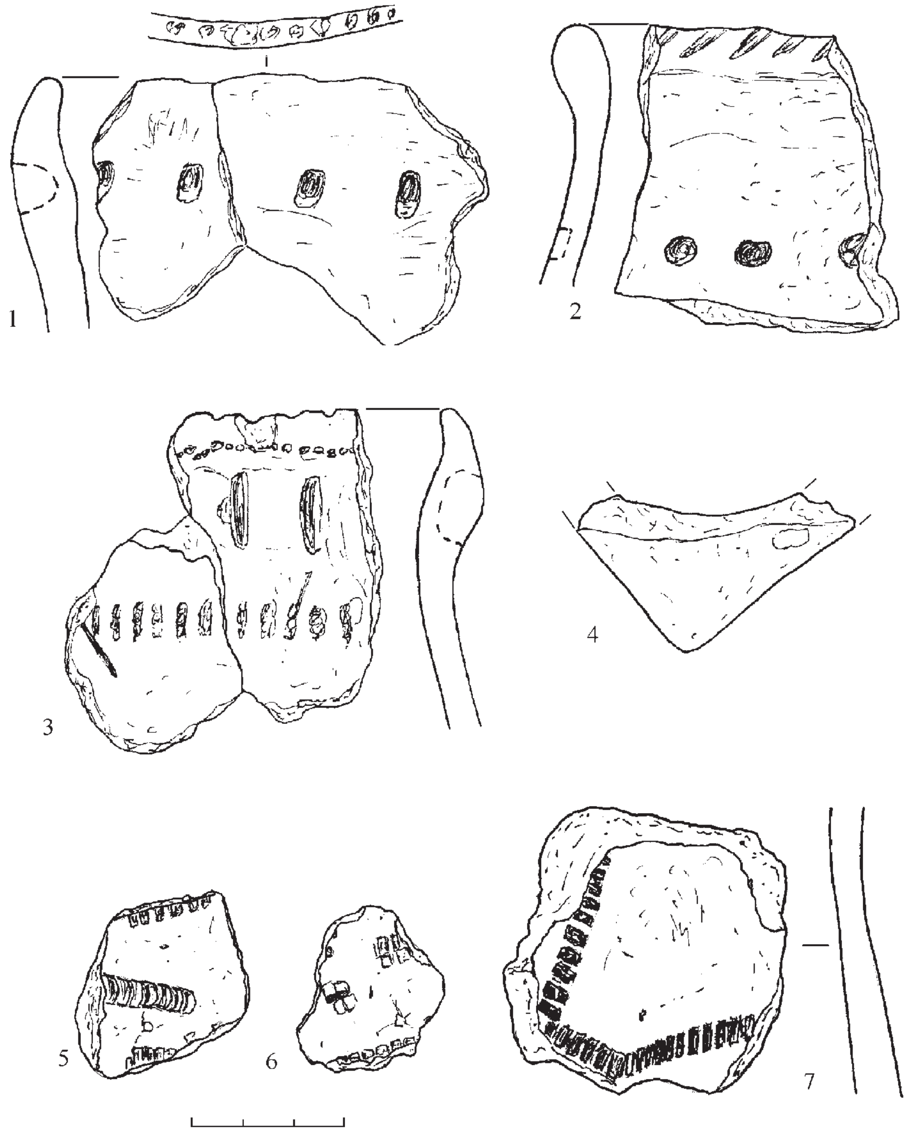

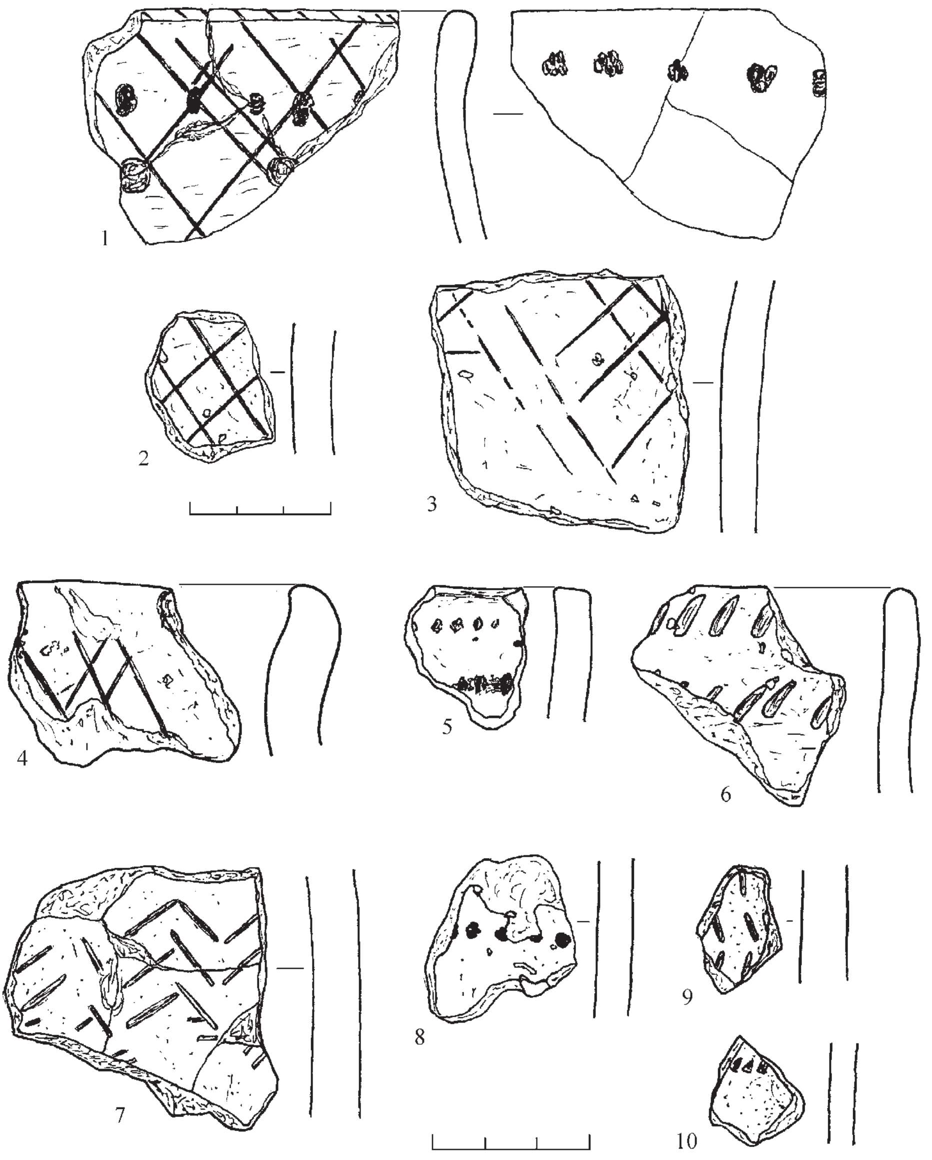
Мал. 1. Лакалізацыя паселішча Дакудава 5 на правабярэжжы р. Нёман. Сітуацыйны план помніка з межамі раскопаў 1998, 1999 і 2004 гадоў

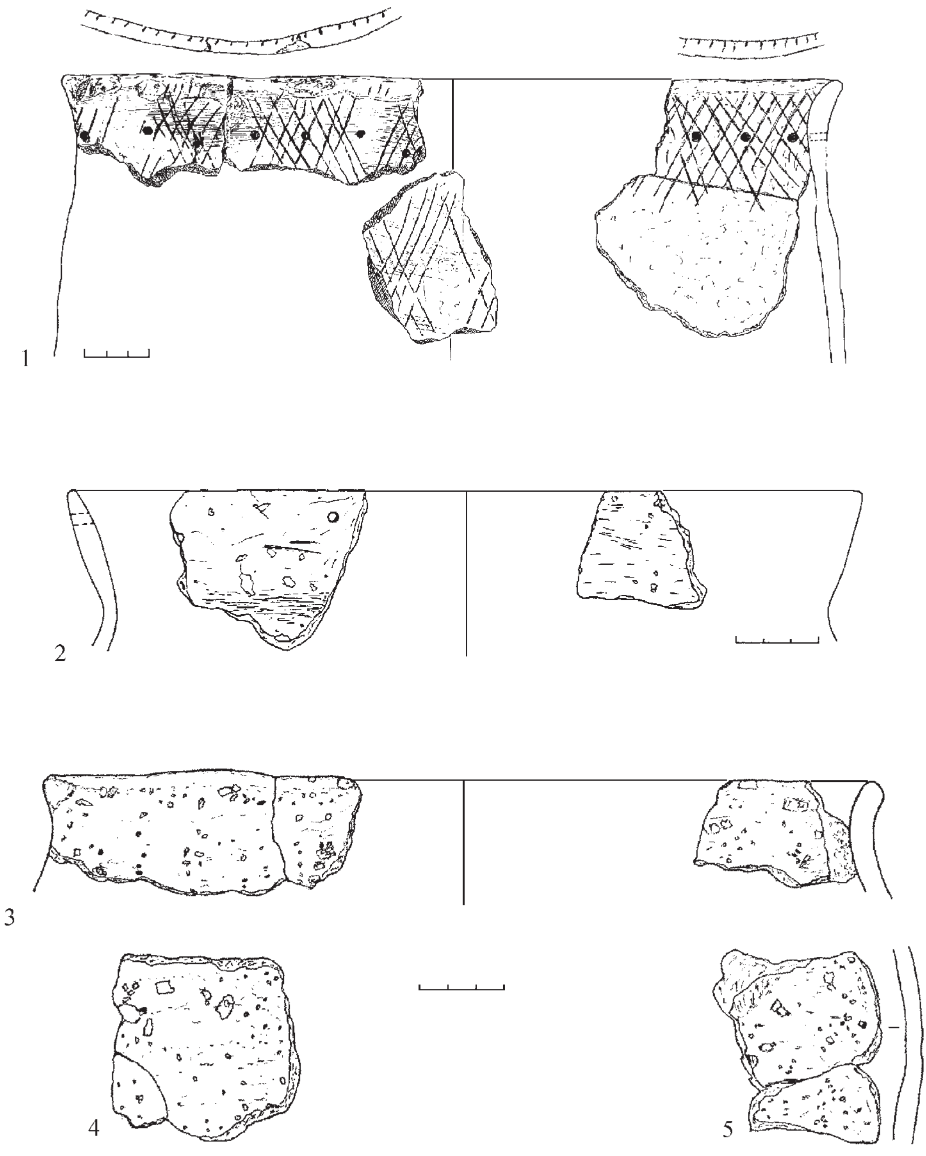
Мал. 2. Дакудава 5. Кераміка прыпяцка-нёманскай раннененалітычнай культуры

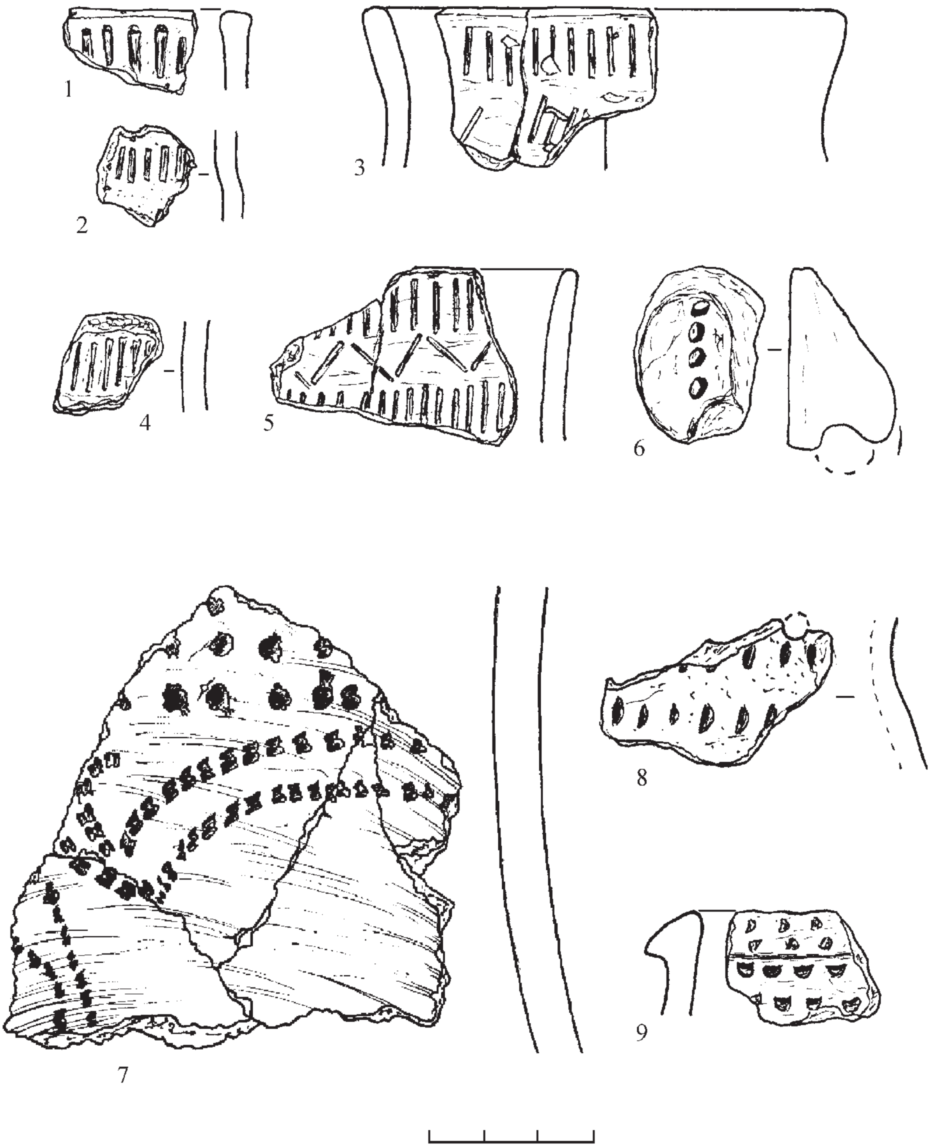
Мал. 3. Дакудава 5. Кераміка лысагорскага тыпу нёманскай неалітычнай культуры

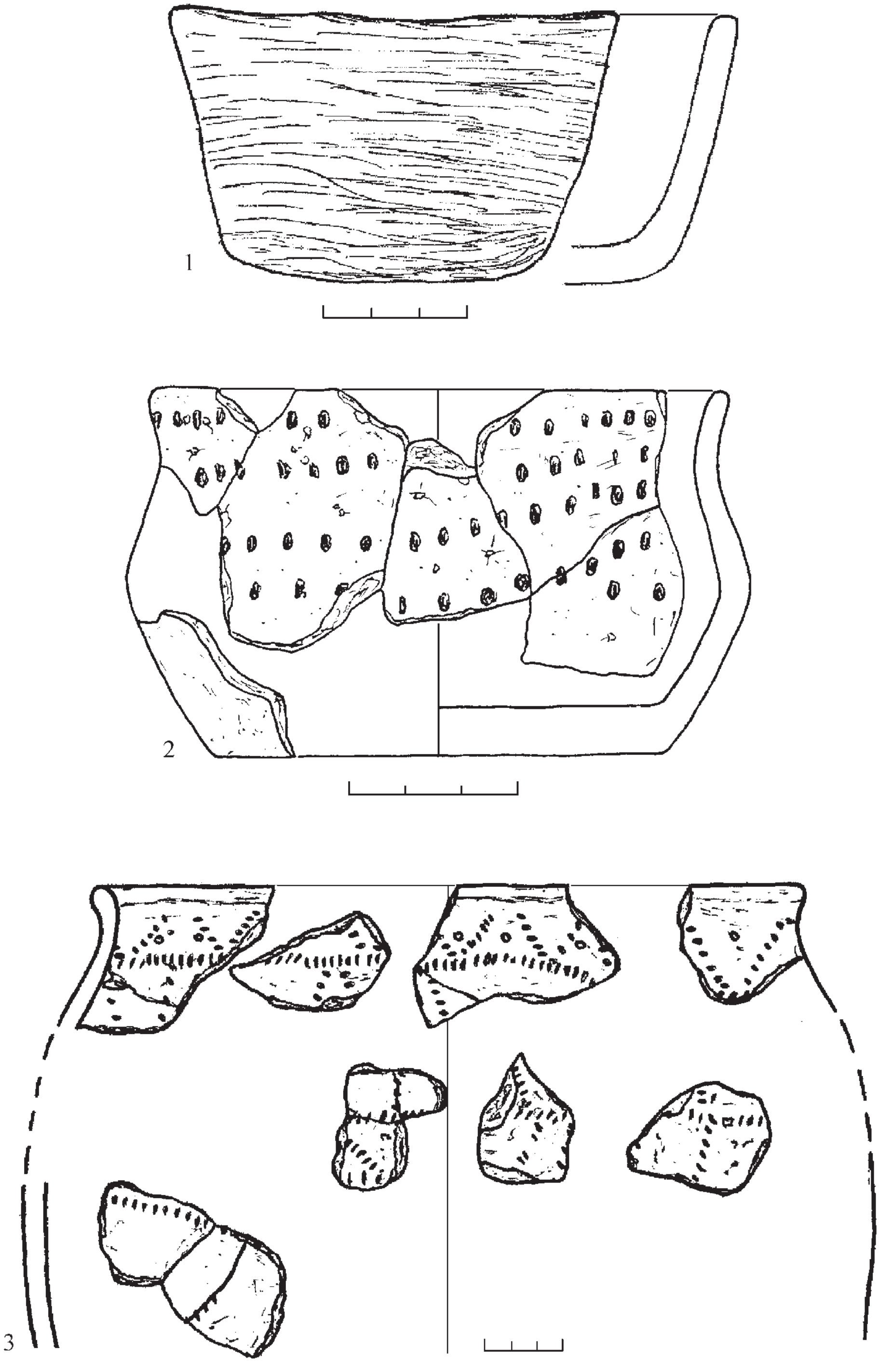
Мал. 4. Дакудава 5: 1–4 – кераміка дабраборскага тыпу нёманскай неалітычнай культуры, 5–10 – кераміка тыпу Бершты-Русакова

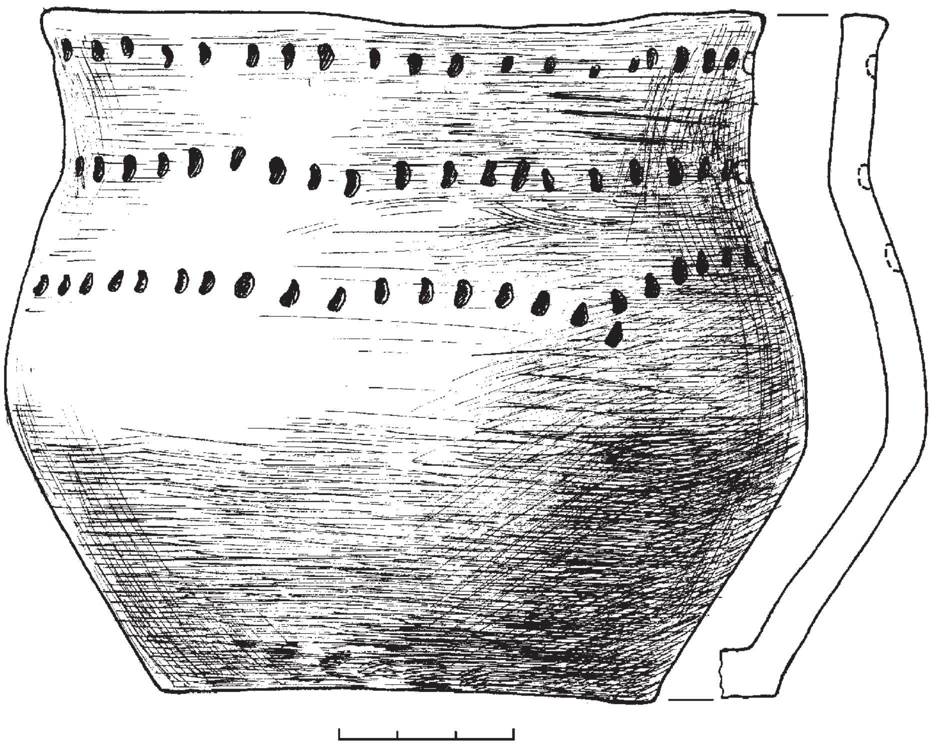
Мал. 5. Дакудава 5: 1 – часткова рэканструяваны посуд дабраборскага тыпу нёманскай неалітычнай культуры; 2–5 – посуд тыпу Берштыы-Русакова

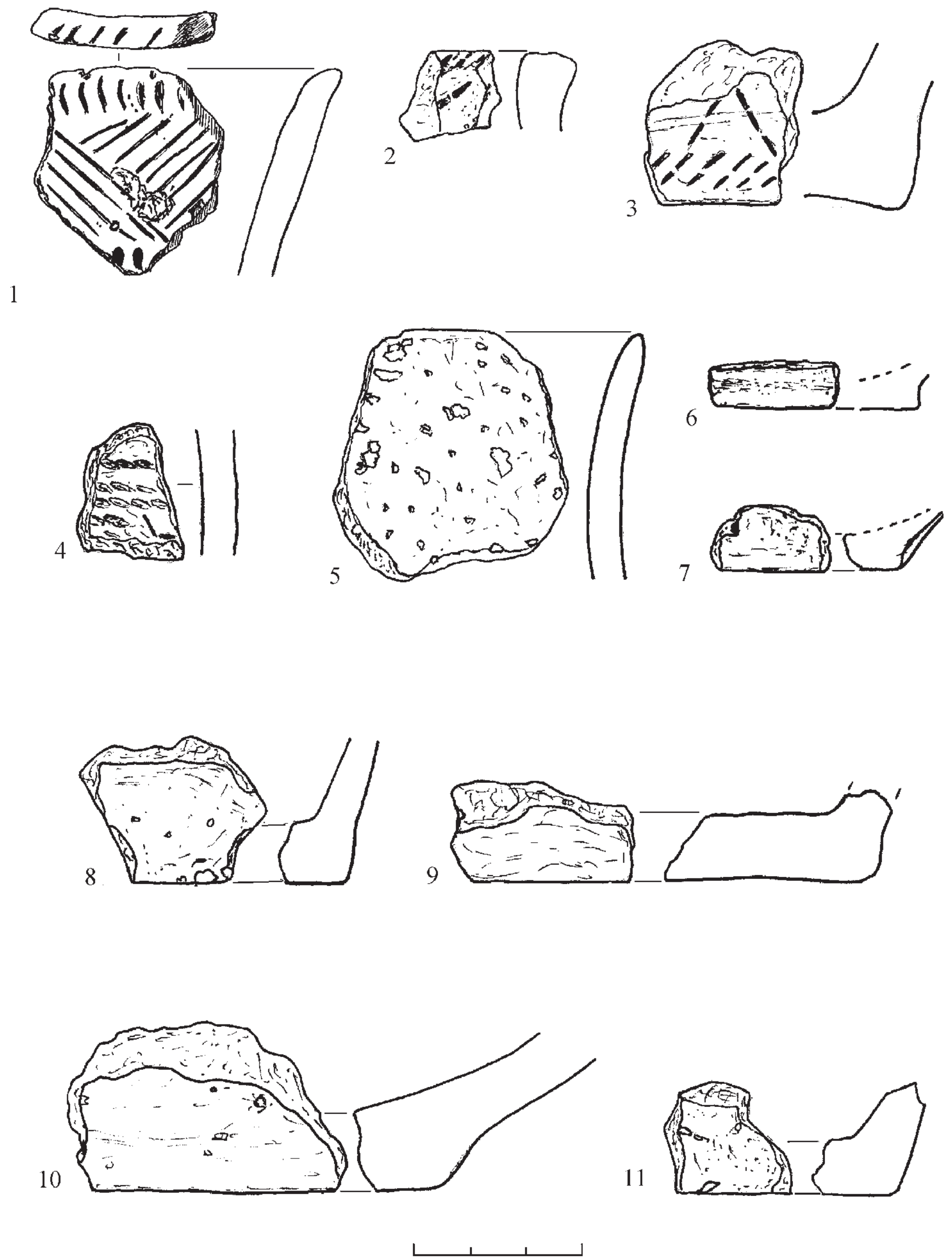
Мал. 6. Дакудава 5: 1–6 – кераміка з прыкметамі культуры шарападобных амфар, 7–9 – кераміка тыпу Берашты-Русакова

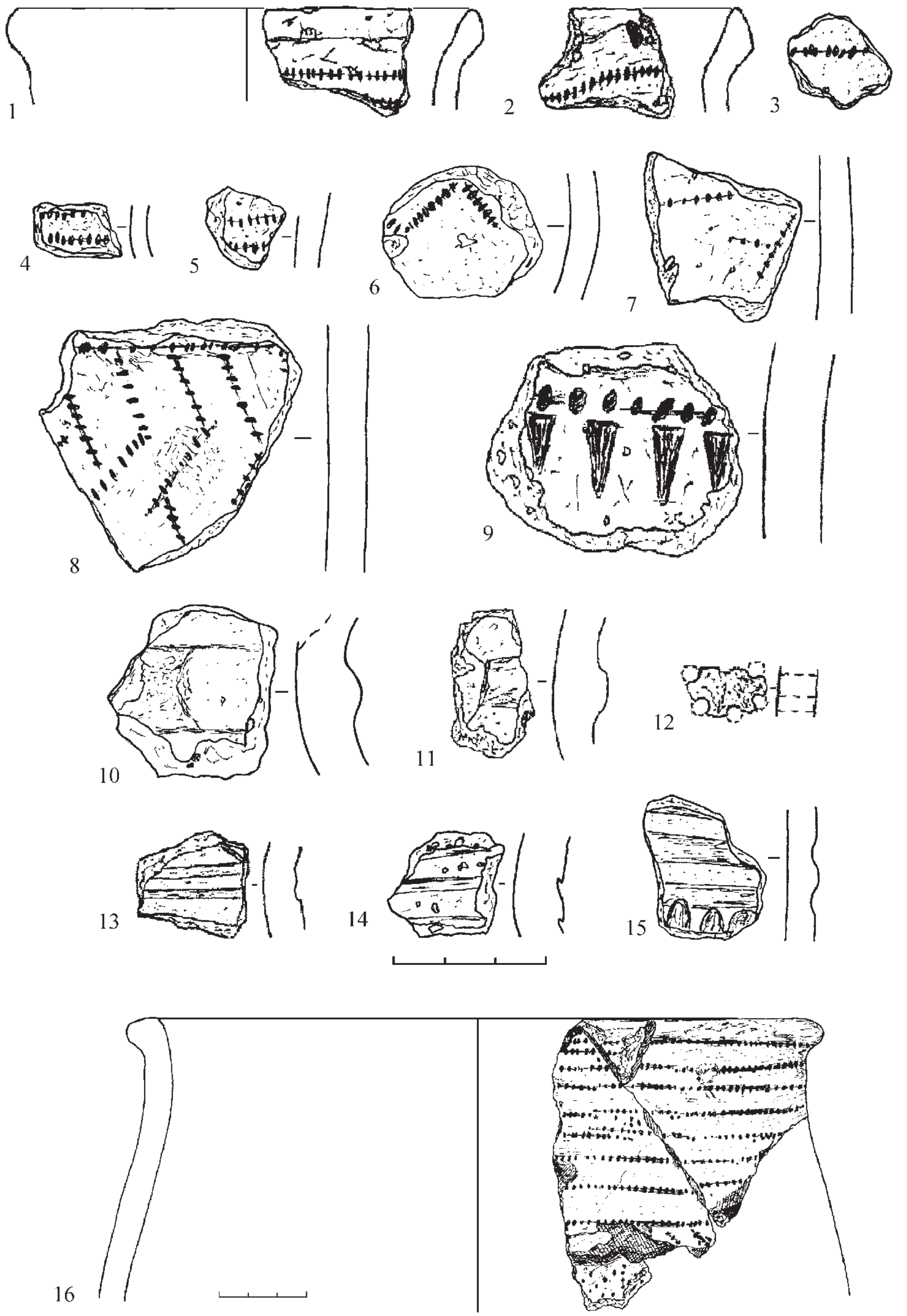
Мал. 7. Дакудава 5: 1–3 – кераміка тыпу Бершты-Русакова

Мал. 8. Дакудава 5. Гаршчок з пахавання кола культур шнуравой керамікі

Мал. 9. Дакудава 5. Посуд кола культур шнуравой керамікі: 1–3 – кераміка падгорнаўскай групы з прыкметамі сярэднедняпроўскай культуры; 4–5 – тыпу Берштьы-Русакова; 6–11 – фрагменты плоскіх дноў

Мал. 10. Дакудава 5. Кераміка тшцінецкага культурнага кола

Максім Чарняўскі

КАСЦЯНЫЯ І РАГАВЫЯ ВЫРАБЫ СТАЯНАК КРЫВІНА 1 І КРЫВІНА 2

Крывінскі тарфянік, што размешчаны на мяжы Бешанковіцкага і Сенненскага раёнаў Віцебскай вобласці, утрымлівае найбольш даследаваны ў Беларусі комплекс тарфяніковых стаянак неаліту – бронзавага веку, адной з адметнасцяў якіх з'яўляецца добрая захаванасць арганічных артэфактаў у культурным пласце. Калекцыя касцяных і рагавых вырабаў, выяўленая падчас вывучэння гэтых помнікаў, налічвае больш як 1000 адзінак і з'яўляецца адной з найбольш шматлікіх і разнастайных не толькі ў нашай краіне, але і ва ўсёй Усходняй Еўропе (Чарняўскі, 2005, с. 1).

Умоўна рэгіён можна падзяліць на дзве часткі – паўночную, да якой належаць стаянкі Асавец 2, 3, 4, 5, 6, 7, і паўднёвую, дзе размешчаны стаянкі Крывіна 1, 2, 3. Матэрыялы помнікаў паўночнай часткі, у тым ліку і вырабы з косткі і рогу, прааналізаваны ў навуковай літаратуры больш падрабязна, чым гэта ёсць з помнікамі паўднёвай (за выключэннем стаянкі Крывіна 3 (Зайкоўскі, 1980, 1982)). Асноўныя даследчыкі (К.М. Палікарповіч, П.А. Прыбыткін, Я.Г. Краскоўская) не паспелі за час сваёй працы ў археалогіі іх апублікаваць. Сёння касцяныя і рагавыя артэфакты з гэтых помнікаў захоўваюцца пераважна ў фондах Нацыянальнага музея гісторыі і культуры Беларусі, Інстытута гісторыі НАН Беларусі, Віцебскага абласнога краязнаўчага музея.

Стаянка Крывіна 1, размешчаная за 0,8 км на паўночны захад ад вёскі Галоўск, даследуецца з 30–х гадоў мінулага стагоддзя. На сённяшні дзень на ёй ускрыта больш за 525 кв. м, з іх 516 кв. м да 1963 г. уключна (Чарняўскі, 2006, с. 23). Помнік датуецца сярэдзінай III тыс. да н.э. – першай паловай II тыс. да н.э., яго археалагічны матэрыял адносіцца да усвяцкай і пераважна паўночнабеларускай культур (Чарняўскі, 1997а, с. 202; Чарняўскі, 1997б, с. 314). Для ніжняга пласта стаянкі атрыманая дата па 14С 4270±40 bp (Gr–5125 (Чернявский, 2004, с. 152)).

Касцяныя і рагавыя вырабы налічваюць 168 экземпляраў, якія адносяцца да 15 класаў прылад. Аднак трэба адзначыць, што даваенная калекцыя вырабаў гэтага віду прадстаўлена толькі адным рагавым наканечнікам стралы. Месцазнаходжанне астатніх артэфактаў, гэтаксама як і палявых дзённікаў К.М. Палікарповіча, яго даваенных калекцыйных вопісаў, на жаль, сёння невядомае (Чарняўскі, 2006, с. 22, 23).

Усе артэфакты належаць да трох катэгорый: 1) прылады палявання і рыбацтва; 2) прылады працы і побыту; 3) мастацкія і культавыя вырабы, музычныя інструменты.

Катэгорыя прылад палявання і рыбацтва налічвае 43 вырабы – наканечнікі стрэл, наканечнікі гарпуноў, наканечнікі дзід, кінжалы, кручкі рыбацкія.

Выяўленыя наканечнікі стрэл адносяцца да 6 групаў: верацёнападобныя чаранковыя, біканічныя чаранковыя, са сплюшчаным корпусам і пазначанымі чаранкамі, складанай формы чаранковыя з выразна пазначанымі корпусам і галоўкай, кулепадобныя, іголкападобныя. 14 артэфактаў гэтага класа прадстаўлены фрагментамі, 2 – нарыхтоўкамі. Усе вырабы, за выключэннем аднаго рагавога біканічнага чаранковага наканечніка (мал. 1:10), выраблены з косткі.

Група верацёнападобных чаранковых наканечнікаў стрэл з акруглым сячэннем корпуса налічвае 6 экземпляраў. Сярод іх вылучаюцца вырабы з біканічным выцягнутым корпусам (мал. 1:1–3) і з цыліндрычным корпусам (мал. 1:4, 5). Верагодна, да гэтай жа групы трэба аднесці наканечнік з адламаным чаранком (мал. 1:16).

Нешматлікія аналогіі верацёнападобным вырабам выяўлены ў Латвіі (Лубанская нізіна), Эстоніі і Паўночна-Заходняй Расіі (Vankina, 1999, fig. LXXXVII:17, 26, LXXXIX:3–6; Лозе, 1979, таб. XXVII:1–3; Jaanits, 1984, abb. 4:11, 12; Микляев, 1969, рис. 5:3, 4). На Крывінскім тарфяніку наканечнікі стрэл гэтай групы знойдзены на стаянках Асавец 2, Асавец 7, Крывіна 3 (Чарняўскі, 1997б, мал. 119:1, 2; Чарняўскі, 2006, мал. 1:13).

Біканічныя чаранковыя наканечнікі стрэл з акруглым сячэннем корпуса і пазначаным пераходам да вастрыя налічваюць 6 экземпляраў. У пераважнай большасці артэфактаў вастрыё па даўжыні прыблізна роўнае корпусу, толькі ў адным выпадку яно даўжэйшае (мал. 1:8–12).

Вырабы гэтай групы з’яўляюцца вельмі распаўсюджанымі ў часе і прасторы, найбольш блізкія крывінскім артэфактам аналогіі паходзяць з Лубанскага рэгіёна ў Латвіі (Лозе, 1988, табл. XIV:1, 3, 5, 6). На Крывінскім тарфяніку дадзеныя наканечнікі стрэл выяўлены на стаянцы Асавец 2 (Чарняўскі, 1997б, мал. 119:6).

Наканечнікі стрэл са сплюшчаным корпусам і пазначанымі чаранкамі маюцца ў двух экземплярах. Адзін з іх пераймае формы верацёнападобных чаранковых (мал. 1:6), а другі – бутэлькападобных з выразным звужэннем-перахопам на тулаве (мал. 1:7).

Аналогіі наканечнікам гэтай групы сустракаюцца на стаянках Лубанскай нізіны і зборах з водмеляў возера Лубана (Vankina, 1999, fig. LXXVI:35–38; Лозе, 1979, таб. XXVII:4, 5, 7, 10, 13). У Крывінскім рэгіёне яны прысутнічаюць у матэрыялах стаянак Асавец 2 і Асавец 7 (Чарняўскі, 2006, мал. 1:12).

Наканечнікі стрэл складанай формы (чаранковыя з выразна пазначанымі галоўкай і корпусам) прадстаўлены адным пашкоджаным экземплярам, абламаным пасярэдзіне корпуса (мал. 1:18).

Аналогіі вырабам гэтай групы сустракаюцца на стаянках Асавец 2 і Зацэнне ў Беларусі, Абара 1 ў Латвіі (Чарняўскі, 1996, мал. 5:5; Чарняўскі, 1997б, мал. 119:4, 5; Лозе, 1979, таб. XXVII:13).

Кулепадобныя наканечнікі стрэл са слаба пазначанымі чаранкамі маюцца ў двух экземплярах. Адзін з іх амаль удвая большы за другі, аднак чаранковая частка ў яго займае менш за 1/4 даўжыні (мал. 1:14), у той час як у карацейшага наканечніка яна складае 1/2 даўжыні (мал. 1:15).

Найбольш блізкія гэтым вырабам аналогіі паходзяць з неалітычнай стаянкі Жамайцішке 1 ў Літве (Naujausia..., 1980, pav. 19:7).

Іголкападобныя чаранковыя наканечнікі стрэл прадстаўлены адным экземплярам пікападобнай формы з рэзкім звужэннем да вастрыя на канцы прылады (мал. 1:13).

Падобныя вырабы сустракаюцца ў Беларусі на стаянках Асавец 2 (Чарняўскі, 1997б, мал. 119:11, 12), Азярное 2Б (з насадамі акруглага сячэння (Крывальцэвіч, 1996, мал. 2:1, 2)), у Латвіі на помніках Лубанскай нізіны (Загорска, 1991, рис. 2:24, 31; Loze, 1983, pav. 2:8), Эстоніі на стаянцы Тамула (Jaanits, 1984, abb. 4:1, 2).

Трэба адзначыць, што на помніку Крывіна 1 не выяўлена класічных для рэгіёна бутэлькападобных наканечнікаў стрэл (Чарняўскі, 2005, с. 15). Хаця некаторыя верацёнападобныя чаранковыя вырабы маюць ледзь-ледзь аформленае звужэнне-перахоп у прычаранковай частцы корпуса (мал. 1:4). Да гэтай жа групы можа адносіцца і абломак корпуса наканечніка з часткай чаранка (мал. 1:20).

Наканечнікі гарпуноў прадстаўлены адным пашкоджаным вырабам, двума фрагментамі насадаў і адным верагодным фрагментам вастрыя (мал. 2:2, 4). Усе артэфакты выраблены з косткі. Пашкоджаны выраб мае адзін зубец, які пачынаецца ад самага вастрыя і заканчваецца прыблізна пасярэдзіне корпуса. Насад

аформлены з дапамогай двух супрацьлеглых выступаў, у выніку чаго ён набыў крыжападобную форму.

Падобныя наканечнікі гарпуноў распаўсюджаны даволі шырока і сустракаюцца ў Эстоніі (Янитс, 1991, рис. 4:8), Літве (Римантене, 1991, рис. 1:22), Латвіі (Vankina, 1999, VII:1, 4, 5, 7, 10); Кастрамскім Паволжы (Гаврилова, 1991, рис.1:10, 11), Кольскім паўвостраве (Гурина, 1991б, рис. 9:1–3, 6, 7, 9, 17).

Кінжалы прадстаўлены трыма фрагментамі – заканчэннямі вастрый вырабаў з лакцявых костак буйных рагатых жывёл (мал. 2:5–7). Такія формы прылад вядомыя на Крывінскім тарфяніку, у Прыбалтыцы і на заходнім узбярэжжы Балтыйскага мора, дзе яны былі распаўсюджаны ад мезаліту да сярэдняга і позняга неаліту (Чарняўскі, 1997б, с. 317; Гиринингкас, 1990, рис. 28:1; Лозе, 1979, табл. XXX:6, 7, 8; Лозе, 1988, табл. IV:4, XI:13, XVI:7; Ilkiewicz, 1989, ryc. 10:1).

На сённяшні дзень на помніку не вядомыя класічныя для рэгіёна наканечнікі дзід. Тым не менш два касцяныя артэфакты могуць быць аднесены да гэтага класа прыладаў – верагодны фрагмент нарыхтоўкі і магчымы завершаны выраб (мал. 2:1).

Таксама не было выяўлена і закончаных кручкоў рыбацкіх. Адзіны артэфакт, які набліжаецца да вырабаў гэтага класа, уяўляе сабой фрагмент ножкі са сценкі трубчастай косткі з выемкай для мацавання лескі (мал. 2:3).

Да *катэгорыі прылад працы і побыту* адносяцца 48 артэфактаў – сякеры, далоты, праколкі, «рыбныя нажы», адціскальнікі, рэтушоры, арнаменціры.

Клас сякер налічвае 12 артэфактаў. Цэлыя экземпляры прадстаўлены вырабамі са шчапаных рагоў – з пашыраным лязом (мал. 3: 2, 4) і падпрамакутнымі ў плане (мал. 3: 3). Адна сякера выраблена з цэлага злёгку выгнутага адростка рога (мал. 3: 1).

Аналогій вырабам са шчапаных рагоў вельмі шмат: у Беларусі на помніках Азярное 2Б (Крывальцэвіч, 1996, мал. 5:1), Камень 8 (Ісаенка, Чарняўскі, 1997, рис. 26:8), на Смаргонскім кар'еры (Чарняўскі, 1972, мал. 1:8), у Літве на паселішчах Кратуонас, Ламасмягі, Паланга, Жамайцішке, асабліва многа іх у раннім і сярэднім неаліце Эстоніі і Латвіі – паселішчы Кяэпа, Звійсала, Піесціня, (Гиринингкас, 1990, с. 63, 64, рис. 71Б, 72; Лозе, 1979, табл. XXXIII:2, 3), на Украіне (Археологія…, 1971, рис. 64:15). Адзінкавыя аналогіі сякеры з цэлага выгнутага рога вядомыя ў Беларусі на стаянцы Зацэнне (Чарняўскі, 1996, мал. 6:9), Азярное 2Б (Крывальцэвіч, 1996, мал. 5:8), сярод матэрыялаў Смаргонскага кар'ера (Чарняўскі, 1972, мал. 1:5), у Прыбалтыцы на стаянцы Нарва 2 (Гурина, 1967, рис. 24) і на Поўначы Еўрапейскай часткі Расіі (Вярэцце) (Фосс, 1941, табл. IV:1). Усе групы сякер шырока прадстаўлены ў матэрыялах іншых стаянак Крывінскага тарфяніка – Асавец 2, 7, Крывіна 3 (Чарняўскі, 1997б, с. 318; Чарняўскі, 2003, мал. 10:3).

Да далотаў адносяцца 6 артэфактаў – 5 цэлых вырабаў і адзін фрагмент. Гэты клас прыладаў прадстаўлены дзвюма групамі. Да першай адносяцца вырабы са шчапаных трубчастых костак са звужаным вастрыём (мал. 3:7, 6), да другой – кінжалападобныя вырабы з лакцявых костак буйных жывёл (мал. 3:5). У адрозненне ад кінжалаў апошнія маюць прыкруглена-сплюшчанае завяршэнне вастрыя і моцна збітую абушковую частку.

Далоты са звужаным вастрыём маюць шырокія аналогіі ў Прыбалтыцы (Jaanits, 1984, abb. 6: 15–17). Вырабу з лакцявой косткі прамых адпаведнікаў выявіць не ўдалося, аднак далоты, у якіх ролю ўдарнай пляцоўкі выконваў захаваны эпіфіз, сустракаюцца зноў жа ў Прыбалтыцы (Лозе, 1979, с. 75, таб. XXX: 1), цэнтральнай Беларусі (Чарняўскі, 1997б, с. 309, мал. 112: 3, 5) і ў паўднёва–ўсходняй Польшчы (4160±50 BP) (Włodarczak, 2001, fig. 13). Падобныя вырабы маюцца на іншых стаянках Крывінскага тарфяніка – Асавец 2 і Асавец 7 (Чарняўскі, 1997б, мал. 121:9).

Праколкі прадстаўлены 16 экземплярамі, з іх 3 фрагментамі. Гэта вырабы са шчапаных трубчастых костак (мал. 4:1–3) і з грыфельных костак з захаванымі дыяфізамі (мал. 4:4). Дадзеныя формы праколак з'яўляюцца універсальнымі і шырока распаўсюджанымі ў часе і прасторы. Аналогіі вырабам стаянкі Крывіна 1 можна сустрэць на ўсіх помніках Крывінскага тарфяніка (Чарняўскі, 1997б, с. 317, 318) у Эстоніі (Янитс, 1959, рис. 35:7), Латвіі (Лозе, 1979, таб. XXXII:2, 4, 5, 7, 8, 10), Літве (Римантене, 1971, pav. 35:2, 5), Расіі, Польшчы (Жилин, 2001, рис. 49; Szmyt, 2001, fig. 18A:15, fig. 20:4), Украіне (Археологія…, 1971, рис 64:14, 52:10).

«Рыбныя нажы», вырабленыя са шчапаных іклаў дзікоў, выяўлены ў 6 экземплярах. Гэта пераважна выцягнутыя прылады з аформленай з аднаго боку больш ці менш выразнай увагнутай паўкруглай працоўнай пляцоўкай і завостранымі пад лёзы адной ці дзвюма бакавінамі (мал. 4:5, 6).

Вырабы гэтага класа на стаянках Крывінскага тарфяніка прадстаўлены даволі шматлікай калекцыяй (Чарняўскі, 2005, с. 9). Аналогіі рыбным нажам вядомыя ў Латвіі (Лозе, 1979, таб. XXXV: 2–6, 10), Літве (Rimantienė, 1996б, pav. 51:10, 11), Польшчы (Szmyt, 1996, fig. 18A:12, fig. 25:1, 2), Расіі – Верхняе Паволжа (Гурина, Крайнов, 1996, рис. 56:50), у паўднёвай Беларусі (Крывальцэвіч, 1996, мал. 6:5; Исаенко, 1976, рис. 26:5).

На помніку знойдзены два касцяныя адціскальнікі са звужанай працоўнай пляцоўкай (мал. 4:8), а таксама тры рэтушоры са шчапаных фрагментаў костак, з мінімальнай апрацоўкай і зношанымі ад выкарыстання працоўнымі пляцоўкамі (мал. 4:7).

Арнаменціры выяўлены ў трох экземплярах. Яны выраблены са сценак трубчастых костак і прызначаны для пакідання акруглых ямкавых або «семкавых» адбіткаў (мал. 4:9, 10).

Для апошніх трох класаў прамых аналогій па–за межамі Крывінскага тарфяніка знойдзена не было па прычыне слабой апублікаванасці падобных вырабаў.

Катэгорыя мастацкіх і культавых вырабаў, музычных інструментаў прадстаўлена падвескамі, пацеркамі і жалейкамі з косткі.

Усяго вядома 10 падвесак і іх фрагментаў, з якіх два артэфакты адносяцца да ключападобных вырабаў (мал. 5:7), адзін змайстраваны з зуба жывёлы з прасвідраванай адтулінай, два маюць падавальна–папярочную, блізкую да гірападобнай форму з адтулінай у верхняй частцы (мал. 5:8, 9), чатыры фрагменты з «хвалістымі» насечкамі на гранях могуць належаць геаметрычным вырабам тыпу лунніц (С–падобнай формы) (мал. 5:2–5), адзін выраб адносіцца да зааморфных падвесак (мал. 5:1).

Ключападобныя падвескі з'яўляюцца унікальным крывінскім тыпам упрыгожанняў з косткі і рогу, якія не маюць прамых аналогій сярод касцяных і рагавых матэрыялаў суседніх рэгіёнаў (Чарняўскі, Чарняўскі, 2004, с. 28).

Падвескі са свідраваных зубоў жывёлы сустракаюцца ў Цэнтральнай і Усходняй Еўропе на многіх помніках ад мезаліту да бронзавага веку: у Літве (Butrimas, 1996, pav. 21:2; Rimantienė, 1996, pav. 51:1–4, 6–9), Латвіі (Ванкина, 1970, табл. XXV:8–14; Лозе, 1988, табл. X:8), Польшчы (Gumiński, 2001, ryc. II:p, q, r, s), Расіі (Гурина, 1997, мал. 62:9; Крайнов, 1972, с. 91, рис. 37), на поўдні Беларусі (Крывальцэвіч, 1996, мал. 6:4,6).

Падвескі з формамі, блізкімі да гірападобных, сустракаюцца ў Латвіі на помніках Лубанскай нізіны (Лозе, 1979, с. 76, таб. XXXIV:2, 3), у Літве на паселішчы Жамайцішке (Naujausia…, 1980, pav. 23:10, 12), у Расіі на Верхнім Прыдонні (Синюк, Клоков, 2000, рис. 100:3–9). Падобны выраб выяўлены на тэрыторыі Беларусі на стаянцы Грыўковічы 1 (Іоў, Крывальцэвіч, 1999, мал. 3:12).

Геаметрычныя падвескі-лунніцы С-падобнай формы маюць прамыя аналогіі ў Латвіі ў Лубанскай нізіне (Лозе, 1979, таб. XXXIV:1, 6–15, 19, 20). Падобныя

вырабы былі выяўлены таксама ў Верхнім Паволжы на могільніках фацьянаўскай культуры, а таксама на Куршскай касе, у Польшчы і ФРГ (Крайнов, 1972, с. 89, рис. 35:3). Падвескі С-падобнай формы без свідравіны выкарыстоўваліся і ў воласаўскай культуры на Верхнім Паволжы, а таксама ў раёне ракі Ака (Крайнов, 1987, рис. 6:14).

Пацеркі прадстаўлены адным незаконачаным вырабам і адной нарыхтоўкай з дробнай птушынай косткі з захаваным эпіфізам (мал. 5:11).

Фрагмент жалейкі мае адзін захаваны канец з авальнай адтулінай пад самым краем (мал. 5:10). Аблом ніжэй па корпусе няроўны. Даўжыня 56 мм, памеры сячэння на цэлым краі – 12 на 10 мм.

Аналогіі жалейцы маюцца на стаянках Крывінскага тарфяніка (Асавец 2, 7 (Чарняўскі, 1997б, мал. 129:13)), на Пскоўшчыне ў Расіі, дзе яны ўвязваюцца з ранненеалітычнай культурай у стылі лінейна-стужкавай керамікі (сярэдзіна V тыс. да н.э.) (Древности…, 1995, с. 40, кат. 89), на гарадзішчах жалезнага веку Літвы (Volkaitė-Kulikauskienė, 1986, pav. 40).

64 касцяныя і рагавыя артэфакты з помніка Крывіна 1 прадстаўлены нарыхтоўкамі і фрагментамі вырабаў невядомага прызначэння.

Стаянка Крывіна 2 размешчана за 100 м на поўнач ад стаянкі Крывіна 1 на ўсходнім краі выспы Ворлева па левым беразе р. Крывінка (мал. 1:12). Даследавана 80 кв. м. Культурны пласт дасягае 0,4 м у глыбіню (Чарняўскі, 1997б, с. 314). Існаванне помніка звязана з насельніцтвам нарвенскай і паўночнабеларускай культур. Па аналогіі са стаянкай Крывіна 1 помнік датуецца сярэдзінай III – першай паловай II тыс. да н.э (Зайкоўскі, 1982, с. 88; Чарняўскі, 1997б, с. 314).

На помніку выяўлена 5 касцяных і рагавых вырабаў: наканечнік стралы, праколка з абламаным вастрыём, два абломкі ад прыладаў невядомага прызначэння і нарыхтоўка, верагодна, наканечніка стралы. З усяго гэтага матэрыялу ўяўляе сабой цікавасць «шыгіроідны» наканечнік стралы. Ён мае выцягнутую форму, акруглае сячэнне корпуса, насада і конусападобнай галоўкі (мал. 1:22). Пераход ад апошняй да корпуса дастаткова рэзкі, пазначаны трыма кальцавымі нарэзкамі. Даўжыня вырабу магла дасягаць 12 см. На жаль, пры наяўнасці агульных рысаў з класічнымі «шыгірскімі» наканечнікамі, блізкіх аналогій пакуль выявіць не ўдалося.

Калекцыя касцяных і рагавых вырабаў стаянак Крывіна 1, 2 на фоне ўсяго матэрыялу крывінскага рэгіёна ніякімі адметнасцямі не выдзяляецца. Наканечнікі стрэл і гарпуноў, найбольш выразныя прылады для культурнага і храналагічнага вызначэння, адносяцца да найбольш распаўсюджаных на тарфяніку формаў (Чарняўскі, 2005, с. 12, 14). Выключэнне складаюць толькі біканічны «шыгіроідны» са стаянкі Крывіна 2 і кулепадобныя наканечнікі стрэл з Крывіны 1. Вырабы ўсіх астатніх класаў, у тым ліку і катэгорыі мастацкіх і культавых вырабаў, музычных інструментаў цалкам адпавядаюць распаўсюджаным у рэгіёне ў канцы неаліту – бронзавым веку шаблонам. Пераважная большасць іх належыць паўночнабеларускай культуры.

Трэба адзначыць той факт, што стаянкі Крывіна 1 і 2, не гледзячы на значныя аб’ёмы даследавання (525 кв. м для Крывіны 1 і 80 кв.м для Крывіны 2), маюць дастаткова малую колькасць касцяных і рагавых артэфактаў у матэрыяле. На помніку Асавец 2 на 319 кв. м. вядома больш за 750, а на Асаўцы 7 (56 кв. м) амаль 200 артэфактаў. Верагодна, наяўнасць 173 вырабаў са стаянак Крывіна 1 і Крывіна 2 абумоўлена пэўнай спецыфікай даследавання, недасканала распрацаванай яшчэ на той час методыкай вывучэння тарфяніковых паселішчаў, аналізу і захавання арганічных матэрыялаў. Разам з тым гэта дазваляе ў перспектыве спадзявацца на больш багатыя і цікавыя матэрыялы пры даследаванні гэтых помнікаў.

Літаратура

1. Археологія Української РСР. Т. 1. Київ, 1971.

2. **Ванкина, Л.В.** Торфяниковая стояка Сарнате. Рига, 1970.

3. **Гаврилова, И.В.** Орудия рыболовства древних поселений Костромского Поволжья // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л., 1991. – С. 153–163.

4. **Гирининкас, А.** Крятуонас. Средний и поздний неолит. Монография // LA. № 7. 1990.

5. **Гурина, Н.Н.** Из истории древних племён западных областей СССР / МИА. 1967. № 144.

6. **Гурина, Н.Н.** Рыболовство и морской промысел на Кольском полуострове // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л., 1991. С. 164–181.

7. **Гурина, Н.Н., Крайнов, Д.А.** Льяловская культура // Археология. Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 173–179.

8. **Гурина, Н.Н.** История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб., 1997.

9. **Жилин, М.Г.** Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001.

10. **Загорска, И.А.** Рыболовство и морской промысел в каменном веке // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л., 1991. С. 39–64.

11. **Зайкоўскі, Э.М.** Паселішча на Крывінскім тарфяніку // ПГКБ. № 1. 1980.

12. **Зайкоўскі, Э.М.** Новае паселішча паўночнабеларускай культуры // Весці АН БССР. Сер. грам. навук. № 5. 1982. С. 82–88.

13. **Іоў, А.В., Крывальцэвіч, М.М.** Новыя паселішчы неалітычнага перыяду і эпохі бронзы ў нізоўях ракі Стыр // ГАЗ. № 14. 1999. С. 54–60.

14. **Ісаенка, У.Ф., Чарняўскі, М.М.** Нёманская культура // Археалогія Беларусі. Т. 1. Каменны і бронзавы вякі. Мн., 1997. С. 145–169.

15. **Исаенко, В.Ф.** Неолит Припятского Полесья. Мн., 1976.

16. **Крайнов, Д.А.** Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура. II тысячелетие до н.э. М., 1972.

17. **Крайнов, Д.А.** Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье / САИ. Вып. В1–22. М., 1987.

18. **Крывальцэвіч, М.М.** Касцяныя і рагавыя вырабы каменнага веку з возера Вячэра // З глыбі вякоў. Наш край. Вып. 1. Мн., 1996. С. 147–168.

19. **Лозе, И.А.** Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979.

20. **Лозе, И.А.** Поселения каменного века Лубанской низины. Мезолит, ранний и средний неолит. Рига, 1988.

21. **Микляев, А.М.** Памятники Усвятского микрорайона. Псковская область // АСГЭ. Вып. 11. 1969. С. 18–40.

22. **Римантене, Р.К.** Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.

23. **Римантене, Р.К.** Озерное рыболовство и морская охота в каменном веке Литвы // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л., 1991. С. 65–86.

24. **Синюк, А.Т., Клоков, А.Ю.** Поселение Липецкое озеро. Липецк, 2000.

25. **Фосс, М.Е.** Костяные и деревянные изделия стоянки Веретье // Палеолит и неолит СССР / МИА. № 2. 1941. С. 212–235.

26. **Чарняўскі, М.М., Каліноўскі, П.Ф.** Рагавыя прылады працы са смаргонскага месцазнаходжання // Беларускія старажытнасці. Мн., 1972. С. 26–32.

27. **Чарняўскі, М.** Тарфяніковая стаянка Зацэнне // З глыбі вякоў. Наш край. Вып. 1. Мн., 1996. С. 132–147.

28. **Чарняўскі, М.М.** Нарвенская культура. // Археалогія Беларусі. Т. I. Каменны і бронзавы вякі. Мн., 1997. С. 190–205.

29. **Чарняўскі, М.М.** Паўночнабеларуская культура. // Археалогія Беларусі. Т. I. Каменны і бронзавы вякі. Мн., 1997. С. 311–329.

30. **Чарняўскі, Максім М.** Першыя вынікі даследавання тарфяніковай стаянкі Асавец–7 // МАБ. № 6. 2003. С. 70–84.

31. **Чарняўскі, Максім М.** Касцяная і рагавая індустрыя стаянак Крывінскага тарфяніка (неаліт–бронзавы век). Аўтарэф. дыс. … канд. гіст. навук: 07.00.06. Мн., 2005.

32. **Чарняўскі, М.М., Чарняўскі, Максім М.** Унікальны тып рагавых і касцяных падвесак–амулетаў са стаянак Крывінскага тарфяніку // ГАЗ. № 19. 2004. С. 28–30.

33. **Чарняўскі, Максім М.** Шосты сезон даследавання тарфяніковай стаянкі Асавец 7 // ГАЗ. № 21. 2006. С. 186–188.

34. **Чарняўскі, М.М.** Да гісторыі выяўлення і даследавання тарфяніковай стаянкі Крывіна 1 (1934–1963) // ГАЗ. № 21. 2006. С. 16–24.

35. **Чернявский, М.М.** К проблеме хронологии неолита Беларуси // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб., 2004. С. 149–154.

36. **Янитс, Л.Ю.** Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР). Таллин, 1959.

37. **Янитс, К.Л.** Рыболовство и морской промысел в каменном веке на территории Эстонской ССР // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л., 1991. С. 25–38.

38. **Butrimas, A.** Šarnelės neolito gyvenvietė. Vilnius, 1996.

39. **Gumiński, W.** Kultura Zedmar. Na rubieży neolitu «zachodniego» // Od neolityzacji do początków epoki brązu. Przemiany kulturowe w mizdzyręczu Odry i Dniepru między VI i II tys. przed Chr. Poznań, 2001. S. 133–152.

40. **Ilkiewicz, J.** From studies on cultures of the 4th millennium B.C. in the central part of the polish coastal area // PA. Vol. 36. 1989. S. 17–55.

41. **Jaanits, L.** Die kennzeichnende Züge der Siedlung Tamula // ISKOS. № 4. 1984. S. 183–193.

42. **Loze, I.** Jauni materiāli par agro neoitu Lubāna līdzenuma zvidzes apmetne // Latvijas PSR zinātņu akadēmijas vēstis. Nr. 6 (431). 1983. S. 89–100.

43. Naujausia Lietuvos akmens amžiaus medžiaga (1976–1980). Ataskaitnes parodos katalogas. Vilnius, 1980.

44. **Rimantienė, R.** Šventosios 6–oji gyvenvietė // LA. № 14. 1996. S. 83–173.

45. **Szmyt, M.** The Absolute (Radiocarbon) Chronology of the Central and Eastern Groups of the Globular Amphora Cultures // The Absolute Chronology of Central Europe 3000–2000 BC. Poznań – Bamberg – Rahden / Westf., 2001. P. 25–80.

46. **Vankina, L.** The collection of stone age bone and antler artefacts from lake Lubana. Catalogue. Riga, 1999.

47. **Volkaitė–Kulikauskienė, R.** Narkūnų Didžioso piliakalnio tyrinėjimų rezultatai // LA. № 5. 1986. S. 5–48.

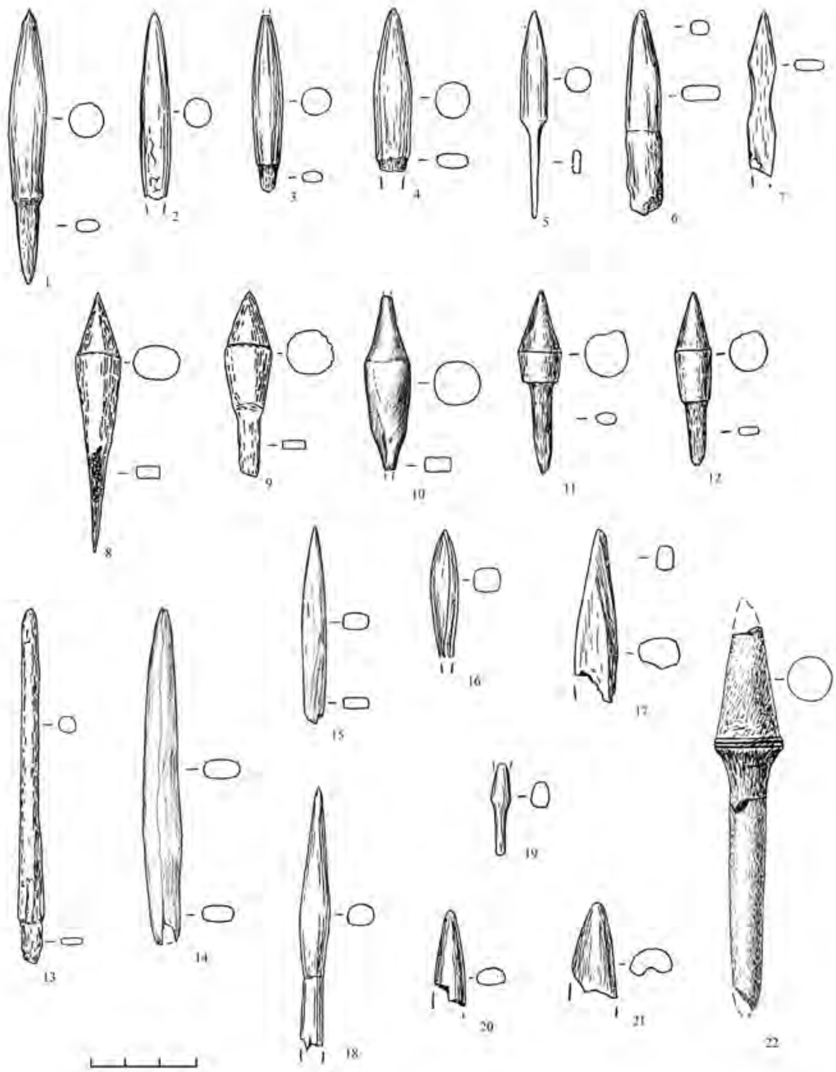
48. **Włodarczak, P.** The Absolute Chronology of the Corded Ware Culture in South–eastern Poland // The Absolute Chronology of Central Europe 3000–2000 BC. – Poznań – Bamberg – Rahden / Westf., 2001. P. 103–130.

Maxim Charniauski

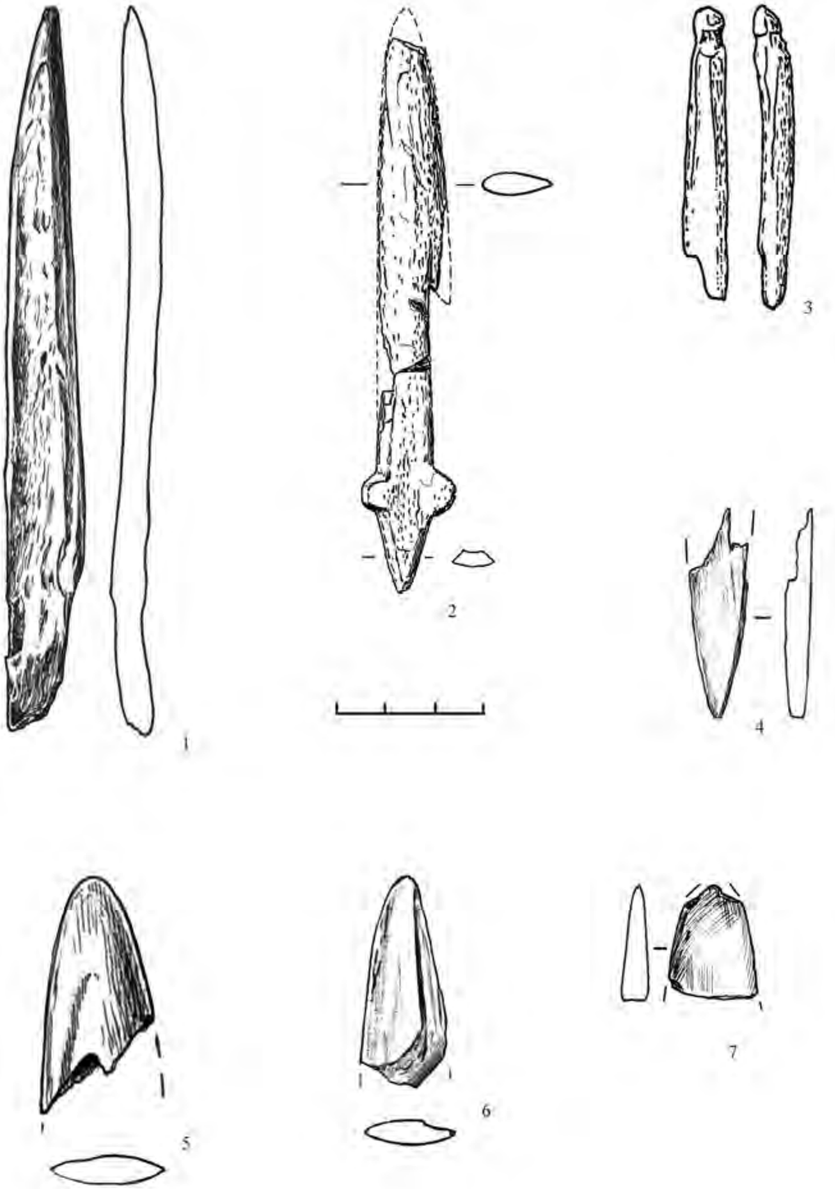
Artefacts of bone and antler from Kryvina 1 and Kryvina 2 sites

Kryvina 1 and Kryvina 2 sites are situated in the south part of Kryvina peat bog near Galousk village (Sianno district of Vitsebsk region). They existed in III – first part of II millennium BC, their materials belonged to Usviaty and (mainly) to Northernbelarusian cultures. There are 232 artifacts of bone and antler among this sites material (168 of them come from Kryvina 1). They relate to 3 categories of wares: 1) hunting and fishing tools; 2) work and household tools; 3) art and cult artifacts or musical instruments. There are 15 classes of bone and antler wares: arrow-heads, harpoon-heads, daggers, spear-heads, fishing hooks, axes, chisels, punches, «fish knives» (made of wild boar tusk), pressure tools, retouchers, ornamentors, pendants, beads and flutes.

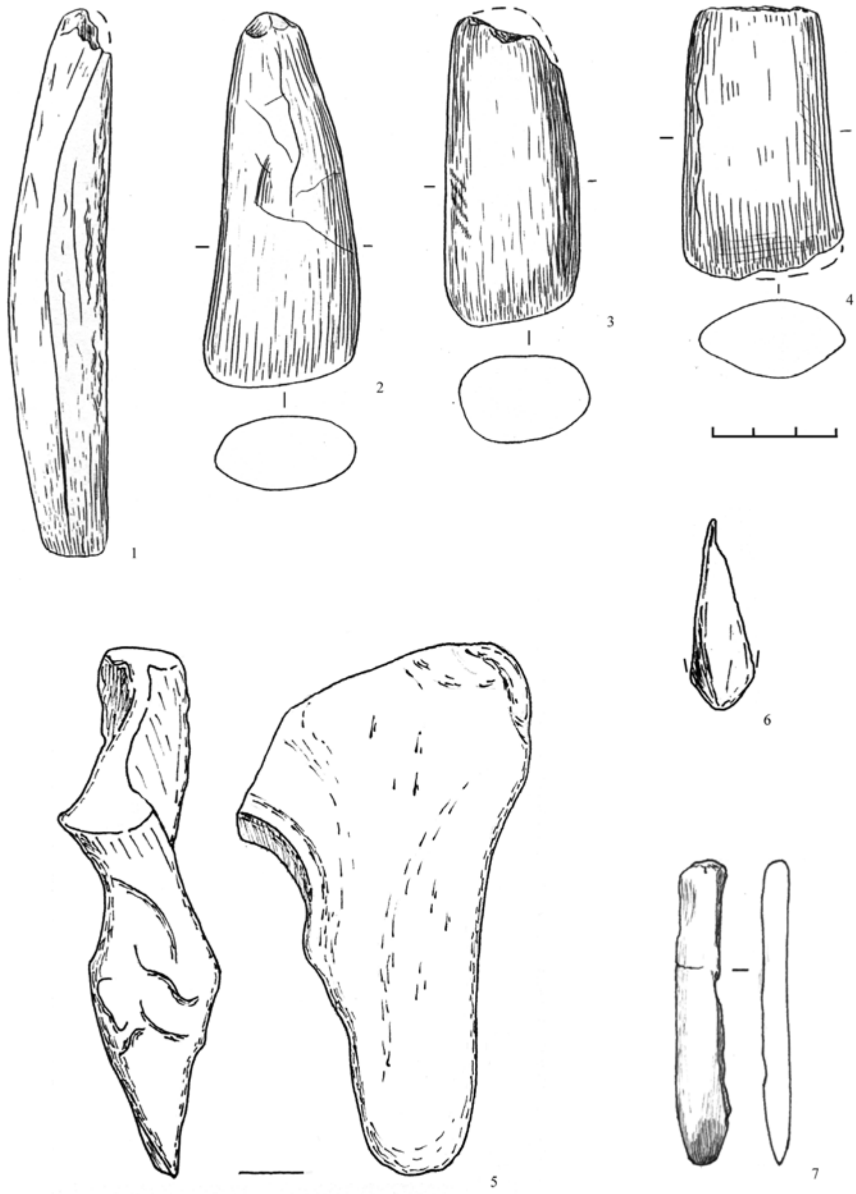
This collection is almost the same as other Kryvina peat-bog sites (Asavets 2, Asavets 7, Kryvina 3). The main part of it belongs to Northernbelarusian culture. The closest analogies come from Lubana lake region (Latvia).

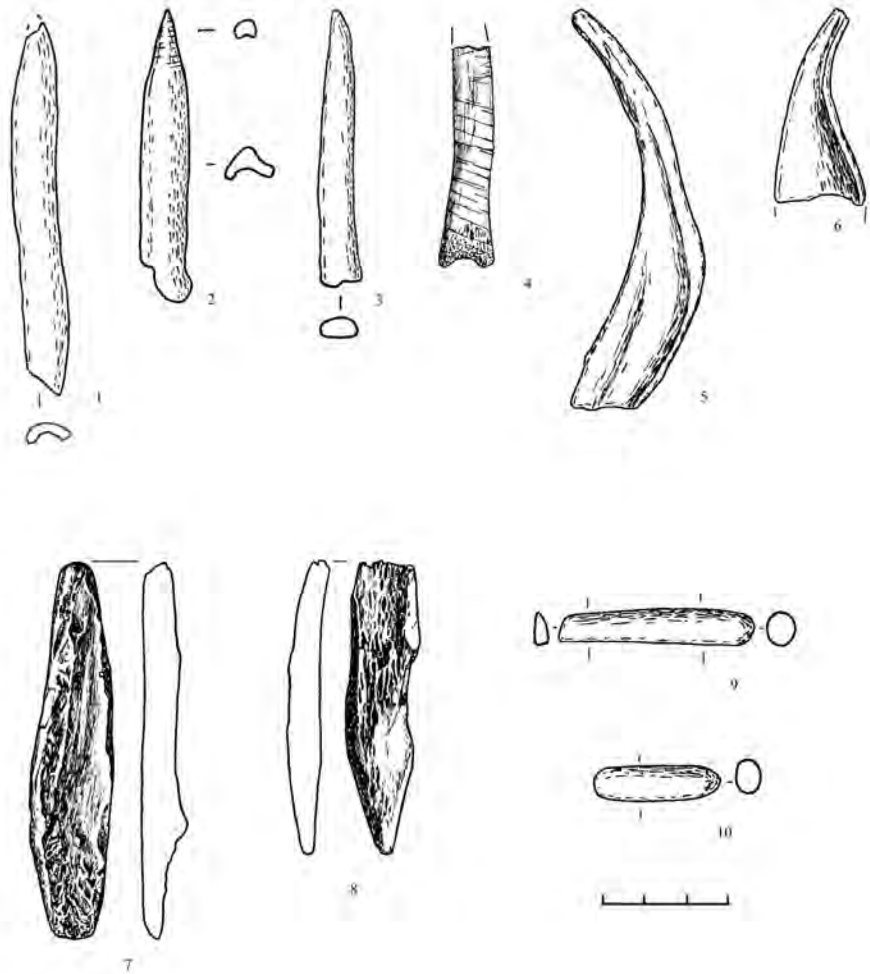
Мал. 1. Наканечнікі стрэл і іх фрагменты: 1–21 – Крывіна 1, 22 – Крывіна 2 (1–9, 11–21 – костка, 10 – рог)

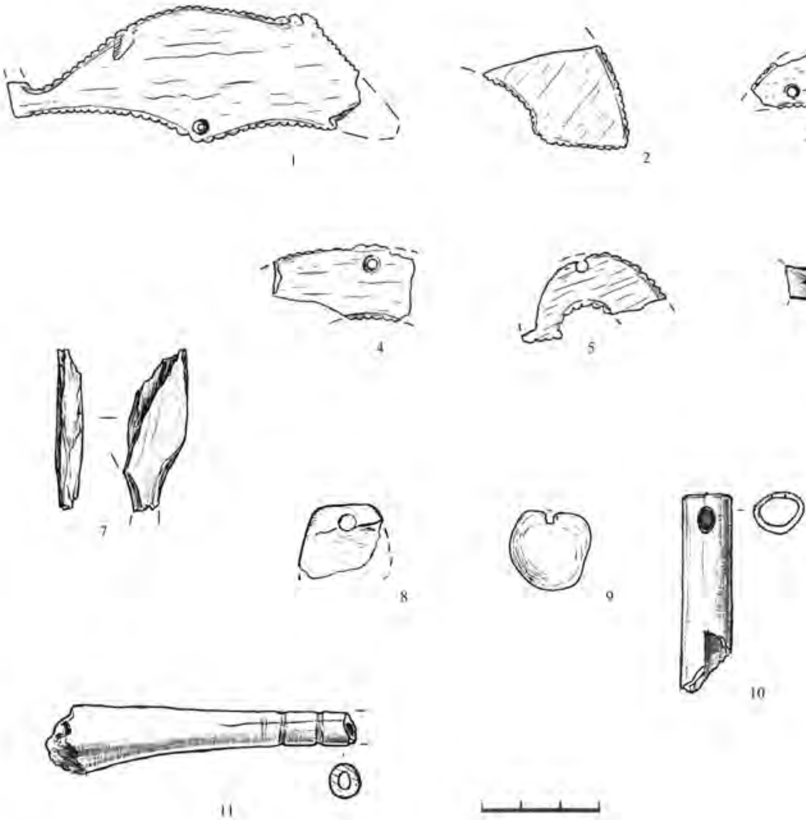
Мал. 2. Крывіна 1: 1 – верагодны наканечнік дзіды, 2 – наканечнік гарпуна, 3 – верагодная ножка рыбацкага кручка, 4 – насад наканечніка гарпуна, 5–7 – фрагменты кінжалаў

Мал. 3. Крывіна 1: 1–4 – сякеры, 5–7 – далоты, 8 – цясла

Мал. 4. Крывіна 1: 1–4 – праколкі, 5, 6 – «рыбныя нажы», 7 – рэтушор, 8 – адціскальнік, 9, 10 – арнаменціры

Мал. 5. Крывіна 1: 1–9 – падвескі, 10 – жалейка, 11 – нарыхтоўка пацерак

АРХЕАЛОГІЯ ЖАЛЕЗНАГА ВЕКУ

Вадим Белевец

МОГИЛЬНИК БРЕСТ-ТРИШИН: 30 ЛЕТ ПО ОКОНЧАНИИ РАСКОПОК

Трудно переоценить значение раскопок могильника в Брест-Тришине, как и вклад Юрия Владимировича Кухаренко в изучение древностей вельбарской культуры в Восточной Европе. Две его монографии: «вельбарская» часть издания «Памятники железного века Полесья» (1961) и «Могильник Брест-Тришин» (1980), создали фундамент источниковедческой базы по памятникам этой культуры на территории Беларуси и Украины, лишь в незначительной степени пополнившейся за последние 25 лет (Каспарова, 1989; Русанова, 1993; Вяргей, 1999а). Благодаря новаторскому для своего времени подходу к организации структуры и подачи материалов, книга о брест-тришинском могильнике стала примером полной и качественной публикации памятника римского периода. Анализ могильника, представленный Ю.В. Кухаренко, в полной мере отвечал актуальному уровню развития исследований. В 1970-х гг. в изучении материалов Брест-Тришина также успешно развивалось «технологическое» направление, в чем-то опередившее свое время: часть изделий из металлов была подвергнута металловедческому анализу (Черных, Хаферте, Барцева, 1970); А.А. Бобринским был высказан ряд замечаний относительно технологии изготовления посуды из погребений этого могильника (Бобринский, 1978, с. 55, 139–140, рис. 53:2, с. 154–155, с. 179, с. 231, рис. 97:5)[1].

Со смертью Ю.В. Кухаренко в Беларуси, как и в Восточной Европе в целом, полевые исследования на могильниках вельбарской культуры прервались. После распада СССР в Беларуси не оказалось исследователей, специализировавшихся на изучении памятников этой культуры. Основной массив находок брест-тришинского могильника поступил в фонды Государственного Эрмитажа в Петербурге, и непосредственная работа белорусских археологов с этими материалами была затруднена. Российские же исследователи, в круг научных интересов которых входили древности вельбарской культуры, лишившись возможности полевой работы на памятниках Беларуси и Украины, сконцентрировались на аналитической обработке результатов раскопок 1960-1980-х гг. Дальнейшее изучение материалов могильника Брест-Тришин строилось вокруг вопросов относительной хронологии и эволюции погребального обряда памятника – аспектах, действительно нуждавшихся в доработке. В свое время Ю.В. Кухаренко была предложена общая абсолютная датировка могильника: около 170–270 гг. н.э. (Кухаренко, 1980, с. 63). Эти выводы вполне соответствуют и современному уровню знаний об абсолютной хронологии древностей вельбарской культуры. При увязке комплексов брест-тришинского могильника с периодами относительной хронологии Ю.В. Кухаренко опирался на разработки Г. Эггерса и К. Годловского (Кухаренко, 1980, с. 60–63). В 1981 г. М.Б. Щукин, используя метод «узких дат», предпринял попытку выделить на

---

[1] Следует особо отметить последнюю работу. Насколько мне известно, наблюдения А.А. Бобринского до сегодняшнего дня остаются единственной попыткой технологического подхода к керамике вельбарской культуры.

основании датированных комплексов горизонты брест-тришинского могильника, которые отвечали бы фазам центральноевропейской относительной хронологии (Szczukin, 1981, s. 136–143, 146). На мой взгляд, эта работа остается наиболее удачной среди исследований российских авторов, затрагивавших после Ю.В. Кухаренко вопросы хронологии могильника в Брест-Тришине. Во второй половине 1980 – начале 2000 гг. к анализу материалов этого памятника неоднократно обращались представители новой генерации российских исследователей – И.А. Бажан, О.А. Гей, (Бажан, Гей, 1989; Гей, Бажан, 1997) и О.В. Шаров (Šarow, 2000). Общим для этих работ является стремление к использованию корреляционного метода в качестве ведущего и в значительной мере «самодостаточного» инструмента исследования. Не имея ничего возразить против идеи корреляционного метода как такового, и целесообразности построения «внутренней» относительной хронологии памятников в частности, не могу не отметить, что его применение упомянутыми авторами в отношении материалов брест-тришинского могильника оказалось не совсем удачным. Изложение критических замечаний к упомянутым работам заняло бы объём, избыточный в этой статье, и я ограничусь лишь замечаниями общего порядка.

1. Использованный в отношении брест-тришинского могильника, «независимый» корреляционный метод не принёс результатов, которых не удалось бы достигнуть при традиционном анализе «вручную».

2. Корреляционный метод, как всякий другой инструмент исследования, имеет свои плюсы и минусы, а главное – ограничения в использовании, отдавать отчёт которым необходимо.

3. «Независимость» в применении корреляционного метода имеет свои пределы, поскольку на том или ином этапе исследования, но неизбежно, «хронологические индикаторы» и «индикаторы синхронизации» должны соотноситься как с датировками вещей, так и фазами относительной хронологии, принятыми для культуры в целом. Здесь многое зависит как от личного, субъективного опыта исследователя, так и уровня его подготовки в целом.

4. Работы И.А. Бажана, О.А. Гей и О.В. Шарова объединяет стремление к максимально полному использованию в качестве датирующего материала типов посуды, которые в рамках вельбарской культуры в целом имеют широкие рамки бытования. Этот подход и сам по себе вызывает возражения (прежде всего потому, что могильник в Брест-Тришине не был исследован целиком), но он совершенно недопустим в тех случаях, когда применяется в ущерб общепринятой хронологии деталей костюма и других вещей из этих же комплексов, датировка которых гораздо более определённа.

5. Полученные таким путем выводы (некоторые из них можно оценить как в большей или меньшей мере спорные, часть же – как очевидно неверные), И.А. Бажан и О.А. Гей затем достаточно жестко увязываются с особенностями погребального обряда.

6. За счёт этого, в свою очередь, устанавливаются датировки ряда комплексов, не включающих хронологически выразительных вещей. Корректность этого метода спорна. Но совершенно недопустимым является дальнейшее распространение этих выводов на памятники вельбарской культуры Восточной Европы в целом. Остаётся также неясным, на каком основании последние так резко выделяются из общего массива памятников вельбарской культуры.

В 1980–1990-е гг. Р. Волангевичем для выделенной им вельбарской культуры была предложена релятивная хронология, учитывавшая особенности ритмов ее собственного развития (Wołągiewicz, 1981a; 1981b; 1986; 1993, s. 24–26). В течение четверти века, прошедшей с момента издания материалов могильника в Брест-Тришине,

существенно продвинулись полевые исследования памятников вельбарской культуры на основной территории их распространения – Польском Поморье, Мазовии и Подляшье. Динамично развивалось теоретическое направление в исследованиях этой культуры – в области классификации, хронологии и картографии ее материалов. В последние годы возобновились также раскопки на вельбарских памятниках в Беларуси[2]. Качественно изменилось и состояние публикации материалов с территории Мазовии и Подляшья. Брест-тришинский могильник, на протяжении 10–15 лет являвшийся наиболее качественно изданным памятником вельбарской культуры правобережья средней Вислы, сегодня уже утратил эту исключительную позицию. Наконец, достаточно серьезную эволюцию претерпели представления о характере процессов, приведших к заселению носителями вельбарской культуры земель правобережной Мазовии, Подляшья и Белорусского Побужья. Все это сегодня вынуждает несколько сместить акценты в оценках места и роли группы вельбарского населения, оставившего могильник в Брест-Тришине, в процессе колонизации, освоения и использования земель Побужья. Это позволяет также несколько по-иному взглянуть на место данного памятника внутри вельбарской культуры цецельской фазы в целом.

Могильник был случайно открыт в 1959 г. в бывшем предместье г. Бреста – д. Тришин, вошедшей в послевоенный период в городскую черту. В ходе работ 1960–63, 1965 и 1977 гг. экспедицией под руководством Ю.В. Кухаренко на площади около 900 м^2 было исследовано 75 погребений с кремациями и 8 «жертвенных ям», заполненных камнями и остатками костров. По мнению автора раскопок, им была вскрыта лишь южная окраина могильника, большая же его часть осталась севернее – под покрытием ул. Московской и по другую ее сторону (Кухаренко, 1980, с. 3). В конце 1980-х гг. эти площади оказались в зоне строительства новых корпусов Брестского электромеханического завода. Результаты наблюдений за земляными работами, которые в это время велись сотрудниками Брестского областного краеведческого музея (в т.ч. мною), позволяют говорить о том, что брест-тришинский могильник в северной его части не выходит за полотно дороги. Таким образом, если мы, вслед за Ю.В. Кухаренко, примем, что в ходе работ 1960-х гг. была выявлена южная граница могильника, а раскоп 1977 г. в целом определил границы памятника по линии запад – восток (Кухаренко, 1980, с. 3), то следует полагать, что в 1960–1970-х гг. было исследовано не менее половины площади, которую потенциально мог занимать этот памятник.

Анализ материалов. Работа с коллекцией могильника Брест-Тришин в фондах Государственного Эрмитажа в Петербурге и Брестского областного краеведческого музея[3] показала, что часть материалов этого памятника, готовившихся Ю.В. Кухаренко к печати в очень сложный для него период жизни, во время тяжелой болезни, к сожалению, не всегда была точно прорисована и атрибутирована. В результате по мере ввода этих материалов в оборот возник ряд недоразумений. Так, некачественная прорисовка частично деформированной в огне бронзовой пряжки из погребения 58 (рис. 1/Б:17, ср.: Кухаренко 1980, таб. XIX:58г), в свое время привела к выделению Р. Мадыдой-Легутко этой вещи в отдельный тип

[2] Наиболее результативными стали раскопки на грунтовом могильнике возле деревни Петровичи Жабинковского района Брестской области, которые проводились в 2000–2006 гг. (Белявец, 2002а; 2002б; 2005; 2006).

[3] Пользуясь случаем, хотел бы высказать слова искренней признательности хранителю коллекции в фондах Государственного Эрмитажа, доктору исторических наук М.Б. Щукину, а также сотрудникам отдела «Берестье» Брестского областного краеведческого музея и его руководителю – Ю.И. Слесаруку, за содействие в работе с брест-тришинскими коллекциями.

– AG 20 (пряжек с рамкой трапециевидной формы) (Madyda-Legutko, 1986, taf. 14: typ 20, karte 35). В действительности же ее рамка первоначально имела прямоугольную форму, и пряжка из погребения 58 принадлежит к типу ML-AG16, – одному из наиболее распространенных в древностях Центральной Европы. В ряде случаев не подтвердилась информация Ю.В. Кухаренко о находках в погребениях могильника фрагментов стеклянных сосудов (Кухаренко, 1980, с. 6, 15, 99, Таб. VI:5/г, д; Wołągiewicz, 1995, rys. 1). Определенная таким образом вещь из погребения № 43 в действительности оказалась оплавленной и фрагментированной подвеской из прозрачного водянисто-зеленого стекла, опоясанной бронзовыми лентами (рис. 2/А:6) типа Stanek-IIIa (Stanek, 1999, s. 333–334, rys. 6). Среди кусочков оплавленного прозрачного стекла водянисто-зеленого цвета из погребения 5, возможно, могут присутствовать фрагменты стеклянного сосуда. Но это кажется маловероятным, учитывая, что два других, более крупных куска стекла того же цвета, определенно являются деформированными и сплавившимися вместе бусинами. В массу одного из этих кусков стекла утоплен приемник фибулы типа А-161, спинка которой также найдена в погребении (рис. 2/Г:1; ср.: Кухаренко, 1980, таб. VI: 5/б). В этом погребении обнаружены и другие оплавленные бусы.

Более внимательное отношение к деталям, на мой взгляд, позволяют уточнить датировку ряда других находок, ранее не имевших четкой хронологической позиции. Можно отметить и отдельные неточности в определении материалов. В этом смысле существенным представляется то, что пряслице из погребения 55 – в форме низкого цилиндра, украшенное ямочным орнаментом (рис. 2/В:10), оказалось не глиняным (Кухаренко 1980, с. 18), а выточенным из серого песчаника. Что, на мой взгляд, позволяет предложить уточнение к датировке этого комплекса.

Хронология. В построении относительной хронологии могильника Брест-Тришин я не использую корреляционный метод как исходный и ведущий в процессе обработки данных. Во-первых потому, что этот памятник не исследован целиком, и выделение фаз его собственной относительной хронологии нецелесообразно – выводы, сделанные на материалах раскопанной части могильника, не могут претендовать на окончательность. Во-вторых, метод «независимой» корреляции здесь избыточен, он лишь усложняет как обработку 75-ти комплексов, так и восприятие коллегами хода рассуждений. Датировка погребений проведена мной в традиционном ключе, «вручную». Корреляционная же таблица (табл. 1) предлагается лишь как средство проверки правильности полученных результатов, способ иллюстрации, позволяющий сократить текстовую часть, а также инструмент для дальнейшей обработки данных.

В определении хронологии комплексов могильника я в значительной мере ориентировался на датировки, предложенные Р. Волангевичем в его монографии по керамике вельбарской культуры (Wołągiewicz, 1993, s. 171, и соответствующие таблицы)[4]. Книга должна была стать первой частью фундаментального исследования, посвященного древностям вельбарской культуры в целом. В рамках этого проекта вопросы ее хронологического и пространственного развития должны были рассматриваться отдельно, в следующей книге (Wołągiewic, 1993, s. 7–9). Работа, близкая к завершению еще в начале 1990-х, к сожалению, была прервана смертью Р. Волангевича. Тем не менее, представленная им корреляционная таблица, комментарии к ней, а также список комплексов с типологически определимой посудой, снабженный датировками в таблицах (Wołągiewicz, 1993, rys. 1, s. 24–26, 171–189,

[4] В случае погребения 49 критерии датировки, предложенной Р. Волангевичем (Wołągiewicz, 1993, s. 110, lista 10aA: 3), остались мне не ясны, и этот комплекс остался среди недатированных.

lista 1–30), в настоящее время являются наиболее полной и качественной хронологической выкладкой материалов вельбарской культуры.

Определяя относительную хронологию финального горизонта могильника, я опираюсь на предложенную Р. Волангевичем дефиницию подфазы C1b внутри не расчленявшейся ранее фазы C1 (Wołągiewicz, 1993, s. 24–25; Kokowski, 1995, ryc. 45/A). В отношении же материалов периода, определяемого «широкой» фазой B2/C1-C1a, ориентируюсь на разработки, в наиболее полной форме представленные в середине 1990-х гг. А. Коковским. Применительно к материалам масломенчской группы им предлагается разделять последнюю на два самостоятельных хронологических отрезка – фазу B2/C1 и подфазу C1a (Kokowski, 1995, s. 31–38, ryc. 45; 1997, s. 701–703). Фаза B2/C1 в отношении материалов вельбарской культуры традиционно понимается как характеризирующая преимущественно стиль наиболее развитого, финального этапа раннеримского периода, когда женский и мужской костюмы носителей вельбарской культуры развиваются в разных темпах: в то время, когда женщины еще консервативно придерживаются раннеримского стиля в его «барочной» форме, в мужском костюме начинают использоваться новые, интеррегиональные по своему характеру, украшения и детали костюма, возникшие в период маркомонских войн (Godłowski, 1974, s. 26–29; Wołągiewicz, 1981, s. 167–168, tabl. XXIII; 1986, abb. 13; 1993, s. 24). А. Коковский полагает, что «нерасчлененный» характер фазы B2/C1 в вельбарской культуре может быть связан с недостаточной степенью изученности этого явления, поскольку ее дефиниция, разработанная К. Годловским и Р. Волангевичем, опиралась на материалы с территории Поморья и в неполной мере, на то время, опубликованные материалы с памятников Мазовии и Подляшья (Kokowski, 1995, s. 30–32; 1997, s. 700–701). А. Коковский допускает возможность применения в отношении памятников зон E и F Р. Волангевича (Wołągiewicz, 1986a) несколько иной, «восточной» дефиниции фазы B2/C1 (Kokowski, 1997, s. 703, abb. 40; cp: Wołągiewicz, 1986b, s. 260). Здесь подфаза C1a может пониматься не только как стиль, существовавший в значительной мере параллельно «барочному», но и как самостоятельный хронологический период, соответствующий, скорее всего, первым десятилетиям III в., когда на освоенных в цецельской фазе землях правобережья средней Вислы, как в мужском, так и женском костюме утверждается мода начала позднеримского времени. Эта версия дефиниции «чистой» подфазы C1a в отношении зон E и F опирается на выделение ряда ранних форм подвязных арбалетовидных фибул (Kokowski, 1995, s. 35, 37–38, 42, ryc. 18:A, ryc. 2:d, e, ryc. 21:B; 1997, s. 709, abb. 24:IB, 44) и постепенно входит в обиход (см.: Jaskanis, 1996, s. 110; Skorupka, 2001, s. 204, tab. 16, ryc. 10, 11). Можно предположить, что на землях правобережья средней Вислы, в условиях переселения и неустойчивости, а порой и потери связей с исходной зоной миграции, традиции ношения костюма в стиле «вельбарского барокко» – пышного, включавшего дорогостоящие элементы, отживали быстрее, чем на Поморье, и здесь более дешевый и практичный стиль начала периода позднеримских влияний мог укореняться быстрее (ср.: Godłowski, 1986, s. 136–137; Tempelmann-Mączyńska, 1989a, s. 70; 1989b, s. 214). Наконец, на темпы адаптации к новым веяниям вельбарских колонистов могли сказаться и очень тесные контакты с населением пшеворской культуры, которое вследствие активного участия в событиях маркомонских войн, более динамично воспринимало нововведения позднеримского стиля (Godłowski, 1985, s. 68).

С учетом представленных выше замечаний, с точностью до подфазы или фазы могут датироваться 35 из 75-ти комплексов могильника Брест-Тришин. Данные об этих погребениях обобщены в представленной ниже таблице 1.

В отношении четырех погребений (№ 3, 19, 42, 16) можно допустить датировку периодом фаз B2-B2/C1. Два из них, помимо орнаментированных гребней типа Thomas-A, содержат редкие, архаичные для территории Побужья формы посуды, хронология которых определяется рамки фаз B2-B2/C1 – ситулу Wołągiewicz-V (погребение 3; рис. 1/А:2; Wołągiewicz, 1993, lista 5, mapa 5, s. 26, 55) и миску W-III/VIA (погребение 19; рис. 1/А:7; Wołągiewicz, 1993, lista 5, mapa 5, s. 55). Вслед за Р. Волангевичем, я принимаю, что таким образом могут датироваться и 2 других погребения (погребения 16, 42) – с горшками W-IA, W-IC и массивными гребешками T-A (рис. 1/А:3, 4, 8, 9) (Wołągiewicz, 1993, lista 1A – № 2, lista 1C – № 2). Предложенный для этой группы погребений, вариант их позиционирования в относительной хронологии памятника (Табл. 1: группа «А») допустим, но не обязан жестко увязываться ни с относительной, ни с абсолютной хронологией: как только в погребении 24, вместе с ра́вно архаичной для цецельской фазы вещью – «рельефным» одночастным гребешком типа T-D, появляется четко датируемая находка – фибула типа AII-40/41 (рис. 1/Б:15, 10), группа «А» погребений предстает в ином свете. Эти комплексы, датированные в рамках фаз B2-B2/C1, содержат набор вещей, стилистически наиболее архаичный для раннего горизонта могильника, но в действительности относятся к «чистой» фазе B2/C1. Таким образом, группа «А» может выделяться как содержащая типологически ранний набор вещей в рамках следующей – группы погребений «Б», и лишь подчеркивает относительно ранний для этой зоны, состав вещей фазы B2/C1 в материалах могильника Брест-Тришин.

Фазой B2/C1 следует датировать 11 погребений (№ 1, 6, 7, 12, 24, 26, 28, 31, 44, 58, 61) (см. таб. 1: «Б»). В соответствии с дефиницией этой фазы (Wołągiewicz 1993, s. 24), таким образом датировано 9 комплексов, включающих ведущие типы фибул этого периода: AV-96 (погребения 26, 44; рис. 1/Б:1); AV-128 (погребения 1, 31; рис. 1/Б:4, 5); AII-40/41 (погребение 24; рис. 1/Б:10); AII-41 (погребения 6, 7, 12, 41; рис. 1/Б:9, 11, 12). Им сопутствуют вещи, также типичные для фазы B2/C1: пряжка типа ML-AG3 в погребении 1 (рис. 1/Б:16); костяная булавка с резной головкой в погребение 44 (рис. 1/Б:14). В погребении 7 вместе с фибулой AII-41 (рис. 1/Б:9) выступают браслет Kmieciński-I и наконечник пояса Raddatz J-II3 (рис. 1/Б:8, 6). В последнем найдена также пряжка ML-AD17 (рис. 1/Б:18) – относительно позднего типа, в большей мере характерного для начала позднеримского периода (Madyda-Legutko, 1986, tab. 8), но эта находка не противоречит предложенной хронологии комплекса. Погребения, датированные фазой B2/C1, в Брест-Тришине выступают вместе с основными формами гребешков этого времени: группы T-A (рис. 1/Б:20) в погребениях 6, 7, 44; и T-B в погребении 61 (рис. 1/Б:22). Наличие в погребении 26 фрагмента трехслойного гребешка (рис. 1/Б:23) вовсе не противоречит его датировке фазой B2/C1, установленной по паре фибул AV-96[5] – в это время гребни группы T-I начинают использоваться во всем ареале вельбарской культуры (Hmielewska, 1971, s. 54; Godłowski, 1974, tab. I:24; Wołągiewicz, 1981b, s. 169, ryc. 60; 1993, ryc. 1: 80, 90; Kokowski, 1995, s. 22, ryc. 18:A, ryc. 21/IA:5).

Более неоднозначна датировка двух погребений, включенных мной в группу «Б», фибулы в которых не выступают. В погребении 58 найдена пряжка типа ML-AG16 (рис. 1/Б:17). Период их использования в вельбарской культуре охватывает, прежде всего, фазы B2b-B2/C1, и лишь спорадически они встречаются в материалах начала позднеримского времени (Madyda-Legutko 1986, Tab. 8). При отсутствии в погребении других вещей с определенной хронологией, датировка этого комплекса фазой B2/C1 предпочтительна. Более спорна хронология комплекса погребения 28.

[5] ср.: Бажан, Гей, 1989, с. 187, рис. 2:15; Гей, Бажан, 1997, с. 37, табл. 36/I:4; Šarow, 2000, abb. 2:41, abb. 3:41.

Пряжки типа ML-D26 (рис. 1:19) появляются в вельбарской культуре на фазе B2/C1, но широкое распространение получают уже в начале позднеримского времени (Madyda-Legutko, 1986, Tab. 8). Вместе с тем, ее находка вместе с витой серебряной бусиной (рис. 1/Б:7) – украшением крайне редким для зон E и F, осваиваемых на цецельском этапе позднеримского периода (Mączyńska, 1989a, s. 69; Kokowski, 1997, Abb. 42), а также с орнаментированным одночастным гребнем T-A (рис. 1/Б:21), делают датировку комплекса погребения 28 фазой B2/C1 наиболее вероятной (ср.: Wołągiewicz, 1993, lista IB:2).

В горизонте фазы B2/C1 могильника Брест-Тришин, помимо типов посуды с широкой датировкой (горшками типов W-IA (рис. 1/Б:24), W-IB (рис. 1/Б:30), W-IC (рис. 1/Б:24), выступают миски и мисковидные сосуды, характерные преимущественно для фазы B2/C1: W-VIA (рис. 1/Б:28) (Wołągiewicz, 1993, lista 6A); W-XIV (рис. 1/Б:29) (Wołągiewicz, 1993, lista 14B), а также типологически несколько более поздняя мисочка W-XVIIIB (рис. 1/Б:26) (Wołągiewicz, 1993, lista 18B). Здесь же – посуда пшеворской культуры: горшок группы Liana-III (рис. 1/Б:31) и миниатюрный горшок группы L-V (рис. 1/Б:27) – типичные формы фазы B2 и начала позднеримского времени (Liana, 1970, s. 439; Godłowski, 1981, s. 64, tabl. III:2, 6).

С горизонтом фазы B2/C1 следует связывать также две находки из разрушенных погребений: фибулы типа AV-96 и AV-125/130 (рис. 1/Б: 2,3). Последняя, согласно уточнениям к классификации О. Альмгрена, предложенным Г. Махаевским, относится к форме 4 – «резкопрофилированным», связанным с влиянием северогерманского и скандинавского стиля, и их датировка определяется в рамках конца фазы B2 – B2/C1 (Machajewski, 1998, s. 189, 192).

В следующую группу объединены 8 погребений (№ 2, 14, 21, 29, 43, 52, 54, 55), хронология которых может быть определена лишь в рамках «широкой» фазы B2/C1-C1a (Табл. 1:«В»). Собственно говоря, признаки этого периода (сочетание вещей фазы B2/C1 и подфазы C1a в одном комплексе) демонстрирует лишь погребение 21, в котором фибула типа AII-41 выступает с фрагментом застежки VI группы О. Альмгрена (рис. 2/В:1,2). Остальные погребения датированы периодом фаз B2/C1-C1a из-за невозможности более узкого определения их хронологии, отношение же их к раннему горизонту памятника наиболее вероятно. Так, в погребении 54 фрагмент трехслойного гребня группы T-I сочетается с обломком пружинного аппарата от гребенчатой фибулы (рис. 2/В:11, 3)[6]. В погребении 43 найден наконечник ремня типа J-II3 и фрагментированная опоясанная подвеска типа Stanek-IIIa (рис. 2/В:7, 6). Последние в материалах вельбарской культуры имеют относительно длительный период бытования, но характерны прежде всего для периода B2/C1-C1a (Stanek, 1999, s. 345–347, ryc. 8:D, E, F). Наконечники ремня типа J-II3 являются ведущей формой фаз B2/C1 и C1a (Wołągiewicz, 1993, s. 24, ryc. 1:64). С ранним горизонтом могильника следует связывать также погребение 55. Пряслице, найденное в последнем (рис. 2/В:10), выточено из песчаника, вероятно, добывавшегося в Мекленбурге и Восточном Бранденбурге. Хронология таких изделий на Поморье не выходит за рамки раннеримского времени, и А. Коковский отмечает раннюю хронологию песчаниковых пряслиц в зонах «E» и «F» (Kokowski, 1995, s. 37). Также

---

[6] Ю.В. Кухаренко считал, что это фрагмент подвязной арбалетовидной фибулы (Кухаренко, 1980, с. 18). Но ось её пружины сделана из проволоки, слишком деликатной для фибул группы A-VI, в которых, из-за отсутствия гильз или «чепчиков», пружинная ось была массивнее, поскольку испытывала гораздо бульшие нагрузки. Кроме того, пружинная ось застёжки из погребения 54 имеет квадратное сечение, чего я не встречал у подвязных фибул. Зато такая проволока нередко использовалась в гребенчатых фибулах, в том числе найденных в Брест-Тришине (см. рис. 1/Б:12).

и период массового использования костяных булавок, которая выступает в погребении 55 (рис. 2/В:8), в костюме населения вельбарской культуры ограничивается началом позднеримского времени (Mączyńska, 1989a, s. 213).

Пряжки типа AG-7, подобные найденной в погребении 52 (рис. 2/В:4), в вельбарской культуре выступают прежде всего на фазе B2, и лишь спорадически бытуют в материалах начала позднеримского времени (Madyda-Legutko, 1986, tab. 8). В отсутствии других датирующих находок, наиболее оправданным представляется отнести комплекс к раннему горизонту могильника. Нет веских оснований для датировки временем позднее фазы B2/C1-C1a также трех других погребений – № 14, 2 и 29, где единственными датирующими находками являются гребни: одночастный орнаментированный, типа T-A, в погребении 14 (рис. 2/В:9) и трехчастные, типа T-B, в погребениях 2 и 29 (см. рис. 2/В:5) (см.: Godłowski, 1974, tab. I:21; Wołągiewicz, 1981, tabl. XVI:16, 17; 1993, ryc. 1:68).

В погребениях, датированных «широкой» фазой B2/C1-C1a, выступают в основном фрагментированные и типологически неопределимые сосуды. Исключением являются миниатюрный сосудик группы W-XII из погребения 21 (рис. 2/В:14) и миска группы W-VI из погребения 54 (рис. 2/В:13). А также мисочка с выразительным ребром из погребения 55 (рис. 2/В:12), которая, как по профилировке, так и составу керамической массы, близка к посуде пшеворской культуры (мискам типа Liana-II/3).

Следует отметить еще одну особенность брест-тришинских погребений, датированных «широкой» фазой B2/C1-C1a. Если в смысле половозрастных определений «чистая» фаза B2/C1 достаточно монолитна – в абсолютной массе представлена погребениями взрослых людей, и как минимум в 4 случаях – женщин, то антропологические определения погребений «широкой» фазы B2/C1-C1a куда более неоднородны. С одной стороны, ни одно из них не было определено как погребение женщины. С другой – в этой группе присутствуют два детских (№ 21, 52) и одно погребение пожилого человека (№ 55). Складывается впечатление, что в действительности эти комплексы могут отражать не столько реальную, во времени, трансформацию материальной культуры брест-тришинской популяции, сколько более или менее синхронную погребениям фазы B2/C1, субкультуру «нетрудоспособной» ее части – детей, подростков и пожилых людей; а если мы предположим, что в группе «В» в большей мере представлены погребения взрослых мужчин, то группа погребений, датированная периодом B2/C1-C1a, может в большей мере, чем группа «Б», отражать «неженскую» субкультуру популяции в целом.

В составе брест-тришинского могильника четко выделяется группа погребений, которые следует датировать «чистой» подфазой C1a: № 5, 17, 51 (таб. 1: группа «Г»). Ведущей формой фибул здесь является наиболее простой вариант подвязных арбалетовидных, приближенных к типу AVI-161: они имеют высокие, изогнутые по дуге, неорнаментированные спинки, сделаны из относительно тонкой, круглой или полукруглой в сечении проволоки, которая имеет одинаковую толщину по всей длине заготовки (рис. 2/Г:1–3). Далее для удобства использования по тексту и в таблице 1 я предлагаю называть такие фибулы вариантом «Ковалевка» – по названию могильника Ковалевка-12, что в Велькопольском воеводстве (Kowalewko, st. 12), давшего на сегодня наибольшее число хорошо датированных комплексов с этими застежками (см. Skorupka, 2001, s. 139, 177, 204). Этот вариант фибул A-161 является одной из ведущих форм подфазы C1a в пшеворской культуре (Godłowski, 1970, plate II:5; 1981, s. 96, tab. XVII:3). В свое время ранняя хронологическая позиция фибул A-161/Ковалевка в материалах вельбарской культуры уже отмечалась К. Годловским и Р. Волангевичем (Godłowski, 1970, plate VI:31; 1974, s. 29, tab. I 25; Wołągiewicz, 1981, tab. XXIII:87). На их ранней датировке достаточно подробно

остановился Я. Анджэевский в докладе, прочитанном в 2004 г. на симпозиуме в Гданьске (Andrzejewski, 2004). Не имея возможности сослаться на эту работу, находящуюся еще в печати, аналогии к отмеченным фибулам из Брест-Тришина я привожу в отдельной таблице (рис. 3:А–Д). Из них следует, что фибулы А/161-Ковалевка выступают в наиболее позднем горизонте памятников любовидской фазы на Польском Поморье и севере Великопольши в контексте как «широкой» фазы B2/C1 – C1a (рис. 3/А: погребение 112; 3/Б; 3/В: погребение 363), так и подфазы C1a (рис. 3/А: погребение 109; 3/В: погребение 66, 71, 80; 3/Г; 3/Д). Аналогичным образом, подфазой C1a, на мой взгляд, следует датировать и комплекс погребения 184 могильника Цецели (Jaskanis 1996, s. 33, tab. XXV:gr. 184).

В погребении 17 брест-тришинского могильника (взрослый человек) фибула варианта А-161/Ковалевка найдена с фрагментом крупного орнаментированного одночастного гребня Т-А (рис. 2/Г:1, 9) – таким образом, также в контексте подфазы C1a (ср.: Wołągiewicz, 1993, lista 20C:17). Пара подобных фрагментированных фибул происходит из погребения 5 (женщина) (рис. 2/Г: 2, 3). Здесь также найдены гребень Т-А (рис. 2/Г:7) и «дыневидное» пряслице, покрытое вертикальными желобками (рис. 2/Г:5). Период бытования последних в материалах вельбарской культуры ограничивается фазами B2/C1-C1b (Kokowski, 1996, s. 36; 1997, s. 707). Судя по фрагментам оплавленных бус, ожерелье из погребения 5 включало бусины из прозрачного зеленого стекла, в том числе несколько орнаментированных полосками из непрозрачного стекла белого и красного цветов, вероятно – типов ТМ-304 и 307; а также бусы из винно-фиолетового прозрачного стекла, из которого изготавливались 14-гранные бусы типа ТМ-128, очень популярные в материалах вельбарской культуры раннего и развитого этапов позднеримского периодов. Заметим, что такое сочетание бус подкрепляет предложенную датировку комплекса погребения 5 (Tempelmann-Mączyńska, 1986, s. 38, 56).

Вероятнее всего, с горизонтом начала позднеримского периода следует связывать и погребение 51. Основанием для такой датировки служит находка фрагментированной фибулы, близкой к типу А-161 (2/Г:4). Морфологически она очень близка к варианту «Ковалевка», но спинка этой застежки украшена узким рельефным гребешком, преобразованного с помощью наколов в цепочку рельефных «жемчужных» выступов. Хронология этого варианта фибул А-161 в материалах вельбарской культуры не разработана, хотя предполагается скорее ранняя их датировка (Andrzejowski, Żórawska, 2002, s. 36, tabl. XI/27:1). В любошицкой культуре такие застежки выступают во II-й фазе по Г. Доманьскому, которую следует синхронизировать с периодом B2/C1-C1a (Domański, 1981, s. 263, tab. XXXVII:15). Для удобства ниже по тексту и в таблице 1 предлагаю называть этот вариант фибул AVI-161 вариантом «Петровичи», поскольку погребение 16 могильника Петровичи (Жабинковский район, в 20-ти км на восток от Брест-Тришина) наиболее выразительно из известных мне примеров указывает на раннюю датировку этих застежек. Здесь, в погребении 16, содержавшем остатками кремации взрослой женщины, пара таких фибул сочеталась с серебряными изделиями «барочного» стиля: S-подобной скрепой типа Müller-B и витой зерненной биконической бусиной (рис. 3/Е:погребение 16) – типичными изделиями фаз B2/C1 и C1a (Godłowski, 1974, tab. I:4, 10; Wołągiewicz, 1981, s. 167, tabl. XXIII:72, 73; 1993, s. 24). Среди бус, найденных в погребении 16 могильника Петровичи, выступает серия крупных «полосатых» бус типа ТМ-304 и 307 (как, вероятно, и в погребении 5 брест-тришинского могильника). В материалах могильника Петровичи фибулы этого варианта с гребешками, покрытыми поперечными насечками, были обнаружены еще в двух погребениях – № 34 (рис. 3/Е:погребение 34) и № 10, где эти застежки являются единственными находками.

Датировка четырех следующих погребений: № 9, 10, 11, 62, не может быть определена рамками более узкими, чем фаза C1 в целом (или же, учитывая общую хронологию могильника – фазами C1 – началом C2). В инвентаре погребений 10 и 62 выступают типологически неопределимые фрагменты фибул, вероятно относящиеся к VI группе О. Альмгрена (Кухаренко, 1980, с. 7, 20, таб.: VIII:10a, XIX:62a). Трудно сказать что-либо определенное и о фрагменте фибулы из погребения 9 (рис. 2/Д:2). Вероятнее всего, это обломок застежки типа A-167, но, возможно также – фибулы с высоким приемником группы A-VII (приближенной к типам A-2003 и 211). Фибулы A-167 являются ведущей формой подфазы C1b, хотя в отношении наиболее простых вариантов, украшенных одинарными рубчатыми кольцами, допускается и возможность их «омоложения» за счет подфазы C1a (Andrzejowski, Żórawska, 2002, s. 43). Фибулы AVII/S1 в материалах вельбарской культуры выступают на фазах B2/C1 – C1 (Wołągiewicz, 1993, s. 24–25). Таким образом, датировка погребения 9 фазой C1 представляется наиболее взвешенной. К фазе C1 следует отнести и погребение 11 брест-тришинского могильника, в котором найдена подвязная арбалетовидная фибула с выгнутой по правильной дуге, шестиугольной в сечении спинкой (рис. 2/Д:1). В материалах позднеримского периода с территории Южной Германии подобные фибулы выделяются в вариант «Эрфурт» (Erfurt), а их хронология определяется рамками фазы C1 (Bemmann, 1998, s. 256–257; см. также: Schultze, 1994, s. 294, abb. 3). В отношении материалов вельбарской культуры хронология этого варианта фибул специально не разрабатывалась, но их датировка, принятая в Германии, на мой взгляд, приемлема. С одной стороны, фибулы A-161/Эрфурт не несут черт, типичных для застежек развитого позднеримского периода, с другой – мне известен пример, когда аналогичная фибула выступает в выразительном контексте подфазы C1a: в погребении 13 могильника Петровичи (ингумация, Infans-I) фибула варианта A-161/Эрфурт сочетается с миниатюрной застежкой группы A-VII с корпусом виде уточки (рис. 3/Е:погребение 13). «Фибулы-уточки» выступают в ряде погребений могильника Масломенч – 15 в горизонте подфазы C1a (Kokowski, 1995, s. 37, 200, rys. 21:12).

В заключительную группу погребений могильника Брест-Тришин (фаза C1b, или C1b – C2 (начало C2) следует объединить 5 следующих: № 8, 20, 27, 56, 73 (табл. 1: группа «Е»). Датировка двух из них – погребений 27 и 20, устанавливается на основании находок фрагментов гончарных сосудов. В погребении 27 это обломок верхней части вазовидного сосуда с Т-образным венчиком (рис. 2/Е:9); в погребении 20 – фрагмент шейки гончарного сосуда, вероятно – горшка с ушком (рис. 2/Е:8)[7]. Следует полагать, что в материалах брест-тришинского могильника, как и вельбарской культуры в целом, появление гончарной посуды обязано контактам с населением черняховской культуры (Wołągiewicz, 1993, s. 35–36). Таким образом, нет оснований для датировки погребений 20 и 27 временем более ранним, чем подфаза C1b. С другой стороны, комплексы с фибулами наиболее позднего горизонта функционирования могильника в Брест-Тришине не дают оснований для предположения о том, что период использования могильника мог заходить далеко вглубь фазы C2[8]. Фибулы, найденные в погребениях 8 и 56 брест-тришинского могильника (рис. 2/Е:2,3), являются развитыми формами типа AVI-167 и должны связываться с подфазой C1b и началом C2 (ср.: Wołągiewicz, 1993, lista 9A:1; lista 11:1). Фазой C1b

[7] Ю.В. Кухаренко этот фрагмент не публиковал (см.: Кухаренко, 1980, с. 9). Коллекционный номер в фондах Государственного Эрмитажа: 2334/60.

[8] А. Коковский полагает, что материалы финальной фазы брест-тришинского могильника могут синхронизироваться с подфазой C2a, выделенной им в развитии древностей масломенчской группы (Kokowski, 1995, s. 108; 1997, s. 778; 1999, s. 189, abb. 5:48).

следует также датировать погребение 73, где обнаружена фибула, близкая к типу A-161 с плавной дуговидной, пятиугольной в сечении спинкой (рис. 2/E:1). С одной стороны, мне неизвестны случаи находок фибул этого варианта в комплексах наиболее раннего отрезка позднеримского времени. С другой, к примеру, в богатом детском погребении № 30 могильника в Петровичах, подобная застежка вместе с двумя другими (см. рис. 3/E:погребение 30), а также серебряной шейной гривной и низкой бус, выступает в контексте подфазы C1b, или несколько шире – C1b-C2 (начало C2 ?).

В сравнении с ранним горизонтом могильника, в комплексах, датированных фазой C1 и C1b (C1b – C2), чаще выступают малые формы сосудов: групп W-XVII (рис. 2/Д:4), W-XVII (рис. 2/Д:3; 2/E:5), W-XVIII (рис. 2/Д:5). В погребении 8 найдена миска W-XaB (Кухаренко, 1980, таб. VIII:8г), в погребении 56 – мисовидный сосуд W-XI (рис. 2/E:7). Сосуды крупных размеров здесь редки, представлены кувшином типа W-IXA (рис. 2/E:11) и горшком пшеворской культуры, группы L-V (рис. 2/Д:7), который был использован в качестве урны в единственном урновом погребении финального горизонта могильника – № 62.

Планиграфия разновременных погребений (рис. 4/А) не много дает для понимания закономерностей пространственного развития могильника в Брест-Тришине. Памятник исследован частично, раскоп имеет неровные очертания и лакуны, поскольку работы велись на площади жилых усадеб, и в ходе раскопок приходилось огибать постройки. Можно лишь отметить, что погребения раннего горизонта (фаз B2/C1 – C1a) достаточно выразительно группируются в северо-западной части раскопа 1961–1965 гг. По восточной и северной периферии этой группы, в более свободном порядке, размещаются погребения преимущественно более поздние.

Могильник в Брест-Тришине позволяет составить представление о наиболее ранних этапах расселения носителей вельбарской культуры в поречье Западного Буга. О его выразительно-ранней хронологической позиции свидетельствует ряд находок, которые не выступают, или исключительно редко встречаются в материалах вельбарской культуры зон E и F на юго-восток от впадения в Вислу ее правых притоков – Бебжы и Нарева: фибулы AV-96 (в том числе экземпляр, некогда украшенный аппликацией из серебряной проволоки (рис. 1/Б:2) – единственная известная мне находка этого рода в зонах E и F), гребешок T-D (рис. 1/Б:15), змеиноголовый браслет K-I (рис. 1/Б:8), в посуде – ситула W-V (рис. 1/А:2) (Hauptmann, 1998, s. 165, abb. 8; Кухаренко, 1980, с. 55, рис. 12, с. 51, рис. 10; Wołągiewicz, 1993, mapa 4, 5, 26). Ряд других находок, также неизвестных в правобережье Вислы между Бебжей и Мухавцем, появляется в материалах Брест-Тришина, а затем, спорадически, на вельбарских памятниках Западной Волыни и в материалах масломенчской группы: фибулы A-128, биконические серебряные витые бусины, вазы групп W-III и W-IV (Kokowski, 1997, abb. 42; Wołągiewicz, 1993, mapa 4, 5, 26). Это может восприниматься как свидетельство быстрого перемещения группы переселенцев, основавшей могильник в Брест-Тришине, с территории, занимаемой ими на любовидской фазе развития культуры – первопоселенцев, опередивших наплыв основной массы вельбарских колонистов на земли правобережья средней Вислы.

Топография распространения ряда упомянутых выше вещей, типологически очень ранних для зон E и F, которая «обрывается» в верховьях Нарева и Бебжы, и вновь, «пунктиром», проявляется на Брестском Побужье, Хрубешовской долине, а затем – в Западной Волыни, может указывать на то, что наиболее ранний и осторожный поток вельбарских колонистов, к числу которых принадлежали и поселенцы, осевшие в низовьях Мухавца, в правобережье средней Вислы отчасти огибал, отчасти «просачивался» здесь сквозь массив населения пшеворской культуры.

Последнее, несмотря на постоянный и все усиливавшийся отток на юг – в сторону Карпатской котловины и на левобережье Вислы, тем не менее доминировало на правобережной Мазовии, части Подляшья, Люблинского Полесья и Брестского Побужья на значительном отрезке фазы B2/C1 и островками сохранялось здесь еще в начале позднеримского периода (Карта 1; Dąbrowska, 1981, s. 120; Dąbrowska, Liana, 1986, s. 153; Andrzejowski, 1989, s. 119–120; 1995, s. 43; 2001a, s. 83; 2001b, s. 107–110; Kokowski, 1991, s. 186; 1995, s. 61; см. также: Godłowski, 1982, s. 56–62; 1985, s. 146–147; Козак, 1993; Olędzki, 1999; Олендский, 2002, с. 93, 85, рис. 1).

На мой взгляд, такое видение роли популяции, использовавшей могильник в Брест-Тришине, в процессе освоения носителями вельбарской культуры новых земель в правобережье средней Вислы, находит отражение и в особенностях погребального обряда, присущих этому памятнику.

К анализу погребального обряда. Все погребения, исследованные на могильнике в Брест-Тришине, выполнены по обряду трупосожжения. По способу помещения в ямы остатков кремаций, погребения делятся на урновые и ямные, а в зависимости от характера заполнения грунта в ямах – на «чистые» и с остатками костров. По сочетанию этих характеристик все погребения могильника в Брест-Тришине можно разделить на 4 типа: 1 – урновые «чистые»; 2 – урновые с зольно-угольным заполнением ям; 3 – ямные «чистые»; 4 – ямные с зольно-угольным заполнением. Детальная описательная характеристика разных вариантов погребального обряда брест-тришинского могильника в свое время была дана Ю.В. Кухаренко (Кухаренко, 1980, с. 24–29), на ее нюансах также подробно останавливались И.А. Бажан и О.А. Гей (Бажан, Гей, 1989, с. 190; Гей, Бажан, 1997, с. 36–37), и нет нужды повторяться. Я предлагаю сконцентрироваться на сравнении погребального обряд могильника Брест-Тришин с той картиной, которую дают памятники вельбарской культуры соседних территорий, что поможет нам понять, насколько типичен этот памятник для зоны правобережья средней Вислы, и в чем заключается его специфика.

В 2000–2006 гг. проводились раскопки на еще одном могильнике вельбарской культуры, расположенном в 20 км вверх по течению Муховца – в Петровичах. Он был заложен в период в целом сопоставимый с брест-тришинским могильником – на фазе B2/C1, но наиболее активно функционировал в развитом позднеримском периоде, вплоть до фазы C3 (Белявец, 2002а; 2002б; 2006). Погребальный обряд, использовавшийся петровичской популяцией, существенно отличается от обряда брест-тришинской группы «готов». Могильник в Петровичах имеет ярко выраженный биритуальный характер – на 2006 г. соотношение на нем кремаций и ингумаций составляет 33:37 в пользу последних. Вообще следует заметить, что укоренившееся в литературе мнение о том, что на Белорусском Побужье выступают лишь могильники с кремациями (см.: Kokowski, 1995, mapa 81), ошибочно. Биритуальный характер имеет могильник в Величковичах (Кухаренко, 1980, с. 67). Судя по составу находок из разрушенных погребений вельбарского могильника в Скорбичах (Andrzejowski, 2005, tabl. 4, 5), и на нем использовались как кремации, так и ингумации. Таким образом, на фоне других погребальных памятников вельбарской культуры, известных сегодня на территории Белорусского Побужья, берест-тришинский могильник с его моноритуальным погребальным обрядом сегодня представляется скорее исключением.

В массиве памятников вельбарской культуры Правобережной Мазовии и Подляшья группа колонистов, использовавшая могильник в Брест-Тришине, по характеру погребального обряда стоит ближе всего к населению центральной и северной частей зоны E – подобные памятники концентрируются в нижнем течении Западного Буга и по его правым притокам. Наиболее представительными

могильниками этого типа являются Неданово и Цецели (Ziemlińska-Odojowa, 1999, s. 136–137; Jaskanis, 1996, s. 92–104). Их характеризирует биритуализм погребального обряда, с тем, однако, что могилы с ингумациями здесь составляют незначительную часть от общего числа погребений. Так, в Неданове на 204 погребения с кремациями приходится лишь одно, выполненное по обряду ингумации; среди 579-ти погребений могильника в Цецелях выступает 65 могил с трупоположениями (11%). Примечательно, что в составе последнего ингумации в абсолютной массе представлены погребениями детей, и это отличие в погребальном обряде может в какой-то мере отражать специфический подход к захоронению одной из возрастных групп, существовавший внутри цецельской популяции (Jaskanis, 1976, s. 244; Kokowski, 2004, s. 240; см. также: Czarnecka, 1990, s. 88). Для удобства ниже по тексту предлагаю называть эти могильники, на которых выразительно доминирует обряд кремации, могильниками «цецельского» типа – по наиболее крупному из таких памятников, исследованных в среднем течении Вислы. Остается не до конца ясным, могли ли такие могильники действительно состоять из одних только кремаций. В зоне Е погребения с ингумациями хоть и в незначительном количестве, но выступают на крупных и полно исследованных могильниках. Они не фиксируются на относительно маленьких и частично исследованных памятниках, таких как Брест-Тришин, Надколе (Andrzejowski, Żórawska, 2002) и Сарнаки (Kempisty, 1968), хуже исследованных могильниках, раскапывавшихся в XIX и первой половине XX вв., а также памятниках, известных по отдельным погребениям (см.: Kokowski, 1996, s. 59, ryc. 80, 81; 1997, s. 745, abb. 61, 62, 63, 65). Таким образом, нельзя исключить, что представление об моноритуализме могильников «цецельского» типа в какой-то степени связано с состоянием исследованности этих памятников.

Говоря о тенденциях в эволюции погребального обряда могильника в Брест-Тришине, следует достаточно условно воспринимать данные, полученные на основании корреляции и представленные в виде диаграммы (рис. 5Б). «Дробное» деление на подфазы и фазы, особенно раннего этапа функционирования памятника, неизбежно искажает реальную картину частоты использования форм погребального обряда на разных этапах функционирования могильника. В период B2/C1 – C1a фазы относительной хронологии в реальном времени должны отчасти перекрываться, к тому же они могут в какой-то мере представлять субкультуру разных частей популяции (в оппозициях: «взрослые – дети – пожилые люди», «мужчины-женщины»), наконец, могут отражать этнографические или этнические особенности различных групп людей, влившихся в состав брест-тришинской популяции «готов». В этом смысле более объективную картину дает «укрупненное» хронологическое членение материалов, представленное на рис. 5В, где развитие памятника разбито лишь на два отрезка – ранний, объединяющий погребения фаз B2/C1, B2/C1 – C1a и «чистую» фазу C1a, и поздний, который включает объекты позднеримского этапа развития памятника на фазах C1 и C1b – C2. В результате мы получаем диаграмму (рис. 5В), в которой эволюцию погребального обряда могильника в Брест-Тришине характеризуют две тенденции: 1 – со временем уменьшалось количество урновых погребений; 2 – возрастало число погребений с зольно-угольным заполнением ям (ср.: Кухаренко, 1980, с. 29; Бажан, Гей, 1989, с. 192; Гей, Бажан, 1997, с. 37–39). Но и эти выводы следует воспринимать с осторожностью, поскольку на пути наших обобщений становится ряд «информационных фильтров». Прежде всего, выводы, полученные на основании лишь частично исследованного могильника, не могут претендовать на окончательность. Следует также учитывать, что погребения с разным обрядом в разной степени поддаются датировке (рис. 5А). Захоронения в урнах содержат более разнообразный

инвентарь, что позволило датировать порядка 89 % урновых «чистых» и 57 % урновых погребений с зольно-угольным заполнением ям. Гораздо более скромные возможности для датировок дает ямный обряд, где погребальный инвентарь, как правило, скуднее: из числа ямных «чистых» погребений датированы около 57 %, в то время как абсолютное большинство ямных погребений с зольно-угольным заполнением (76 %) остались недатированными. Эти тенденции особенно отчетливо проступают на примере безинвентарных захоронений – все они принадлежат к ямным, и на 6 таких погребений с зольно-угольным заполнением ям, приходится лишь одно, выполненное в яме «чистой». Наконец, следует учитывать, что различия в обряде и богатстве инвентаря связаны и с возрастными характеристиками людей: антропологически определимые остатки сожжений позволяют заключить, что в Брест-Тришине погребения детей производились преимущественно без урн, в то время как урновый обряд, а особенно – обряд погребения в «чистых» урнах, в абсолютном большинстве случаев связан с погребениями людей взрослых.

Тем не менее, обозначенные выше тенденции в эволюции погребального обряда могильника Брест-Тришин, на мой взгляд, должны достаточно адекватно отражать действительное состояние вещей. Это следует из их сравнения с той картиной, которую несут другие памятники территории Мазовии и Подляшья, характеризующиеся близкой погребальной традицией. Для проведения сравнительного анализа я использовал данные с трех могильников «цецельского» типа зоны E: Неданово (Ziemlińska-Odojowa, 1999), Цецели (Jaskanis, 1996) и Надколе (Andrzejowski, Żórawska, 2002), опубликованных в серии Monumenta Archeologica Barbarica. Качественный, унифицированный материал этих изданий – графический, описательный и иллюстративный, позволяет наиболее корректно провести требующийся анализ.

Каждый из трех этих памятников имеет свои особенности. Так, могильник в Неданове является самым северным (карта 1:1), наиболее ранним и долго использовавшимся – основанный еще в подфазе фазе B2b, он функционировал до начала периода Великого переселения народов включительно. Вельбарский этап использования этого памятника без хронологической цезуры продолжает более ранний горизонт, образованный погребениями населения пшеворской культуры. Таким образом, кажется вероятным, что какая-то часть носителей вельбарской культуры, оставивших второй горизонт могильника в Неданове, может являться потомками местного населения культуры пшеворской. Несколько позднее, чем Брест-Тришин, на исходе фазы B2/C1, был заложен могильник в Цецелях (карта 1:2), функционировавший также долго, как и Неданово. Это самый крупный из исследованных в зоне E могильников вельбарской культуры. Вероятно, он использовался несколькими группами вельбарских поселенцев и в значительной мере характеризует этап формирования новых социальных объединений на землях правобережья Вислы, уже достаточно устойчиво освоенных населением вельбарской культуры – этап закрепления внутренней иерархии местных семейно-родовых групп и дальнейшего развития их общественной стратификации (см.: Jaskanis, 1976, s. 228, 245, 247; 1981, s. 185–189; 1996, s. 113; Andrzejowski, 2001b, s. 112; Kokowski, 2004, s. 240). Особый статус могильника в Цецелях подчеркивает наличие на нем каменно-земляных курганов, в которых выявлены следы богатых погребений, разграбленных, вероятно, еще в древности (Jaskanis, 1996, -s. 77-83, taf. LXXVI–LXXXIX; 1976, s. 228). Данные, которые дают могильники в Неданове и Цецелях, особенно ценны, поскольку оба памятника имеют значительные размеры и исследованы целиком – в них действие отмеченных выше «информационных фильтров» отчасти компенсируется представительностью статистических выкладок. Третий из

рассматриваемых нами могильников – Надколе, сравним с брест-тришинским и по степени изученности, и, вероятно, по реальным размерам. Судя по составу находок раннего горизонта, он начал использоваться несколько позднее, чем могильник в Брест-Тришине, но также в пределах фазы B2/C1. Могильник в Надколе оставлен относительно небольшой популяцией вельбарских поселенцев, основавшихся над рекой Ливец (левый приток Западного Буга) (карта 1:3) поблизости с еще функционировавшими в этой зоне поселениями пшеворской культуры (Andrzejowski, Żórawska 2002, s. 56). Это самый южный из рассматриваемых нами памятников зоны E.

На ранних фазах использования эти могильники демонстрируют обрядность, достаточно серьезно различающуюся как по «набору», так и по пропорциональным соотношениям разных форм погребений (рис. 5, 6). Среди них Брест-Тришин резко выделяет высокий процент урновых погребений (около 30 %). Такой доли погребений в урнах не дает ни один другой могильник зон E и F (Andrzejowski, Żórawska, 2002, s. 53). Брест-тришинский могильник также ярко отличает приверженность к использованию «чистых» урновых погребений (9 захоронений), которые на фазах B2/C1 – C1a являлись здесь одной из наиболее распространенных, если не ведущей, формой захоронений.

Относительно большое количество погребений в урнах отмечается также в раннем горизонте могильника Неданово, но на начальной фазе использования тут доминирует все же другой обряд – ямные «чистые»[9] погребения (рис. 6А). В развитом позднеримском периоде урновые погребения в «чистых» ямах здесь, как и в Брест-Тришине, не выступают. В Цецелях урновые «чистые» погребения являются единственной формой кремации, использование которой подтверждено на фазе B2/C1 – C1a (рис. 6Б). Но складывается впечатление, что эта форма погребений, хотя и выступает на значительном отрезке использования этого могильника, никогда не получала в Цецелях широкого распространения.

Традиция помещения урн в ямы с зольно-угольным заполнением в Брест-Тришине распространена шире (14 погребений), чем форма урновых «чистых» погребений, и демонстрирует тенденцию к более длительному использованию. Это наблюдение может оказаться тем вернее, что близкие тенденции проявляются и на рассматриваемых нами могильниках «цецельского» типа в целом. Так, из числа 53-х погребений, исследованных в Надколе (рис. 6В), только 4 были выполнены в урнах (в т.ч. – 2 в урнах из органических материалов), причем все они были помещены в ямы с зольно-угольным заполнением. Погребение 23 указывает на то, что эта форма урновых погребений в Надколе (как и в Брест-Тришине), применялась до наиболее позднего этапа функционирования могильника. В Неданово (рис. 6А) урновые погребения с «зольно-угольными» ямами в незначительном числе появляются еще на фазах B2b – C1a, но на протяжении развитого позднеримского периода эта форма кремаций постепенно выходит из употребления. В Цецелях (рис. 6Б) традиция урновых погребений с «зольно-угольным» заполнения ям представлена очень слабо, и использование этой формы урновых кремаций подтверждено лишь в горизонте развитого и позднего этапов позднеримского периода (в то время, когда на могильнике в Неданове эту форму погребений, вероятно, уже не использовали).

[9] Определения «чистое» заполнение следует понимать условно. Строго говоря, ямы с погребениями остатков кремаций, в большей или меньшей мере, содержат зольно-угольные включения всегда – хотя бы в исчезающе-малом количестве, всего в несколько угольков. И построение оппозиции «чистая» яма – яма «с зольно-угольным заполнением» может достигаться только условно. Под понятием ям с зольно-угольным заполнением предлагаю понимать те объекты, в которых включения остатков костров превышают ⅓ от общего объёма их заполнения. На мой взгляд, более-менее с этой доли участия зольно-угольных включений можно с говорить о неслучайном характере их примеси.

Соотношения разных форм ямных погребений по обряду кремации, которые демонстрирует брест-тришинский могильник, как и урновые, также имеют свою логику развития во времени. На раннем этапе кремации в ямах с зольно-угольным заполнением, уступая урновым «чистым», применяются наравне с «чистой» формой ямных кремаций. На финальной же фазе могильника ямные погребения с остатками костров определенно являются наиболее распространенной формой.

Подобную картину дают и другие могильники «цецельской» группы.

В Надколе 35 из 49 ямных погребений выполнены в ямах с зольно-угольным заполнением. Датированные комплексы этого могильника несут картину развития форм обряда ямных кремаций, в целом сходную с Брест-Тришином (рис. 6В). В развитом позднеримском периоде число ямных погребений с «чистым» заполнением сокращается, и доминирующей формой здесь также становятся кремации с «зольно-угольными» ямами.

Сходные тенденции в эволюции ямных форм погребений с кремациями можно проследить в погребальном обряде более северных и крупных могильников «цецельского» типа. В наиболее раннем горизонте вельбарского могильника в Неданове – на фазах B2b – B2/C1, среди ямных погребений доминируют «чистые» (рис. 6А). В развитом позднеримском периоде, как и на всех рассматриваемых нами могильниках «цецельского» типа, здесь наиболее распространенной становится другая форма ямных кремаций – с «зольно-угольными» ямами. Но со временем ямные «чистые» погребения используются всё чаще, и, наконец, на поздней стадии могильника Неданово – в фазах C2 и C3/D, они вновь становятся доминирующей формой погребения. Причем на позднем этапе позднеримского времени и в начале периода Великого переселения народов безурновые погребения являются здесь единственной формой, использование которой подтверждено датированными комплексами.

В Цецелях на протяжении развитого и в начале позднего этапа позднеримского периода также явно возрастает частота использования обряда кремации с помещением праха в ямы с зольно-угольными включениями (рис. 6Б). Но на фазах C2, C3 – C3/D, когда ряд менее крупных могильников, таких как Надколе, Сарнаки или Брест-Тришин, уже прекращает свое функционирование, погребальный обряд могильника Цецели, пережив период максимальной унификации, вновь становится более разнообразным: с одной стороны, несколько шире используется обряд захоронения в урнах, с другой – частота использования ямных «зольно-угольных» кремаций постепенно падает, и наибольшее распространение приобретает форма ямных «чистых» кремаций.

Подводя итог нашего короткого сравнительного анализа погребального обряда могильника в Брест-Тришине с другими памятниками «цецельского» типа, можно сформулировать следующие выводы:

1. Направление развития погребальной обрядности могильника в Брест-Тришине отвечает основным тенденциям, которые свойственны рассмотренным памятникам «цецельского» типа в целом.

2. Состав и частота использования разных форм погребального обряда этих памятников, особенно на ранних этапах функционирования, вероятно, связаны с целым рядом «собственных» характеристик могильников: географией размещения, хронологией, статусом каждого из них. В развитом позднеримском периоде различия в соотношениях разных форм погребального обряда у населения, оставившего эти памятники, в значительной степени нивелируется, и господствующей становится наиболее простая форма кремаций – ямная, в «зольно-угольных» ямах.

3. Обычай широкого использования урновых, особенно – урновых «чистых» погребений, так ярко выделяющий брест-тришинский могильник среди других

могильников зон E и F, в тенденции, связан с их хронологией – он достаточно четко коррелируется с памятниками, возникшими на наиболее раннем этапе заселения зоны E. Вместе с тем, на фоне сравнения погребальной обрядности могильников в Неданове и Брест-Тришине, особенность территориального распространения обряда «чистых» урновых погребений не может объясняться как явление исключительного хронологического порядка.

4. Уменьшение доли участия «чистых» урновых погребений в погребальной обрядности населения вельбарской культуры в зоны E, вероятно, происходило в общем направлении с севера на юг. Это может рассматриваться и как следствие уменьшения доли участия в новых миграционных потоках групп переселенцев, наиболее последовательно придерживавшихся традиции захоронения в урновых «чистых» погребениях у себя на родине – в Поморье; и как ослабление влияния на мигрантов погребальной обрядности все более разреженного населения пшеворской культуры[10], и как следствие интегрирующих факторов, которые, по мере развертывания вельбарской экспансии на правобережье Средней Вислы, постепенно нивелировали отличия в погребальной обрядности, первоначально свойственные группам колонистов, происходивших из разных зон расселения носителей вельбарской культуры на любовидской стадии ее развития. Наиболее целесообразным было бы принятие к сведению всех трех этих возможностей.

5. Главным же фактором, определявшим генеральное направление трансформации погребального обряда у населения вельбарской культуры, оставившего в зоне E могильники «цецельского» типа, являлась общая тенденция к упрощению форм обряда кремаций. На развитом этапе позднеримского периода у этой части «готов» средней Вислы доминирующей становится ямная форма обряда трупосожжения. Причем на фазах C1b – C2 (на которые приходится заключительный отрезок использования могильника в Брест-Тришине), наиболее выразительно проступает тенденция к упрощению элементов обряда «ямных» кремаций. Это выразилось, с одной стороны, в широком распространении «зольно-угольной» их формы, а с другой – в общем обеднении инвентаря этих погребений.

Тенденция к упрощению форм погребальной обрядности у «простого» населения охватила в развитом и позднем позднеримском периоде значительные просторы Центральной Европы. Так, носители пшеворской и любошицкой культур, начиная с фазы C2, все шире используют т.н. «ровиковые» и «послойные» погребения добродзеньского типа. Эти формы кремаций вообще не предусматривали создания индивидуального пространства для покойников – остатки сожжений сгребались в ровики, вырытые вокруг погребальных костров, или просто рассыпались на поверхности (Godłowski, 1981, s. 112, 117; Domański, 1981, s. 269–271). С фазы C2 подобная форма погребений начинает использоваться и на памятниках масломенчской группы, возможно также – на некоторых могильниках черняховской культуры (Kokowski, 1992, s. 218–222).

В этом контексте, общем для всего Центральноевропейского Барбарикума, ямная, упрощенная и потенциально связанная с более бедным и однообразным инвентарем форма погребений населения вельбарской культуры на цецельской стадии ее развития не должна, тем не менее, жестко увязываться с тенденцией к

[10] В раннеримском периоде, особенно на фазе B2, населением пшеворской культуры урновый обряд использовался шире, чем в вельбарской культуре, и на территории Мазовии и Подляшья урновый обряд у носителей последней, как и доминирование здесь обряда кремации, может увязываться с проявлением субстратной для этой зоны погребальной обрядности их предшественников (см.: Dąbrowska, 1981a, s. 55; Niewęgłowski, 1981, s. 58; Andrzejowski, 1989, s. 119; Andrzejowski, Żórawska, 2002, s. 53).

сравнительному «обеднению» основной массы населения. Кажется вероятным, что одним из факторов, вызвавшим эти изменения, мог явиться и частичный перенос элементов погребальной обрядности в сферу ритуальных действий, не оставляющей следов, доступных для изучения методами полевой археологии. Вероятно, создание условий для личного «благополучия» покойника на том свете уже не требует обязательного и, по возможности, наиболее полного снабжения праха умершего вещами индивидуального пользования. Формируется представление о возможности достигнуть этой цели другим способом. Возможно, погребение покойника перестает быть делом исключительно его родственников и близких и осуществляется при содействии институтов социального плана, складывавшихся по мере более жесткого структурирования и централизации культов, а также некоторой модернизации системы верований (см.: Czarnecka, 1990, s. 92–93; 2004, s. 104). Кажется вероятным, что именно это явление шло параллельно с укреплением статуса местных надродовых элит (ср.: Kokowski, 2004, s. 240).

С группой населения Мазовии, Подляшья и Белорусского Побужья, оставившей могильники «цецельского» типа, связаны монументальные курганы с мощными каменно-земляными насыпями, диаметр которых достигает шестидесяти метров. Такие насыпи часто образуют отдельные, привилегированные могильники (Jaskanis, 1976; Rusin, 1998), которые свидетельствуют о прочности положения местных элит, косвенно же – о той силе, которая вела к сплачиванию вокруг них групп переселенцев из разных частей ареала вельбарской культуры. На развитом и позднем этапах позднеримского периода обряд ингумации у населения, оставившего могильники «цецельского» типа, практически не используется, в том числе, вероятно, и в элитарных погребениях, совершенных в курганах ростольского типа (Jaskanis, 1976, s. 244).

В контексте рассмотренных выше могильников «цецельского» типа с территории Мазовии и Подляшья, могильник Брест-Тришин имеет ряд ярких особенностей, вероятно, обусловленных не только хронологией, но также статусом и особенностями этнического состава популяции, его использовавшей. Как отмечалось выше, брест-тришинский могильник оставлен группой вельбарских переселенцев, одной из первых обосновавшихся на территории Побужья. Он использовался относительно незначительной группой людей, скорее всего несколькими семьями, которые могли жить на 2–3-х усадьбах. Численность людей, образовывавших эту популяцию (из расчета порядка 150 погребений), в каждом из поколений могла составлять 30–40 человек. На основании анализа размещения на могильнике захоронений, выполненных с участием разных элементов погребального обряда, и последующей их увязки со специфичными чертами погребальной обрядности, использовавшейся разными группами населения, образовывавшими вельбарскую культуру на ее любовидской фазе, можно сделать ряд предположений, касающихся исходной зоны проживания брест-тришинской популяции «готов», а также особенностей ее этнического состава.

В исследованной части могильника Брест-Тришин достаточно выразительно выделяется группа захоронений, расположенных в северо-западной части раскопа 1961–1965 гг. (рис. 4). Она характеризуется тем, что: 1 – демонстрирует большую плотность размещения погребений; 2 – образована за, одним исключением, «чистыми» погребениями – как ямными, так и урновыми, причем вне этой группы выступает только 5 погребений с ямами без зольно-угольных включений (№ 34, 40, 44, 45, 50); 3 – образована погребениями преимущественно раннего горизонта (фазы B2/C1 и B2/C1 – C1a), хотя здесь присутствует и погребение 17, датированное фазой C1a и погребение 20, относящееся к финальной фазе могильника. Складывается

впечатление, что эта часть могильника использовалась группой, которая придерживалась формы погребального обряда, достаточно выразительно отличающейся от той, которую демонстрирует основная масса соседних, в том числе синхронные им, погребений. Антропологические определения позволяют полагать, что группа, которая «резервировала» за собой эту площадь, включала погребения людей всех возрастов и полов (быть может – в меньшей мере погребения взрослых мужчин). Таким образом, кажется вероятным, что она могла иметь семейно-родовой характер (ср.: Czarnecka, 1990, s. 87, 114; 2005, s. 104–105; Kokowski, 2004, s. 232). Для удобства назовем эту группу, так ярко выделяющуюся в составе исследованной части брест-тришинского могильника, группой «α».

На ближней периферии группы погребений «α» разместились захоронения, в которых выступает керамика пшеворской культуры (погребения 17, 28, 44). Причем ни обряд, ни состав инвентаря двух из них – № 44 (фаза B2/C1) и 17 (подфаза C1a), не противоречили бы определению их и как погребений собственно пшеворской культуры. Оба захоронения выполнены в урнах, ямы имеют «чистое» заполнение, а эта форма кремаций была широко распространена у населения пшеворской культуры на фазе B2/C1, и особенно – в подфазе C1a (Godłowski, 1981, s. 110). В их инвентаре выступают гребенчатые фибулы A-96 и подвязная арбалетовидная фибула A-161 варианта Ковалевко (рис. 1/Б:1, 14, 32; рис. 2/Г:1, 9, 10), которые также были достаточно широко распространены в материалах пшеворской культуры (Godłowski, 1981, s. 96, tabl. XVI:4, XVII:3). В погребении же 28 (фаза B2/C1 – C1a), в яме с зольно-угольным заполнением, вместе с горшком пшеворской культуры (рис. 1/В:28) выступают вещи типично вельбарские – горшок W-ID и витая биконическая бусина (рис. 1/В:7). На большем отдалении, но также у границ группы погребений «α», исследован еще целый ряд захоронений, особенности обряда которых могут указывать на проявления погребальных традиций пшеворской культуры. В отношении могильников вельбарской культуры зон E и F к таковым относят обычай помещать в погребения сосуды-приставки, целиком подвергшиеся вторичному обжигу (Jaskanis, 1981, s. 181; Andrzejowski, 1989, s. 118–119; 2001b, s. 112). Такие ошлакованные, деформированные, часто фрагментированные сосуды (от двух до четырех штук) выступают в погребениях 8, 30, 49, 56 (Кухаренко, 1980, таб. VIII/8: б, в, г, XII/30:а, XVII/49:ж, и, XVII/56:а, XXI:8; XXIV:8; XXVI:30, 49, 56). Примечательно, что абсолютное большинство погребений брест-тришинского могильника, содержащих посуду пшеворской культуры, принадлежит к раннему его горизонту – датируются фазами B2/C1 – C1a (№ 17, 28, 44, 55), в то время, как в большинстве случаев, когда пшеворская керамика отмечается в комплексах вельбарской культуры зоны E, такие погребения относятся к развитому позднеримскому периоду и выступают на памятниках в близи течения Вислы (Wołągiewicz, 1993, s. lista 20C, mapa 38) – то есть, на пограничье с ареалом пшеворской культурой, установившемся в позднеримском периоде.

Еще одна особенность обряда кремации на могильнике в Брест-Тришине. В погребениях № 4, 11, 33, 34, 35, 36, 41, 45, в которых выступает от одного до шести сосудов, отдельные участки поверхности сосудов несут следы легкого вторичного обжига. В настоящее время для погребальной практики ряда вельбарских могильников среднего течения Вислы реконструируется обычай, согласно которому посуда помещалась в погребенные ямы, заполненные горячими углями. Его генезис остается невыясненным (Andrzejowski, Źórawska, 2002, s. 53). Возможно, в отмеченных погребениях брест-тришинского могильника мы также сталкиваемся с проявлением этого обычая. Поскольку в ходе раскопок на наличие или отсутствие следов термического воздействия на стенках погребальных ям внимания не

обращалось, утверждать это невозможно. Но в случае погребений 4, 11 и 34, где погребения были выполнены в ямах с «чистым» заполнением, участки поверхностей сосудов, найденных в них, определенно были обожжены перед помещением в ямы (Кухаренко, 1980, с. 13)[11]. Возможно, в этой связи стоит обратить внимание на информацию В. Землиньской-Одоевой о наличии подобных следов «частичного» вторичного обжига на сосудах в ряде погребений пшеворской культуры могильника в Неданове. По ее мнению, до помещения в могильные ямы часть погребальной посуды находилась в непосредственной близости погребальных костров (Ziemlińska-Odojowa, 1999, s. 126). При отсутствии широких обобщающих работ по погребальной обрядности вельбарской культуры тяжело сказать, в какой мере отмеченная деталь погребального обряда была распространена у населения последней. Но она отмечается на некоторых могильниках северной Куявии (Skorupka 2001, s. 220). Исходя из наличных данных можно предположить, что элемент погребальной обрядности, который находит отражение в частичном вторичном обжиге сосудов перед помещением его в погребальные ямы, мог возникнуть в раннеримском периоде на пограничье пшеворской и вельбарской культур.

Итак, в планиграфии изученной части брест-тришинского могильника выделяется 2 группы погребений: группа «α», образованная «чистыми» ямными и урновыми погребениями, в которых выступает не более двух сосудов, причем отсутствуют вторично обожженные сосуды-приставки – группа, обряд которой в наибольшей мере отвечает «классическим» канонам погребальной обрядности населения вельбарской культуры (Wołągiewicz, 1981, s. 138); а также более аморфная, периферийная по отношению первой, группа погребений, в чертах погребального обряда которой с большей или меньшей долей вероятности можно усматривать проявления традиций населения пшеворской культуры.

В группе «α» присутствует ряд захоронений, несущих архаичные и очень редкие для погребений вельбарской культуры на цецельской фазе ее развития черты, такие как: 1 – обычай прикрывать урну или кальцинированные кости перевернутым вверх дном сосудом (погребения 1, 7); 2 – обычай помещать внутрь урны, поверх костей, сосуды меньших размеров (погребения 6, 22). В этих случаях можно предположить, что мы имеем дело с «латентным» проявлением погребальных традиций оксывской культуры (Niewęgłowski, 1981, s. 53). Предположение кажется тем более правдоподобным, что на тоже направление связей указывает и характер погребальной обрядности брест-тришинского могильника в целом. А именно: в рамках вельбарской культуры на раннеримской, любовидской фазе ее развития, могильники с резким преобладанием обряда кремации, или даже целиком образованные трупосожжениями, концентрируются в низовьях Вислы – в правобережной части зоны А и, в меньшей мере, северной части зоны С. Здесь же выступают могильники, на которых урновые погребения с кремациями доминировали или использовались наравне с ямной формой трупосожжений (Kokowski, 1995, s. 59, rys. 81, 83; Kokowski, 1997, s. 745, abb. 64, 65). Ядро памятников зоны А образуют могильники, беспрерывно использовавшиеся начиная с фаз A1 – A2 позднего предримского периода носителями оксывской, а позднее вельбарской культуры. Вероятнее всего, они являются реликтом местного населения, в раннеримское время адаптировавшегося к культурной модели, привнесенной «гутонами» – переселенцами со Скандинавии (Wołągiewicz, 1981a, s. 83; 1986, s. 70–71; Godłowski, 1986, s.

[11] В публикации материалов могильника Ю.В. Кухаренко упоминает о наличии следов вторичного обжига лишь на сосудах из погребения 34 (Кухаренко, 1980, с. 13), но такие же следы термического воздействия наблюдаются на ручке кружки W-XV из погребения 4, и части поверхности горошка W-I min. из погребения 11 (Кухаренко, 1980, таб. VI:4а; таб. VII:11г).

137, 140; Okulicz-Kozaryn, 1992, s. 138). Таким образом, ряд характерных черт погребального обряда группы погребений «α» (широкое распространение обряда урновых, особенно урновых «чистых» кремаций, и ряд отмеченных выше, архаичных его черт, вероятно связанных с проявлением «староксывских» погребальных традиций) позволяет предположить, что часть вельбарских колонистов, основавших поселение в Брест-Тришине, могла быть генетически связанной с населением зоны А, и прежде всего – Хелминской земли.

Этот вывод может отчасти опереться и на вещевой материал из погребений брест-тришинского могильника. Детали костюма в этом смысле не слишком информативны, поскольку степень унификации материальной культуры населения вельбарской культуры финала любовидской фазы была очень высока (Tempelmann-Mączyńska, 1989, s. 71). Но указание на исходную точку миграции этой части переселенцев, осевших в Брест-Тришине, можно усматривать в некоторых особенностях керамического комплекса этого памятника. Так, на любовидской фазе с зоной А в правобережье дельты Вислы определенно связаны вазочки типа W-XVIb (Wołągiewicz, 1993, s. 18, 31, mapa 18), выступающие в погребениях 10 и 45 могильника в Брест-Тришине (Кухаренко, 1980, таб. VIII:10б, XVI:45/в). Можно отметить также некоторые редкие аналогии среди форм посуды, которые дают в целом сходную картину: миска из погребения 31 – типа W-VIa, с парными ушками (рис. 1/Б:28), и миска типа W-VIb из погребения 33, с одним ушком (Кухаренко, 1980, таб. XIII:33/е) находят полные аналогии лишь на двух могильниках в правобережье Нижней Вислы – в Руже и Пешхалах (Wołągiewicz, 1993, s. 14–15). Эти наблюдения, касающиеся набора форм посуды, неплохо согласуются с особенностями погребального обряда памятника и подкрепляют предположение о связи брест-тришинской популяции или какой-то ее части с правобережной частью зоны А.

Население Хелминской земли и зоны А в целом проявило интерес к продвижению в юго-восточном направлении еще в раннеримском периоде. Вероятно, выходцами преимущественно из этой зоны на протяжении фазы В2 были колонизированы земли Илавского и Ольштынского поозерья, образовавшие в рамках вельбарской культуры любовидской фазы новую поселенческую зону – D (Wołągiewicz, 1986a, s. 70). Оксывское население низовьев Вислы, а позднее носители вельбарской культуры зон А и D (отчасти являвшиеся потомками оксывцев), еще с позднего предримского периода оказывали все возрастающее влияние на население пшеворской культуры, заселявшее север Мазовии. Со временем эти все более интенсивные культурные влияния охватили значительную часть населения правобережья средней Вислы, что привело к образованию особого, восточного варианта пшеворской культуры (Andrzejowski, 2001a; 2001b, s. 104–105; см.: Wołągiewicz, 1981, s. 155; Dąbrowska, 1981b, s. 121–125; Jaskanis, 1981, s. 179–180). В свое время К. Годловский подчеркивал вероятную связь таких явлений, как прекращение функционирования в зоне А в конце фазы В2 могильников с абсолютным доминированием погребального обряда кремации, и закладкой погребальных памятников аналогичного типа на новоосвоенных территориях Мазовии и Подляшья, где такие могильники являются наиболее ранними (Godłowski, 1982, s. 54; 1986, s. 140–141; также: Kokowski, 1995, s. 59). Освоение территории Мазовии и Подляшья населением вельбарской культуры происходило перманентно на протяжении фаз В2b – В2/С1 и шло параллельно с «вельбаризацией» той части носителей пшеворской культуры, которая не покинула своих земель (ср.: Godłowski 1982, s. 55; 1986a, s. 146; Andrzejowski 1989, s. 118–121; 2001a, s. 83). Проникновение небольших групп «пионеров», подобных той, что основала могильник в Брест-Тришине, предвосхитило начало массовой миграции вельбарских переселенцев в правобережье Средней Вислы. Эти потоки переселенцев

направились преимущественно из более отдаленных зон Поморья – прежде всего зон B и C, в результате чего на протяжении фазы C1 левобережье Верхней Вислы, часть западного Поморья и Северная Малопольша почти полностью запустевают (Wołągiewicz 1986a, s. 70–71; Machajewski, 2005, s. 187, 189–190).

Обобщая анализ тех черт погребальной обрядности, которые могут характеризовать условия и специфику формирования группы переселенцев, основавшей в низовьях Мухавца брест-тришинское поселение, можно сделать следующие выводы:

1. Часть популяции, использовавшей могильник в Брест-Тришине (представленная прежде всего погребениями группы «α»), вероятнее всего, образовали выходцы из зоны A (правобережной ее части, или уже – Хелминской земли), или генетически связанная с ней семейно-родовая группа, проживавшая до начала своей миграции в зоне D.

2. Анализ погребальной обрядности, использовавшейся на могильнике в Брест-Тришине, согласуется с выводами о ранней для территории правобережья Средней Вислы, дате начала функционирования этого памятника, сделанными на основании вещевого материала. Материалы могильника свидетельствуют о том, что переселенцы должны были столкнуться в Брестском Побужье с носителями пшеворской культуры, и в какой-то степени отражают этап «вельбаризации» последних.

3. Некоторые особенности погребальной обрядности могильника Брест-Тришин указывают на то, что в ходе миграции, или уже на месте, в Брестском Побужье, часть этих переселенцев адаптировала отдельные черты материальной и духовной культуры населения пшеворской культуры. Не исключено также, что брест-тришинская популяция «готов» приняла в свой состав часть инокультурного, местного населения – «вандалов».

4. Хронология и особенности погребального обряда могильника в Брест-Тришине поддерживают концепцию В. Бирбрауэра и исследователей «варшавской» школы о том, что колонизационные движения населения вельбарской культуры на пути их продвижения к Причерноморью, в правобережье Средней Вислы происходили не только в виде последовательной, постепенной, «ползучей» миграции, но и путем глубоких проникновений в глубь Побужья отдельных, относительно немногочисленных групп «первопроходцев». Продвигаясь по окраинным территориям, уже частично покинутым населением пшеворской культуры, они подготовили условия для развертывания экспансии основных масс вельбарских колонистов (Wołągiewicz, 1981, s. 155; Andrzejowski, 1989, s. 119–120; 1995, s. 43; 2001a, s. 83; 2001b, s. 107–110; Kokowski, 1995, s. 61).

К началу развитого позднеримского периода сеть поселений вельбарской культуры на территории Мазовии, Подляшья и Белорусского Побужья стабилизировалась. Их основали выходцы из разных регионов расселения носителей вельбарской культуры (гетерогенной по своему составу), принесшие на новые территории собственные, характерные для каждой из них черты духовной и материальной культуры. Со временем вокруг наиболее активных и влиятельных групп колонистов формировались новые территориально-родовые группировки. Но в развитом позднеримском периоде ни одна из них не получила окончательного доминирования. В отношении Белорусского Побужья это особенно ярко проступает в сравнении материальной культуры и особенностей погребального обряда могильников в Брест-Тришине и Петровичах (см.: Белявец, 2006). Группы поселенцев, оставившие эти памятники, живя по берегам одной реки на расстоянии менее 20 км. (в 3–4 часах сплава по воде), никогда не теряли свойственных им первоначально отличий. Упорная приверженность собственным традициям, этот родовой консерватизм, был возможен лишь при условии сохранения ими тесных контактов с наиболее

родственными, или «дружественными» семейно-клановыми группами «готов», расселившихся на просторах Мазовии, Подляшья, Волыни и Люблинщины.

«Цецельская группировка», к которой тяготела группа колонистов, оставившая могильник в Брест-Тришине, по всей видимости, доминировала на большей части правобережной Мазовии и Подляшья. Но в течение развитого позднеримского периода целый ряд связанных с ней небольших поселений, таких как брест-тришинское, были оставлены. Вероятно, это было вызвано прежде всего постепенным оттоком населения в сторону Причерноморья, где в это время происходило формирование черняховской культуры. Участие в «скифских» войнах (238–275 гг.) давало шанс молодым воинам, а плодородные земли манили «фермеров». Можно отметить и некоторые изменения внутри поселенческой структуры вельбарского населения в зоне Е. Топография памятников уже не демонстрирует тесной связи с основными транспортными артериями, объединявшими культуры «готского» круга – Вислой и Западным Бугом. Наиболее поздние памятники правобережной Мазовии и Подляшья, на фазах С3 и С3/D, несколько «смещаются» в сторону низовий З. Буга и вверх по его правым притокам (см.: Godłowski, 1986, karte 5; Andrzejowski, 2001, rус. 13; Kokowski, 1997, abb. 54; 1999, abb. 7, 8). Это может объясняться как тенденцией к возрастающей централизации и «самодостаточности» населения зоны Е, так и ростом напряженности в их отношениях с населением пшеворской культуры, жившим в левобережье Вислы. Аналогичным образом на развитом, а особенно позднем этапе позднеримского периода, по другую сторону Вислы редеет и сеть памятников пшеворской культуры, образуя обширную слабозаселенную зону (Godłowski, 1986a, s. 138; 1986b, s. 418–419; см.: Wołągiewicz, 1986b, s. 429). Можно также отметить, что на протяжении позднеримского периода, и особенно на финальной его фазе, все более выразительно проявляются влияния вельбарской культуры на население западнобалтийского круга (Nowakowski, 1989, s. 151–156; 1995, s. 20, 22; Bittner-Wróblewska, 1989, s. 165–174; 2000, s. 155; 2005, s. 38–40; Prochowicz, 2005, s. 74–76).

С вторжением гуннов, разрушившим протогосударственные образования готов в Северном Причерноморье, связи внутри культур «готского» круга были окончательно разорваны. В конце IV – начале V вв. жизнь на памятниках вельбарской культуры в среднем течении Вислы прекращается. Трудно сказать, где к тому времени оказались потомки вельбарских «первопоселенцев», оставивших могильник в Брест-Тришине. Вероятнее всего, земли Побужья на какое-то время запустевают, и вновь осваиваются лишь в VI веке с приходом носителей пражской культуры – исторических славян (Вяргей, 1999б, с. 334; Parczewski, 2004, s. 268).

Литература

1. **Бажан, И.А., Гей, О.А.** Хронология и эволюция погребального обряда могильника Брест-Тришин // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. T. II. Lublin, 1989. С. 183–193.

2. **Белявец, В.** Вынікі даследаванняў 2000 г. на грунтовым могільніку вельбарскай культуры каля в. Пятровічы (урочышча Белая Гара) // ГАЗ. № 17. 2002а. С. 73–83.

3. **Белявец, В.** Даследаванні 2000 г. на грунтовым могільніку вельбарской культуры ў Пятровічах // Badania archeologiczne w Polsce Północno-Wshodniej i na Zachodniej Białorusi w latach 2000–2001. Białystok, 2002б. С. 241–252.

4. **Белявец, В.** Беларускае Заходняе Палессе ў перыяд правінцыйнарымскіх уплываў – стан і перспектывы даследаванняў // Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski. Warszawa, 2004. С. 227–265.

5. **Белявец, В.** Папярэднія вынікі вывучэння грунтовага могільніка вельбарскай культуры Пятровічы (Белая Гара) // ГАЗ. № 21. 2006. С. 79–101.

6. **Белявец, В., Вяргей, В.** Гарызонт перыяду рымскіх уплываў паселішча Курадава-І каля Пінска // ГАЗ. № 20. 2005.

7. **Бобринский, А.А.** Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М., 1978.

8. **Вяргей, В.С.** Помнікі вельбарскай культуры // Археалогія Беларусі. Т. 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мн., 1999а. С. 298–316.

9. **Вяргей, В.С.** Помнікі тыпу Прагі-Карчак і Лукі-Райкавецкай // Археалогія Беларусі. Т. 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мн., 1999б. С. 317–348.

10. **Гей, О.А., Бажан, И.А.** Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.

11. **Каспарова, К.В.** Соотношение вельбарской и зарубинецкой культур в припятском Полесье // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim, T. II. Lublin, 1989. С. 263–282.

12. **Козак Д.Н.** Пшеворская культура // Археология СССР. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тыс. н.э. М., 1993. С. 53–66.

13. **Кухаренко, Ю.В.** Памятники железного века на территории Полесья / САИ. Вып. Д1–29. М., 1961.

14. **Кухаренко, Ю.В.** Могильник Брест-Тришин. М., 1980.

15. **Олендзки, М.** Вельбарская и пшеворская культуры на рубеже раннего и позднего римского периодов. Динамика поселенческо-культурных изменений в хронологическом освещении // ГАЗ. № 17. 2002. С. 84–95.

16. **Поболь, Л.Д.** Древности Белоруссии в музеях Польши. Мн., 1979.

17. **Поболь, Л.Д.** Археологические памятники Белоруссии. Мн., 1983.

18. **Русанова, И.П.** Вельбарская культура // Археология СССР. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. М., 1993. С. 183–191.

19. **Черных, Е.Н., Хаферте, Д.Б., Барцева, Т.Б.** Металлургические группы цветного металла I тыс. н.э. из Прибалтики // КСИИМК. Вып. 119. 1970. С. 109–120.

20. **Almgren, O.** Studien über nordeuropäischen Fibelformen der ersten nachhristischen Jarhunderte mit Berücksichtigung der prowinzialrömischen und südrussischen Formen. Leipzig, 1923.

21. **Andrzejowski, J.** Zagadnienie kontynuacji cmentarzysk we wshodniej strefie kultury przeworskiej // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim, T. I. Lublin, 1989. S. 103–125.

22. **Andrzejowski, J.** Ciekawe materyały z okresu rzymskiego znalezione w Czuprynowie w woj. Białostockim // NVNC DE SVEBIS DICENDVM EST. Studia dedukowane profesorowi Jerzemu Kolendo w 60-lecie urodzin i 40-lecie pracy naukowej. Warszawa, 1995. S. 35–46.

23. **Andrzejowski, J.** Wschodnia strefa kultury przeworskiej – próba defenicij // WA. T. LIV. 2001a. S. 59–87.

24. **Andrzejowski, J.** Przemiany osadnicze i kulturowe na wschodnim Mazowszu i południowym Podlasiu u schyłku starożytności // Najstarsze dzieje Podlasia w świetle źródeł archeologicznych. Siedlce, 2001b. S. 96–136.

25. **Andrzejowski, J.** Доклад «Pod wodzą Filimera, czyli osadnicy wielbarscy na Mazowszu i Podlasiu». На симпозиуме «Stan dyskusji na temat kultury wielbarskiej». Gdańsk, 24–26.XI.2004, 2004.

26. **Andrzejowski, J.** Wykaz stanowisk z okresu rzymskiego // Zabytki z okresu wpływów rzymskich, średniowiecza i czasów nowożytnych z Białorusi w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie. Warszawa, 2005. S. 17–31.

27. **Andrzejowski J., Żórawska, A.** Cmentarzysko kultury wielbarskiej na stan. 1 w Nadkolu, woj. Mazowieckie // VARIA BARBARICA. Monumenta Archaeologica Barbarica, Series Genima, Tomus I. Warszawa – Lublin, 2002. S. 29–80.

28. **Bemmann, J.** Anmerkungen zu einigen Fibeln mit umgeschlagenem Fus (Almgren Gruppe VI, Serie 1) // 100 Jahre Fiebelformen nach Oskar Almgren. Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg 5. Wünsdorf, 1998. S. 255–262.

29. **Bitner-Wróblewska, A.** Elementy bałtyckie w kulturze wielbarskiej // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. Lublin, 1989. S. 161–177.

30. B**itner-Wróblewska, A.** Early Migration Period in the Mazurian Lakeland – Phantom or Reality? // Die spätrömische Keiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Łódź, 2000. S. 153–167.

31. **Bitner-Wróblewska, A.** Suwalscy «pacifiści». Wpływ Gotów na obrządek pogrzebowy mieszkańców Suwalszczyzny // Europa Barbarica. Ćwierć wieku arheologii w Masłomęczu. Lublin, 2005. S. 33–42.

32. **Bokiniec, E., Sosnowski, W.** Wstępne wyniki badań cmentarzyska kultury wielbarskiej w Linowie, gm. Świecie n/Osą, woj. Kujawsko-Pomorskie, stanowisko 6 // WA. T. LIV. 2001. S. 147–152.

33. **Chmielewska, A.** Grzebienie starożytne i wczesnosredniowieczne z ziem Polskich // AAL. T. 20. 1971.

34. **Czarnecka, K.** Struktura społeczna ludności kultury przeworskiej. Warszawa, 1990.

35. **Czarnecka, K.** Obrządek pogrzebowy ludności kultury przeworskiej // Wandałowie. Strażnicy bursztynowego szlaku. Lublin – Warszawa, 2004. S. 97–106.

36. **Dąbrowska, T.** Zmiany kulturowe prawobrzeżnego Mazowsza i Podlasia w okresie wpływów rzymskich // WA. T. XLV, Z. 1. 1981a. S. 45–58.

37. **Dąbrowska, T.** Kultura przeworska a kultura wielbarska // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk, 1981b. S. 117–125.

38. **Dąbrowska, T., Liana T.** Stan i problemy badań nad młodszym okresem przedrzymskim i okresem wpływów rzymskich na Mszowszu // Stan i problemy badań nad młodszym okresem przedrzymskim i okresem wpływów rzymskich w Polsce. Kraków, 1986. S. 147–166.

39. **Domański, G.** Kultura luboszycka // Prachistoria ziem polskich. T. 5. Późny okres lateński i okres rzymski. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1981. S. 263–271.

40. **Godłowski, K.** The chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe // Zeszyty naukowe Uniwersitetu Jagiellońskiego. Prace Archeologiczne. Z. 11. Kraków, 1970.

41. **Godłowski, K.** Chronołogia okresu późnorzymskiego i wczesnego okresu wędrówek ludów w Polsce Północno-Wschodniej // Rocznik Białostocki. T. XII. Białystok, 1974. S. 9–109.

42. **Godłowski, K.** Kultura przeworska // Prachistoria ziem polskich. T. 5. Późny okres lateński i okres rzymski. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1981. S. 57–135.

43. **Godłowski, K.** Północni barbarzyńcy i wojny markomańskie w świetle archeologii // Skripta Archaeologica II. Znaczenie wojen markomańskich dla państwa rzymskiego i północnego Barbaricum. Warszawa, 1982. S. 49–80.

44. **Godłowski, K.** Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i w okresie wpływów rzymskich. Wrocław, 1985.

45. **Godłowski, K.** Gegenzeitige Beziehungen zwischen der Wielbark- und der Przeworsk- Kultur, Veränderungen ihrer Verbreitung und das Problem der Gotenwanderung // Archaeologia Baltika. T. VII. Peregrinatio Gothika. Łódź, 1986a. S. 125–152.

46. **Godłowski, K.** Uwagi o przemianach osadniczych w młodszym okresie przedrzymskim i okresie rzymskim w Południowej i Środkowej Polsce // Stan i problemy badań nad młodszym okresem przedrzymskim i okresem wpływów rzymskich w Polsce. Kraków, 1986b. S. 415–420.

47. **Hahuła, K.** Cmentarzysko kultury wielbarskiej w Janowie, woj. Toruńskie // WA. T. LII, Z. 2. 1991–1992. S. 141–155.

48. **Hauptmann, T.** Studien zu den Dreisprossenfibeln // Forschungen zur Archäologie im Land Branderburg. T. 5. 100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren. Wünsdorf, 1998. S. 159–173.

49. **Jaskanis, J.** Kurhany typu rostolskiego (z badań nad kulturą wshodniopomorsko-mazowiecką z poźnego okresu rzymskiego we wshodniej Polsce) // Zeszyty Uniwersitetu Jagellońskiego. Prace Arheologiczne. T. 22. Kraków, 1976. S. 215–251.

50. **Jaskanis, J.** Kultura wielbarska. Faza cecelska // Prachistoria ziem Polskich. T. 5. Późny okres lateński i okres rzymski. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1981. S. 179–182.

51. **Jaskanis, J.** Cecele. Ein Gräberfeld der Wielbark-Kultur in Ostpolen. Monumenta Archeologica Barbarica. Tomus II. Kraków, 1996.

52. **Kaczanowski, A., Madyda-Legytko, R., Nawrolska, E.** Birytualne cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich we wsi Żelęcino, woj. Szczecin (Badania 1976, 1978, 1979) // Materyały Zachodnio-Pomorskie. T. 26. Szecin, 1980. S. 61–114.

53. **Kempisty, A.** Późnorzymski cmentarz w Sarnakach, pow. Łośice // Swiatowit. T. 29. Warszawa, 1968a. S. 141–163.

54. **Kmieciński, J. (red).** Odry cmentarzysko kurhanowe z okresu rzymskiego w powiecie Chojnickim // AAL. T. 15. 1968.

55. **Kokowski, A.** Lubelszczyzna w młodszym okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim. Lublin, 1991.

56. **Kokowski, A.** Neue materialen aus odere Buggebit // Problemen relativen und absoluten Chronologie AB Laténezeit bis zum Frümittelalter. Kraków, 1992. S. 213–226.

57. **Kokowski, A.** Gródek nad Bugiem. Cmentarzysko grupy masłomęckiej. Cz. II. Lublin, 1993.

58. **Kokowski, A.** Grupa masłomęcka. Z badań nad przemianami kultury gotów w młodszym okresie rzymskim. Lublin, 1995.

59. **Kokowski, A.** Die Masłomęcz-Gruppe. Ihre Chronologie und Beziehungen innerhalb des gotischen Kulturkreis – Ein Beispil für kulturellen Wandel der Goten in Verlauf ihrer Wanderungen // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. T. 78. 1997. S. 641–833.

60. **Kokowski, A.** Die Sîntana de Mureş-Černjachow-Kultur // Römisch-Germanische Kommission. Eurasien-Abteilung. Akten des Internationalen Kolloquimus in Caputh vom 20. bis 24. Oktober 1995. Bonn, 1999. S. 179–209.

61. **Kokowski, A.** Goci między Bałtykiem a morzem Czarnym // Wandałowie. Strażnicy bursztynowego szlaku. Lublin – Warszawa, 2004. S. 225–252.

62. **Liana, T.** Chronołogia względna kultury przeworskiej we wszesnym okresie rzymskim // WA. T. XXXV. Z. 4–5. 1970. S. 429–491.

63. **Machajewski, H.** Die Fibeln der Gruppe V, serie 8, im östlichen Teil Mitteleuropas // Forschungen zur Archäologie im Land Branderburg. T. 5. 100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren. Wünsdorf, 1998. S. 187–196.

64. **Machajewski, H.** Południowo-zachodnia strefa basenu Morza Bałtyckiego u shyłku starożytności // Archeologia o początkach słowian. Kraków, 2005.

65. **Madyda-Legutko, R.** Die Gürtelschallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. BAR. International Series 360. Oxford, 1986.

66. **Müller von, A.** Formenkreise der ältesten römischen Kaiserzeit im Raum zwischen Havelsplatte und Ostsee. Berlin, 1957.

67. **Niewęgłowski, A.** Obrządek pogrzebowy ludności kultury przeworskiej na przelomie er (II wiek p.n.e. – II w.n.e.). Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk – Łódź, 1981.

68. **Nowakowski, W.** Kultura wielbarska a zachodniobałtyjski krąg kulturowy // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. Lublin, 1989. S. 143–159.

69. **Nowakowski, W.** Od Galindia do Galinditae. Z badań nad pradziejami bałtyjskiego ludu z Pojezierza Mazurskiego // Barbarikum 4. Warszawa, 1995.

70. **Okulicz-Kozaryn, J.** Centrum kulturowe z pierwszych wieków naszej ery u ujścia Wisły // Barbaricum. T. 2. Syudia z archeologii ludów barbarzyńskich z wybrzeża Bałtyku i dorzecza Wisły. Warszawa, 1992. S. 137–155.

71. **Olendzki, M.** The Upper Tisza Basin in the Roman period. Remarks on settlement and cultural changes // Das mitteleuropäischen Barbaricum und die Krise des römischen Weltreiches im 3. Jahrhundert. Spisy Archeologiczne. Ústavu AVCR Brno 12. Brno, 1999.

72. **Pietrzak, M.** Pruszcz Gdański. Fundstelle 10. Ein Gräberfeld der Oksywie- und Wielbark-Kultur in Ostpommern. Monumenta Archeologica Barbarica. T. IV. Kraków, 1997.

73. **Parczewski, M.** Uwagi o kulturze wczesnosłowiańskiej na ziemiach polskich // Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski. Warszawa, 2004. S. 265–274.

74. **Prochowicz, R.** Znalezisko dziobowatego okucia konca pasa z Przeradowa, pow. Makowski // WA. T. LVII. 2005. S. 73–79.

75. **Raddatz, K.** Der Thorberger Moorfund. Gürtelteile und Körperszhmuck // Offa-Bücher. T. 13. Neumünster, 1957.

76. **Rusin, K.** Wstępne wyniki badań dwóch kurhanów z późnego okresu rzymskiego w Grohach Starych, gm. Poświentne, woj. Białostockie // 20 lat archeologii w Masłomęczu. T. I. Lublin, 1998. S. 189–209.

77. **Schultze, E.** Demnitz – eine spätkeiserzeitliche Siedlung im östlichen Branderburg // Kultura przeworska. T. I. Lublin, 1994. S. 293–300.

78. **Skorupka, T.** Kowalewko 12. Cmentarzysko birytualne ludności kultury wielbarskiej. Archeologiczne badania ratownicze wzdłuż gazociągu tranzitowego. Tom II. Wielkopolska. Cz. 3. Poznań, 2001.

79. **Stanek, K.** Więsiory opasane odmiany wshodniej w środkowoeuropiejskim Barbaricum // COMHLAN. Studia z archeologii okresu przedrzymskiego i rzymskiego w Europie Środkowej dedukowane Teresie Dąbrowskiej w 65. rocznice urodzin. Warszawa, 1999. S. 331–367.

80. **Šarov, O.** Die frühe Phase der Černiachov-Kultur // Die spätrömische Keiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Łódź, 2000. S. 364–391.

81. **Szczukin, M. B.** Zabytki wielbarskie a kultura czerniachowska // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk, 1981. S. 135–161.

82. **Tempelmann-Mączyńska M.** Die Perlen der rõmischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszein im mitteleuropäischen Barbaricum / Römisch-Germanische Forschungen. Band 43. Mainz am Rhein, 1985.

83. **Tempelmann-Mączyńska, M.** Das Frauentrachtzubehör des mittel- und osteuroäischen Barbaricums in der römischen Keiserzeit. Kraków, 1989a.

84. **Tempelmann-Mączyńska, M.** Stroj kobiecy kultury wielbarskiej i jego powiązania z sąsiadnimi obszarami // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. T. I. Lublin, 1989b. S. 205–239.

85. **Ziemlińska-Odojowa, W.** Niedanowo. Ein Gräberfeld der Przworsk- und Wielbark-Kultur in Nordmasowien. Monumenta Archaeologica Barbarica. Tomus VII. Kraków, 1999.

86. **Wołągiewicz, R.** Kultura wielbarska – problemy interpretacji etnichnej // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk, 1981a. S. 79–106.

87. **Wołągiewicz, R.** Kultury wielbarska i oksywska // Prachistoria ziem polskich. T. 5. Późny okres lateński i okres rzymski. Wrocław – Warszawa– Kraków – Gdańsk, 1981b. S. 135–178.

88. **Wołągiewicz, R.** Die Goten im Bereich der Wielbark-Kultur // Archaeologia Baltika. T. VII. Peregrinatio Gothika. Łódź, 1986a. S. 63–98.

89. **Wołągiewicz, R.** Stan i potrzeby badań nad młodszym okresem przedrzymskim i okresem wpływów rzymskich w Polsce. Dyskusja, 1986b. S. 429.

90. **Wołągiewicz, R.** Ceramika kultury wielbarskiej między Bałtykiem a morzem Czarnym. Szczecin, 1993.

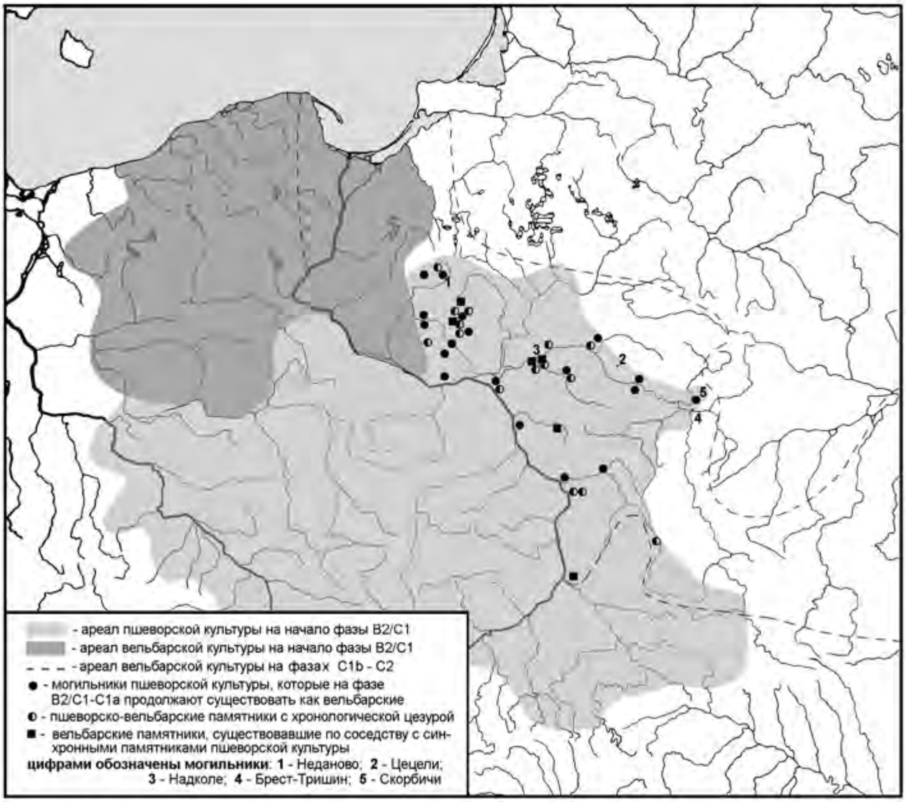
91. **Wołągiewicz, R.** Szkło w kulturze wielbarskiej // NVNC DE SVEBIS DICENDVM EST. Studia dedukowane profesorowi Jerzemu Kolendo w 60-lecie urodzin i 40-lecie pracy naukowej. Warszawa, 1995. S. 265–269.

Vadzim Bielavec

Brest-Tryshyn Cemetery: 30 Years after Finishing the Excavations

In the article the typological belonging and dating of several objects and complexes were defined more precisely on the basis of recurring handling of the collection, which today is kept in museums of Russia (Sanct-Peterburg) and Belarus (Brest). We can state that the core of the population which used the cemetery at Brest-Tryshyn was formed by emigrants from the zone of A (after Wołągiewicz (probably from Helmsk land)). A number of features of material culture and funeral ceremony indicates that they assimilated some features of Przeworsk culture either during the migration or on the spot in the region of Brest. Chronology and peculiarities of funeral ceremony of the cemetery of Brest-Tryshyn support the conception that the begining of mass migranion of Wielbark culture population towards Black Sea was prepared by the movement of not numerous groups of the «pioners».

Population which first used the cemetery of Brest-Tryshyn is close to that part of inhabitants of the central and northern areas of Mazovia and Podlasia, which followed the ceremony of cremation. Comparison of the number of significant sites of this type indicates that these groups of «goths», which lived on the territory of the middle Vistula river-basin in the middle/second half of the 3rd century, to a considerable degree standardize funeral ceremony. However, these tendencies towards unification of culture and probably centralization of the power of the most of Wielbark culture populanions were interrupted by the migration of the part of the population towards Black Sea region. The use of Brest-Tryshyn cemetery was also ceased at this time.

Карта 1. Изменения культурной ситуации в левобережье Вислы на фазах B2/C1 – C1. На основании данных Я. Анджеевского (Andrzejewski 2001b) с добавлениями

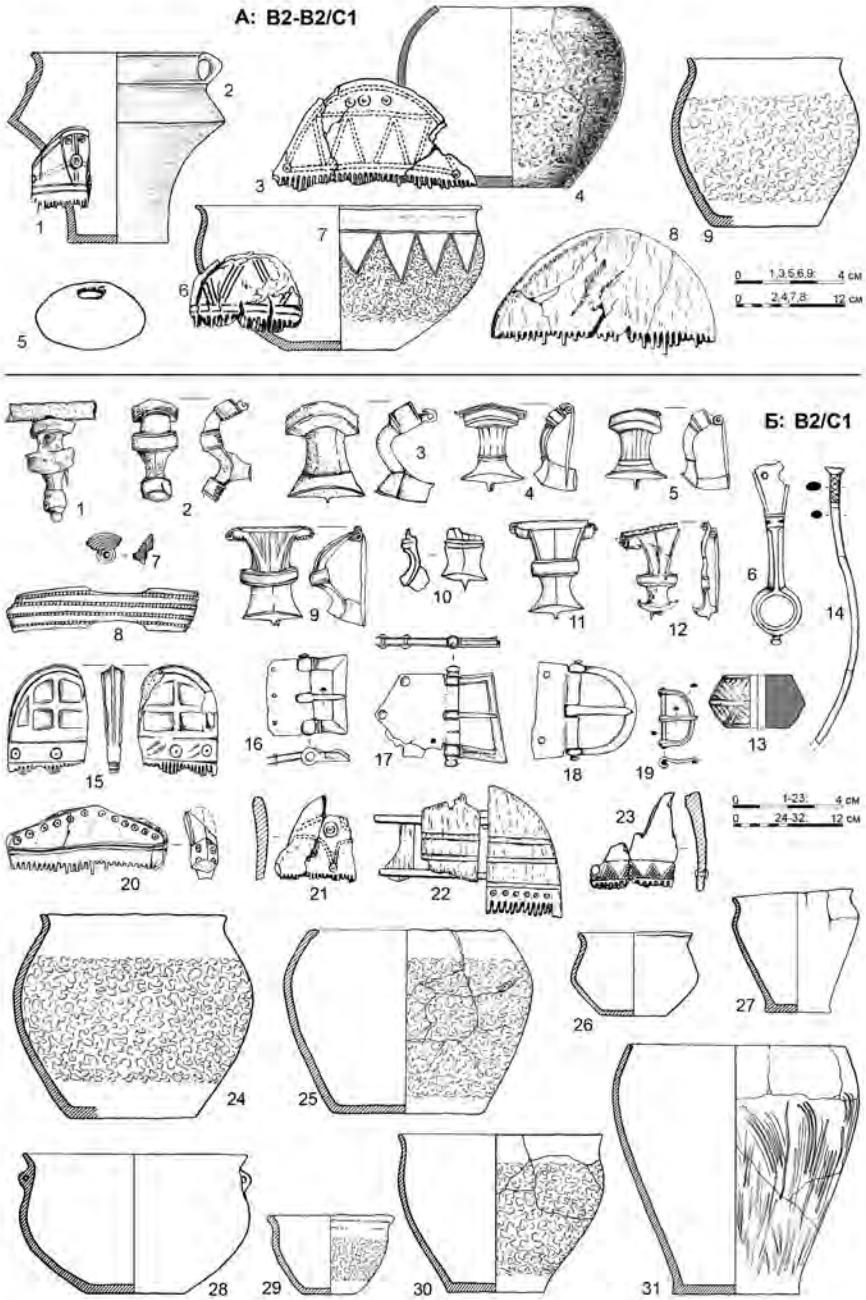

Рис. 1. Набор вещей раннего горизонта могильника Брест-Тришин.
А:1, 2 – погребение 3; 3, 4 – погребение 42; 5–8 – погребение 19; 8, 9 – погребение 16.
Б:2, 3 – находки из разрушенных погребений; 1, 14, 31 – погребение 44; 4, 28 – погребение 31; 5, 16, 24, 29 – погребение 1; 6,8,9,18,25 – погребение 7; 7, 19,21,27 – погребение 28; 10, 15 – погребение 24; 11 – погребение 12; 12, 22 – погребение 61; 13, 17 – погребение 58; 20, 26 – погребение 6; 23, 30 – погребение 26

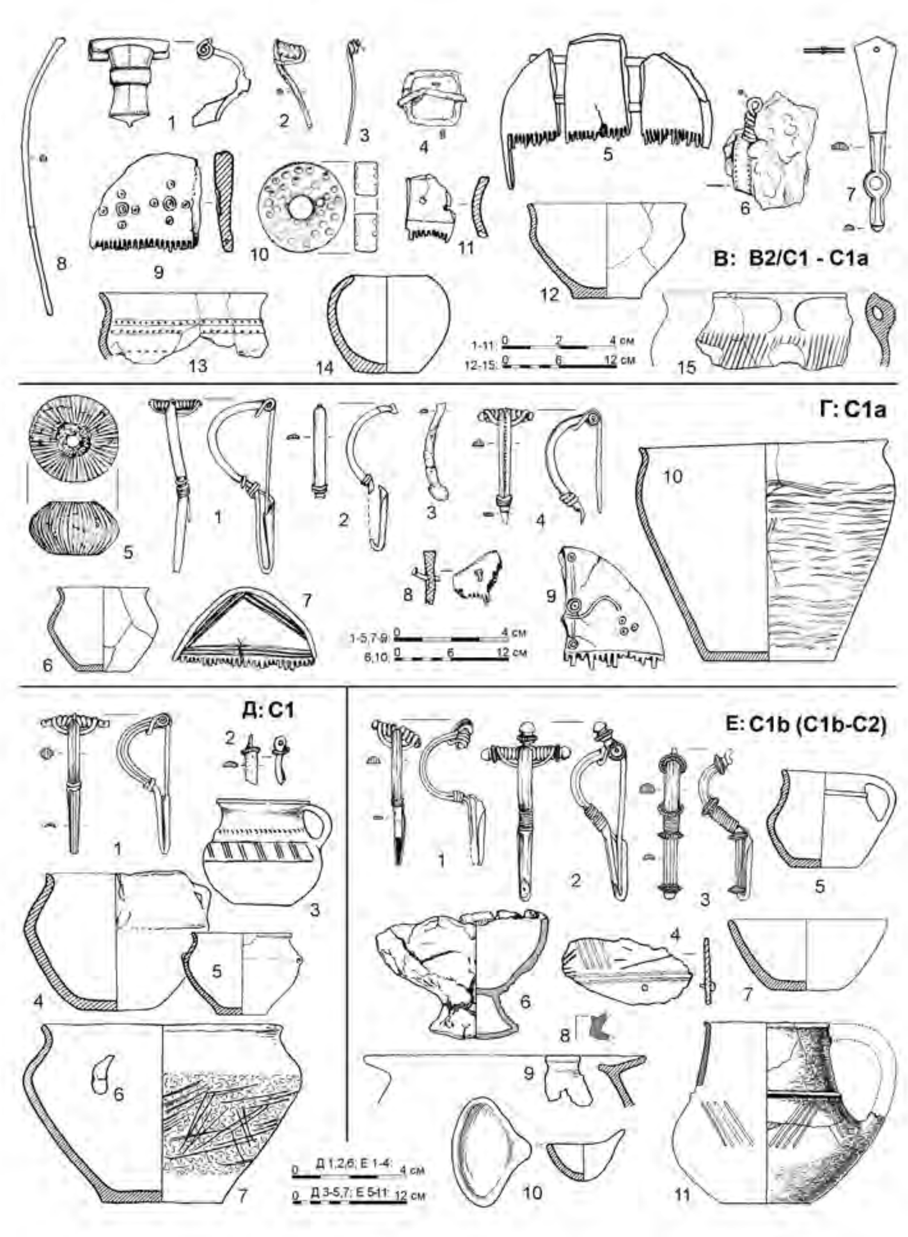

Рис. 2. Могильник Брест-Тришин.
Набор вещей, относящихся к периоду В2/С1 – С1а – С1b (С1b – С2).
В:1, 2, 14 – погребение 21; 3, 11, 13 – погребение 54; 4 – погребение 52; 5 – погребение 2; 6, 7 – погребение 43; 8, 10, 12, 15 – погребение 54; 9 – погребение 14.
Г:1, 9, 10 – погребение 17; 2, 3, 5, 7 – погребение 5; 4, 6, 8 – погребение 51.
Д:1, 5 – погребение 11; 2, 3 – погребение 9; 4 – погребение 10; 6, 7 – погребение 62.
Е:1, 5 – погребение 73; 2, 6 – погребение 8; 3, 4, 7 – погребение 56; 8, 10 – погребение 20; 9, 11 – погребение 27

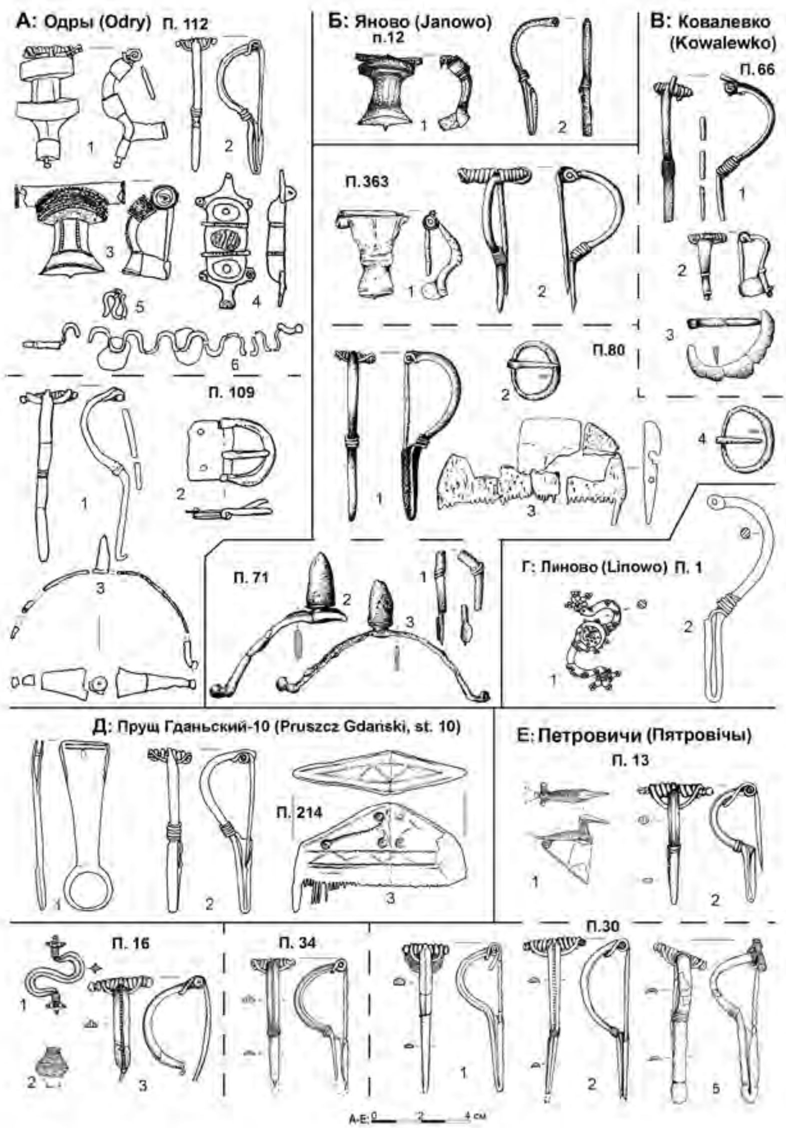

Рис. 3. Некоторые аналогии к подвязным арбалетовидным фибулам могильника Брест-Тришин (Данные по: А – Kmieciński, 1968; Б – Hahuła, 1992; В – Skorupka, 2001; Г – Bokiniec, Sosnowski, 2001; Д – Pietrzak, 1997; Е – раскопки Белевца В.Г.)

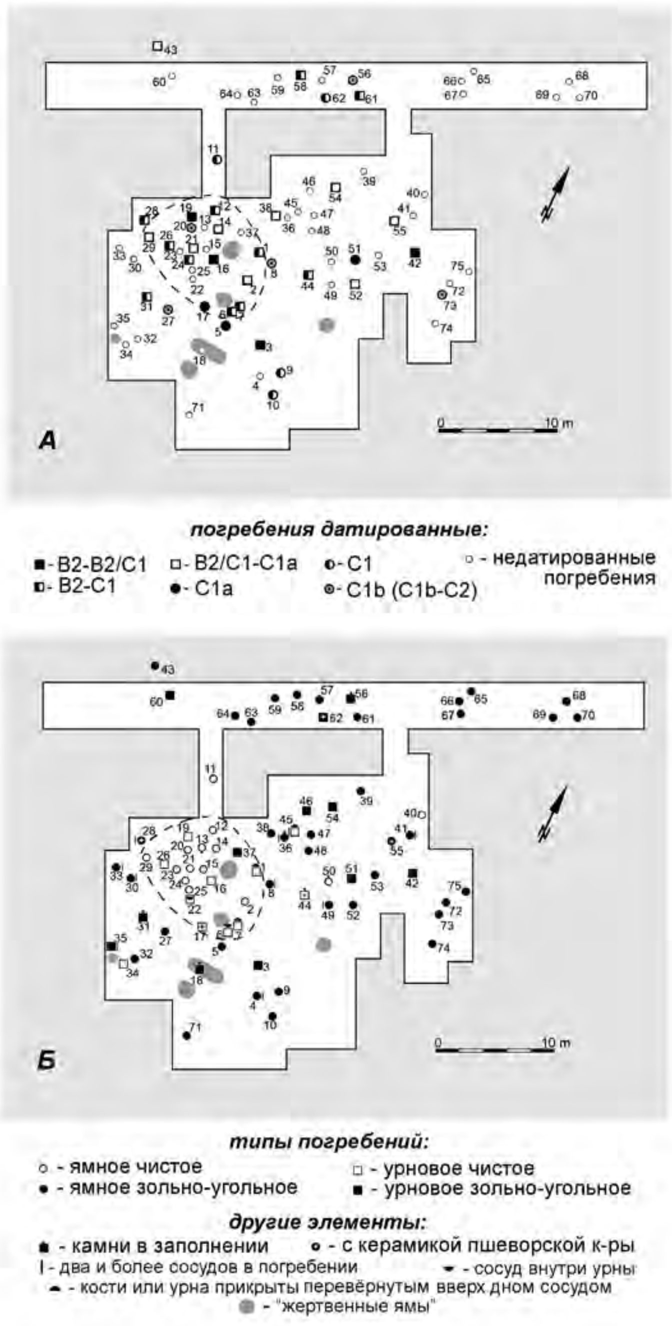
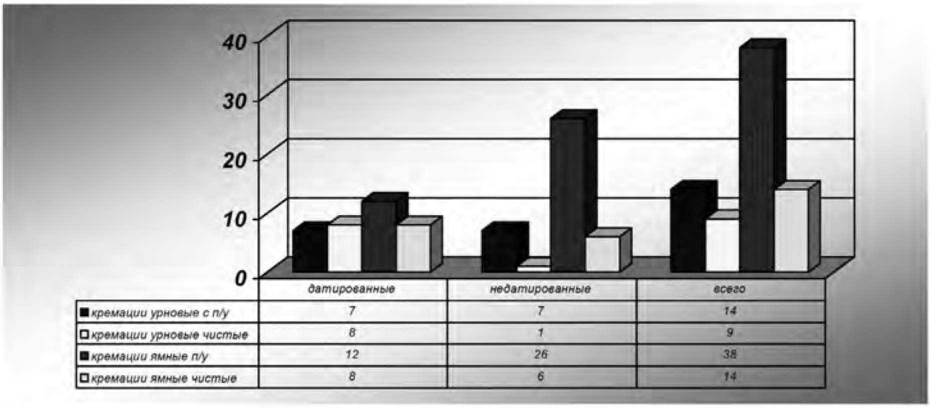
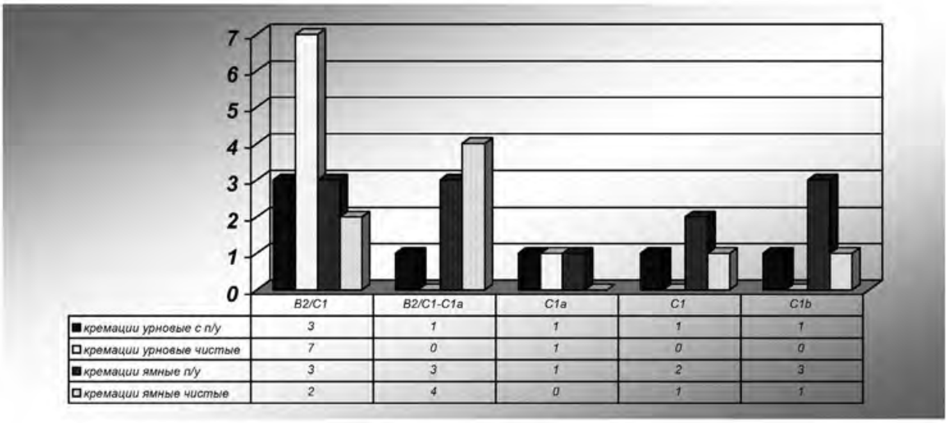

Рис. 4. Планиграфия могильника Брест-Тришин;
А – датировки погребений.
Б – планиграфия с учётом особенностей элементов погребального обряда

А

Б

В

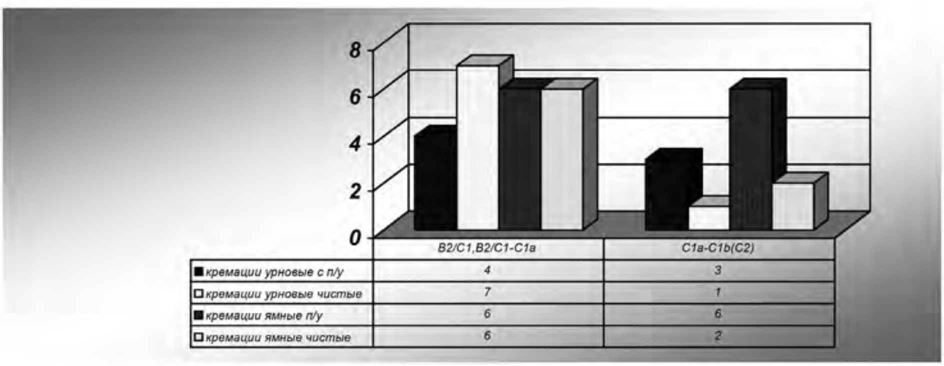
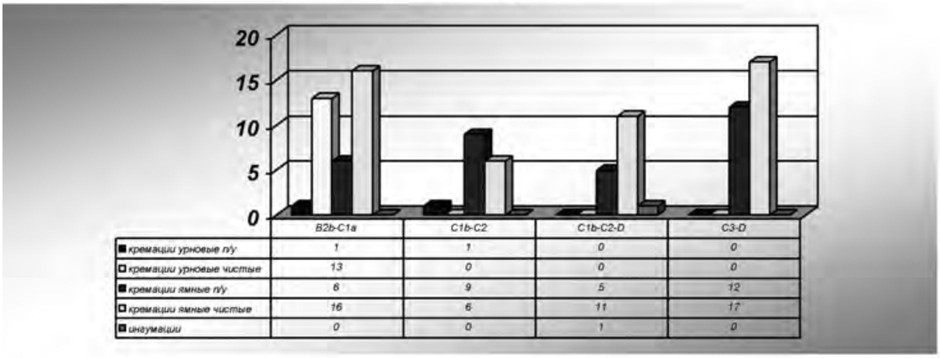

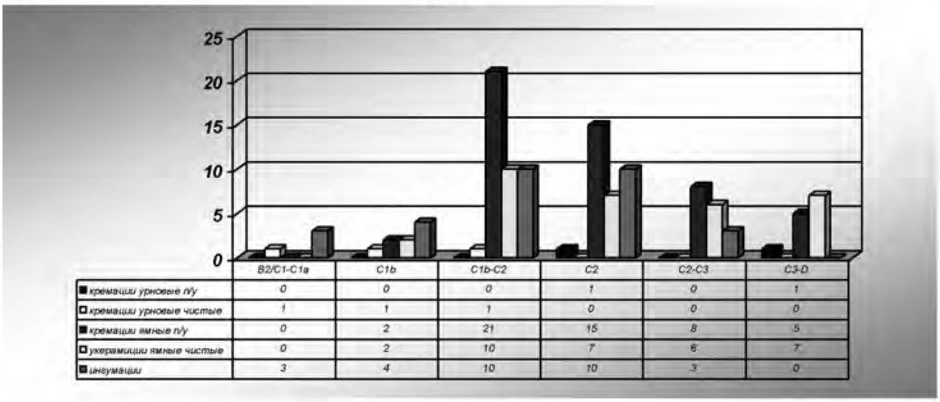
Рис. 5. Диаграммы, отражающие эволюцию погребального обряда могильника Брест-Тришин: А – соотношения датированных и недатированных погребений, выполненных по разным формам погребального обряда, Б – соотношения погребений, выполненных по разным формам погребального обряда при разбивке на фазы и подфазы, В – основные направления эволюции погребального обряда могильника при укрупнённом хронологическом делении

Неданово

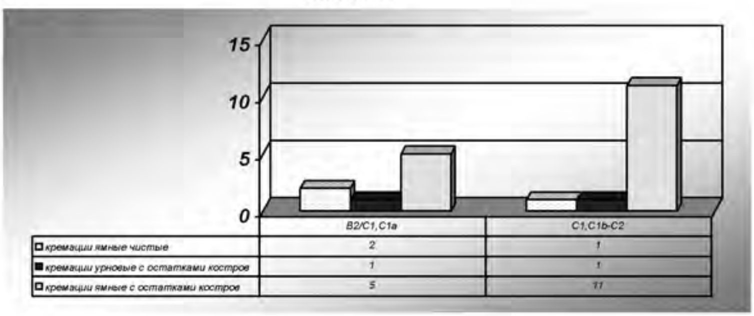
	B2b-C1a	C1b-C2	C1b-C2-D	C3-D
кремации урновые п/у	1	1	0	0
кремации урновые чистые	13	0	0	0
кремации ямные п/у	6	9	5	12
кремации ямные чистые	16	6	11	17
ингумации	0	0	1	0

Б **Цэцэли**

	B2/C1-C1a	C1b	C1b-C2	C2	C2-C3	C3-D
кремации урновые п/у	0	0	0	1	0	1
кремации урновые чистые	1	1	1	0	0	0
кремации ямные п/у	0	2	21	15	8	5
укерамиции ямные чистые	0	2	10	7	6	7
ингумации	3	4	10	10	3	0

В **Надколе**

	B2/C1,C1a	C1,C1b-C2
кремации ямные чистые	2	1
кремации урновые с остатками костров	1	1
кремации ямные с остатками костров	5	11

Рис. 6. Диаграммы эволюции погребального обряда могильников «цецельского» типа с территории правобережной Мазовии и Подляшья: А – могильник Неданово (на основании данных В. Землиньской-Одоёвой (Ziemlińska-Odojowa, 1999)), Б – могильник Цецели (на основании данным Я. Ясканиса (Jaskanis, 1996)), В – могильник Надколе (на основании данных Я. Анджеевского и А. Журавской (Andrzejowski, Żórawska, 2002))

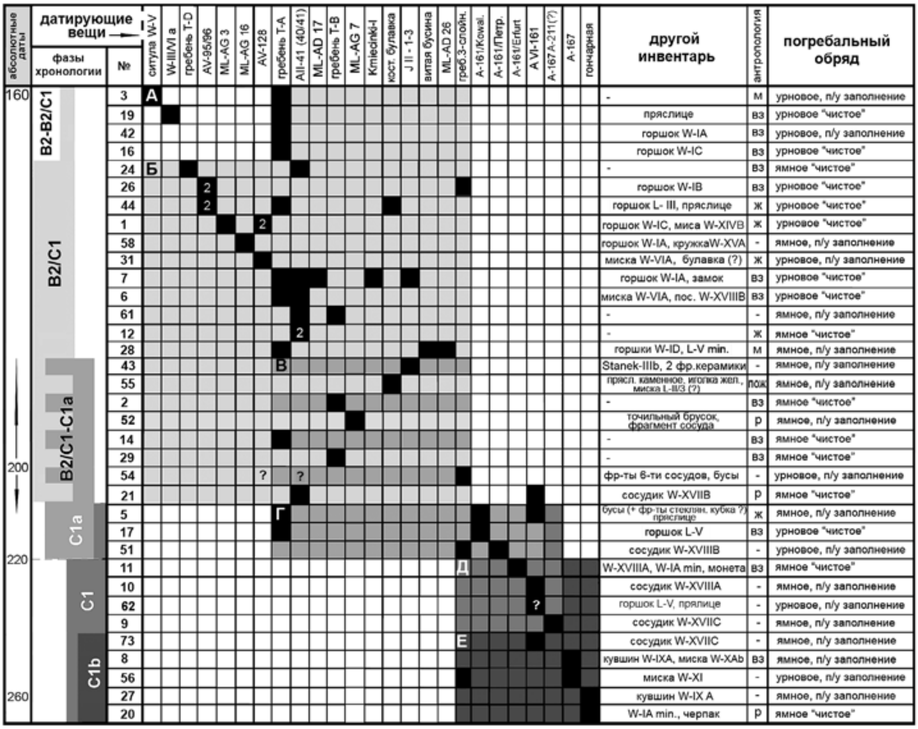

Таблица 1. Корреляционная таблица датированных комплексов могильника Брест-Тришин

Міхаіл Лашанкоў, Дзмітрый Трацякоў

АРХЕАБАТАНІЧНЫЯ МАТЭРЫЯЛЫ ЖАЛЕЗНАГА ВЕКУ Ў ЗБОРЫ НАЦЫЯНАЛЬНАГА МУЗЕЯ ГІСТОРЫІ І КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСІ

У 1999 годзе выйшаў з друку музейны каталог «Археалагічныя калекцыі. Жалезны век», выдадзены Нацыянальным музеем гісторыі і культуры Беларусі. Праца, падрыхтаваная Вольгай і Віталем Сідаровічамі, вельмі карысная як для звычайных жыхароў нашай рэспублікі, так і для больш вузкіх спецыялістаў–археолагаў, якія займаюцца вывучэннем эпохі жалеза. У сціслым апісанні складу калекцый і колькасці прадметаў у іх аўтары звярнулі асаблівую ўвагу на наяўнасць згарэлага зерня. Насенне вырошчваемых і спажываемых злакавых і бабовых культур – вельмі рэдкія знаходкі на помніках жалезнага веку ў рэспубліцы (Лашанкоў, Трацякоў, 2005, с. 56). Такія матэрыялы патрапіліся даследчыкам упершыню ў другой палове 20-х гадоў мінулага стагоддзя ў час раскопак С.А. Дубінскім гарадзішча Банцараўшчына (Фляксбергер, 1929, с. 470–473; 1932, с. 163–166).

У згаданым каталогу матэрыялы, што цікавяць нас, маюцца з трох помнікаў цэнтральнай часткі Беларусі. Яны знойдзены на ўмацаваных паселішчах Банцараўшчына, Збаравічы Мінскага і Качановічы Нясвіжскага раёнаў Мінскай вобласці.

Банцараўскае гарадзішча, як вядома, вывучалі ў даваенны час С.А. Дубінскі (1926–1928 гг.), а пасля вайны А.Р. Мітрафанаў (1948, 1949 гг.) і Г.В. Штыхаў у 1982 годзе (Дубінскі, 1928, с. 278, 281–282; Митрофанов, 1967, с. 243–249; Штыхаў, 1989, с. 65–67). Даследчыкі зафіксавалі два гарызонты старажытных адкладанняў на гэтым помніку даўніны. Заснавальнікам паселішча з'яўлялася абшчына плямёнаў культуры штрыхаванай керамікі, якая пражывала з III ст. да н.э. па III ст. н.э. Затым, пазней, у трэцяй чвэрці I тысячагоддзя н.э., тут жыло насельніцтва банцараўскай культуры (Митрофанов, 1967, с. 261; Штыхаў, 1993, с. 73). У працэсе раскопак разглядаемага гарадзішча С.А. Дубінскім знойдзена абвугленае зерне культурных раслін. Як заўважыў даследчык, у 1926 годзе ён знайшоў насенне толькі гароху і проса (Дубінскі, 1927, с. 361, 363). У 1926 і 1927 гадах С.А. Дубінскі адабраў дзесяць узораў батанічных матэрыялаў у розных месцах пляцоўкі гарадзішча: у цэнтры – № 1 і № 4; на паўднёвым усходзе – № 3; на паўночным усходзе – № 2, № 5–7, № 9 і ў траншэях – № 8 і № 10. Вызначэнне насення ва ўзорах выбаркі зроблены К.А. Фляксбергерам. Ён апісаў наяўнасць наступных культур: мяккай пшаніцы – Triticum vulgare Host (10 зярнят); кармавой вікі – Vicia sativa L. (70 зярнят толькі ва ўзорах № 3 і № 4, астатнія не падлічваліся); проса – Panicum miliaceum L. (у выглядзе камяка кашы); пры значнай перавазе кармавых конскіх бабоў – Vicia faba L. і гароху – Pisum sativum L. (Фляксбергер, 1929, с.470–473; 1932, с. 163–166). Даводзіцца шкадаваць, што колькасныя паказчыкі насення раслін даследчыкам прыведзены спарадычна і не па ўсіх культурах, а ва ўзорах 4, 7 і 9 яны выражаны чамусьці ў вагавых адзінках вымярэння (?). Тым не менш вынікамі менавіта гэтага вызначэння карыстаюцца многія навукоўцы (Якубцинер, 1956, с. 139; Митрофанов, 1967, с. 259; 1978, с. 43; Загорульский, 1977, с. 97, 98; Коробушкина, 1979, с. 70, 81–82, 88, 91, 95; Егарэйчанка, 1999, с. 141; Звяруга, 2005, с. 20). Па дадзеных аўтара раскопак, у 1928 годзе ён знайшоў каля пяці каменных пляцовак, спаленыя зярняты проса, жыта, пшаніцы, ячменю, гароху, бобу з кавалкамі кашы (Дубінскі, 1928, с. 281). Лёс гэтых матэрыялаў застаецца невядомым.

Па звестках Н.Ю. Шаркоўскай, 11 сакавіка 1954 года К.М. Палікарповіч – загадчык сектара археалогіі Інстытута гісторыі АН БССР, з дазволу дырэкцыі перадаў калекцыі знаходак эпохі жалеза Віцебскаму абласному краязнаўчаму музею. У кнізе паступленняў музея (Акт прыёму № 226) сярод іншых матэрыялаў за № 11439 значацца абломкі посуду (28 фрагментаў) і каробачка з зернем перапаленага гароху з гарадзішча Банцараўшчына (Шарковская, 2003, с. 278). Гэта невялікая калекцыя матэрыялаў з Банцараўшчыны, перададзеная ў абласны музей Віцебска, паходзіла, хутчэй за ўсё, з раскопак С.А. Дубінскага ў 1928 гг.[1] Затым у 1962 годзе, 20 жніўня, Віцебскі музей перадае згаданую калекцыю ў Мінск, Дзяржаўнаму музею БССР, у якім па кнізе паступленняў матэрыялы з гарадзішча Банцараўшчына зарэгістраваны ўжо пад нумарам 7928 (Археалагічныя..., 1999, с. 36–37).

Па стане на пачатак III тысячагоддзя, у разглядаемай калекцыі маецца 25 адзінак зярнят гароху, у ліку якіх 5 цэлых, 8 палавінак і 12 абломкаў (табл. 1). Зярняты гароху (Pisum sativum L.) сярэдняга дыяметра ад 3,8 да 4,5 мм, і толькі два з іх памерамі 4,8 і 5,0 мм (Табл. 2). Гэтыя знаходкі варта адносіць да групы дробнанасенных сартоў. Яны нават больш дробныя, чым самыя дробныя сучасныя. Па памерах зерня амаль усе палеабатанічныя знаходкі гароха ў краінах Заходняй Еўропы гэтага часу таксама адносяцца да дробнанасенных (Янушевич, 1976, с. 171).

К.А. Фляксбергер не рабіў падліку зярнят гароху і не пакінуў ніякіх апісанняў разгледжаных ім матэрыялаў, што не дазваляе канкрэтызаваць звесткі аб гэтай культуры ў Цэнтральнай Беларусі ў той далёкі час. Банцараўскае гарадзішча – адзіны помнік «штрыхавікоў» у рэспубліцы з зернем гароху. Т.М. Каробушкіна мяркуе, што гэта самая ранняя знаходка дадзенай культуры на прасторы Усходняй Еўропы, што далёка не так (Коробушкина, 1979, с. 91; Lityńska-Zając, 1997, s. 60–63, tabl. 7). Апошнім часам культура гароху зафіксавана ў плямёнаў мілаградскай і зарубінецкай агульнасцяў. Так, на знешняй паверхні кавалка донца ад мілаградскай пасудзіны з гарадзішча Чорнае ёсць уцісканне ад гарошыны памерам 3,25×3 мм. У гаршчка з гарадзішча Адрубы, на знешняй паверхні шыйкі, маецца адбітак гарошыны памерам 5,5×5 мм (Лашанкоў, Траццякоў, 2005, табл. 1, 2). Таксама адзінкавы выпадак уціскання гарошыны адзначаны на зарубінецкім паселішчы Рамель (Каспарова, 1987, с. 67).

Гарадзішча Збаравічы па выніках раскопак А.Р. Мітрафанава датуецца I–IV стст. н.э. (Мітрафанаў, 1993, с. 271). Трыма раскопамі на ім даследавана 868 кв. м пляцоўкі. У 1952 годзе распрацаваны першы і другі раскопы, а ў 1958 годзе – трэці. Аб знаходцы абвугленага зерня збожжа ў мацерыковай ямцы на гэтым помніку А.Р. Мітрафанаў піша двойчы. У першым выпадку ён зазначае, што «В яме № 2 найдено довольно много обугленных зерен пшеницы» (Митрофанов, 1970, с. 191, 193). У другім – «В яме № 5 (третьего раскопа – М.Л.) встречены обугленные зерна, по-видимому, пшеницы» (Митрофанов, 1978, с. 22, 43). Уяўляецца, што гаворка ідзе аб адной і той жа яме. У палявым дзённіку аўтара раскопак ёсць наступны запіс: «При разборке земли между камнями встречено несколько зерен пшеницы (?) или ржи (?)» (Митрофанов, 1952). Напісанае мае непасрэднае дачыненне да першага раскопу, дзе ў цэнтры квадрата Г1 быў аб’ект. Ён складаўся з абпаленых камянёў, кавалкаў посуду і вуголля з попелам. Як бачым, спаленае збожжа сустракалася не толькі ў мацерыковай ямцы, але і ў тоўшчы культурнага пласта, у вогнішчы. Даводзіцца шкадаваць, што колькасць зярнят ні ў адным з двух выпадкаў не была ўлічана, і не зроблены іх вызначэнні спецыялістамі ў галіне палеабатанікі.

Знаёмства аўтараў з калекцыяй збожжа са Збаравіцкага гарадзішча, што захоўваецца ў НМГ І КБ пад нумарам КП 6793, дазволіла вызначыць наступнае. Па-

[1] Ускосна аб гэтым сведчаць палявыя шыфры на кераміцы, што была разам з зернем.

першае, захаванасць зярнят здавальняючая. Па-другое, іх улічана 594 адзінкі, агульнай вагой 5 грамаў. У гэтай колькасці 58,4 % насенне цэлае і палавінкі. Разам з тым, мелася яшчэ 247 дробных абломкаў, якія не падлягаюць вызначэнню. Па-трэцяе, насенне было хутчэй за ўсё прасеяна, і таму намі не зафіксавана прысутнасць у ім пустазелля. Па-чацвёртае, у разглядаемай калекцыі прысутнічае зерне трох культур: пшаніцы – 268 адзінак (77,2 %), ячменя – 77 (22,2 %) і жыта – 2 (0,6 %) (табл. 1).

Пшаніца. Да гэтага часу ўсе вызначэнні палеабатанічных знаходак пшаніцы на Беларусі, як згарэлага зерня, так і адбіткаў яе на кераміцы, падаваліся толькі ў якасці мяккай (Triticum aestivum L.). Прааналізаваная калекцыя зерня з гарадзішча Збаравічы паказала яго неаднастайнасць па памерах і велічыні індэксаў. Па нашым меркаванні, яно належыць да двух відаў пшаніц: карузлікавай (Triticum compactum Host.) і мяккай (Triticum aestivum).

Па велічыні індэкса суадносінаў даўжыні да шырыні звычайна вызначаюць прыналежнасць зерня або яго адбіткаў да таго ці іншага віду раслін. Ужо даказана, што велічыні індэксаў у абгарэлага зерня карузлікавай пшаніцы і ў мяккай розныя (Янушевич, 1976, с. 79, 85). Менавіта гэтая акалічнасць з’яўляецца характэрным паказчыкам відавой прыналежнасці дадзеных гатункаў (табл. 3). Разнастайны склад калекцыі з гарадзішча Збаравічы асабліва выразна выяўляецца на графіку крывой індэксаў зерня (мал. 1, табл. 4). Зярноўкі карузлікавай пшаніцы размяшчаюцца ва ўласцівай ім зоне індэксаў з большасцю ад 1,3 да 1,4 (мал. 3:1–4), тады як мяккай адпаведна – ад 1,6 да 1,7 (мал. 3:5–7). Адзначым пры гэтым, што сярод усёй пшаніцы да мяккай адносіцца 133 адзінкі насення, а да карузлікавай – 135 (табл. 3). Як бачым, жыхары разглядаемага паселішча спажывалі змешаныя голанасенныя віды яравых пшаніц.

На Чаплінскім гарадзішчы ў «зарубінцаў» два ўціскі пшаніцы мелі памер – 5,0×3,2 мм (індэкс 1,56) і 7,0×4,0 мм (1,75) (Пачкова, 1974, с. 15, табл. 2). Памеры адбіткаў гэтай культуры на мілаградскіх помніках складаюць: Адрубы – 4,0×2,25 мм (1,77), Чырвоная Горка – 4,25×2,25 мм (1,88) і Чорнае – 4,25×2,5 мм (1,7) (Лашанкоў, Траццякоў, 2005, табл. 2). Усе разгледжаныя адбіткі па памерах і індэксах варта адносіць да мяккай пшаніцы (Triticum aestivum).

Звычайная ці мяккая пшаніца (Triticum aestivum) на Беларусі вядома ўжо на шэрагу помнікаў ранняга жалезнага веку. Ёсць яна на гарадзішчах днепра-дзвінскай культуры Загорцы ў Гарадоцкім, Эсьмоны ў Бялыніцкім і Новае Сяло ў Сенненскім раёнах (Ляўданскі, Палікарповіч, 1936, с. 222; Шадыра, 1999, с. 201; Лошенков, 1994, с. 95; Лашанкоў, Траццякоў, 2005, с. 56, табл. 1; Подгурский, 2005, с. 180; 2006, с. 99). У «штрыхавікоў» гэта культура зафіксавана на ўмацаваных паселішчах Банцараўшчына, Гарані, Збаравічы, Качановічы, Паліцкае, Прылепы (чатыры адбіткі на абломках посуду) і Пятровічы (Фляксбэргер, 1932, с. 163–166; Медведев, 1996, с. 47; Лошенков, 2000, с. 132; Лашанкоў, Траццякоў, 2005, с. 56). У насельніцтва мілаградскай культуры ўціскі пшаніцы на фрагментах керамікі адзначаны на гарадзішчах Гарошкаў, Чырвоная Горка, Адрубы, Чорнае (Мельниковская, 1967, с. 129; Краснов, 1971, с. 16, табл. 1; Лашанкоў, Траццякоў, 2005, табл. 1, 2). Адбіткі пшаніцы маюцца і на посудзе зарубінецкага насельніцтва. Такія факты ёсць на паселішчах Рамель, Струга-1, Хотамель, могільніках Атвержычы, Чаплін і гарадзішчы Чаплін (Поболь, 1971, с. 145; 1973, с. 126; Краснов, 1971, с. 16, табл. 1; Пачкова, 1974, с. 13, табл. 1, 2; Каспарова, 1976, с. 49; 1987, с. 67). Па стане на сярэдзіну першага дзесяцігоддзя XXI ст. на тэрыторыі Беларусі зафіксавана 20 помнікаў эпохі ранняга жалеза з рознымі матэрыяламі пшаніцы (мал. 2).

У даваенны час С.А. Дубінскі, А.М. Ляўданскі і К.М. Палікарповіч аднеслі згарэлае насенне пшаніцы з умацаваных паселішчаў Банцараўшчына і Загорцы да

трэцяй чвэрці I тысячагоддзя н.э., што затым увайшло ў гісторыю гэтай культуры на Беларусі, дзякуючы К.А. Фляксбергеру і М.М. Якубцынеру (Дубінскі, 1927, с. 362; Лявданский, 1932, с. 56; Палікарповіч, 1947, с. 66; Фляксбергер, 1929, с. 470–473; Якубцинер, 1956, с. 139). Затым у пасляваенны час А.Р. Мітрафанаў падкарэкціраваў датаванне Банцараўскага гарадзішча (Митрофанов, 1967, с. 247, 259–261; 1978, с. 43). Раскопкі, праведзеныя ў другой палове XX стагоддзя на помніках розных плямёнаў эпохі ранняга жалеза паказалі, што разглядаемая культура на Беларусі з'явілася на тысячу гадоў раней у «мілаградцаў» у другой палове VII–III стст. да н.э. З апошняга вынікае, што пшаніцу на тэрыторыі нашай рэспублікі старажытныя людзі пачалі вырошчваць недзе ў сярэдзіне I тысячагоддзя да н.э., а не ў VI–VIII стст. н.э., як гэта лічылася раней.

Ячмень. Прыкладна пятая частка калекцыі насення са Збаравіч прыпадае на ячмень (Hordeum vulgare L.). Аўтарамі вызначана 77 адзінак гэтай культуры (табл. 1). Усё зерне адносіцца да голазерных формаў. Праведзеныя вымярэнні паказалі неаднастайнасць згарэлага насення дадзенай расліны (мал. 3:8–10). Максімальная даўжыня буйнейшага зерня складае 6,0 мм, шырыня – 3,8 мм, а драбнейшага адпаведна 3,6 мм і 1,9 мм (табл. 5). Можна меркаваць, што жыхарамі паселішча ячмень быў змешаны з пшаніцамі механічна.

Жыта. Вельмі цікавым фактам з'яўляецца наяўнасць сярод згарэлага насення збожжавых двух зярнят жыта (Secale cereale L.). Яны складаюць каля паловы адсоткі. Іх памеры наступныя: першага (№ узора 264) даўжыня 3,7 мм, шырыня 1,9 мм, другога (№ узора 335) даўжыня 4,5 мм, шырыня 2,0 мм. Суадносіны даўжыні і шырыні ў іх складаюць адпаведна 1,95 і 2,25. Мяркуючы па тым, што зярняты жыта вельмі дробныя (мал. 3:11, 12), можна казаць, што насенне гэта належыць дзікарослай культуры.

Яшчэ ў 1953 годзе А.Р. Мітрафанаў знайшоў зярняты згарэлага насення на гарадзішчы Качановічы. Дэталёвыя знаёмствы з навуковай справаздачай, палявым дзённікам (захоўваюцца ў архіве Інстытута гісторыі НАН Беларусі), як і манаграфіяй даследчыка, паказалі, што ні ў адной з гэтых крыніц няма звестак аб батанічных матэрыялах у слоі паселішча (Митрофанов, 1953а; 1953б; 1955; 1978, с. 43, 45). У раскопе плошчай 48 кв.м на паўночна-ўсходнім краі пляцоўкі таўшчыня адкладанняў складала ад 0,75 да 1,1 м. Аўтар раскопак вылучыў у культурным пласце два гарызонты, якія адпавядаюць першаму (IV–V стст. н.э.) і другому (X–XIII стст. н.э.) перыядам жыцця на разглядаемым помніку. У гэтым раскопе адсутнічаюць планіграфічныя і стратыграфічныя дадзеныя аб зярнятах раслін. Разам з тым у калекцыі знаходак з гарадзішча Качановічы, перададзенай даследчыкам НМГ І КБ у 1970 годзе, прысутнічаюць «зярняты пшаніцы» (Археалагічныя..., 1999, с. 42).

Знаёмства аўтараў з гэтай калекцыяй насення (НМГ І КБ, КП 40444), дазволіла вызначыць наступнае. Па-першае, на 25 кастрычніка 2006 года ў разглядаемай калекцыі налічвалася 82 адзінкі насення. Па-другое, усе яны належылі дзвюм культурам – пшаніцы (20) і просу (62), што адлюстравана ў адпаведнай табліцы (табл. 1). Стан захаванасці батанічных матэрыялаў здавальняючы. Аўтары зрабілі вымярэнні 8 зярнят пшаніцы і 20 проса (табл. 2).

Пшаніца. Аналіз зярнят пшаніцы паказаў іх неаднастайнасць як па памерах так і па велічыні індэксаў. Высветлілася, што яны адносяцца да двух відаў пшаніц: карузлікавай (Triticum compactum) і мяккай (Triticum aestivum). Разнастайны склад гэтай калекцыі з гарадзішча Качановічы фіксуецца не вельмі выразна з-за невялікай колькасці насення. Тры зярняткі карузлікавай пшаніцы размяшчаюцца ў зоне велічыні індэкса 1,5, а пяць мяккай – адпаведна ў інтэрвале 1,7–1,8. Можна сцвярджаць, што ў эпоху жалеза жыхары паселішча Качановічы высявалі, як і

абшчыннікі на Збаравіцкім гарадзішчы, пшаніцы мяккую і карузлікавую. Гэтыя два віды знаходзіліся ў змешаным стане.

Проса (Panicum miliaceum L.). У калекцыі яно складае 75,5 % ад агульнай колькасці насення. Усяго ўлічана 62 зярняты гэтай культуры. Яны былі ў сыпучым стане. Аўтары зрабілі вымярэнні трэцяй часткі іх, што зафіксавана ў табліцы (табл. 2). У выбарцы самае вялікае зерне мела памер 2,3×1,8 мм, а найменшае – 1,5×1,5 мм.

Першыя знаходкі проса ў насельніцтва культуры штрыхаванай керамікі зафіксаваны ў 1926 і 1927 гадах на Банцараўскім гарадзішчы, што намі ўжо адзначалася. Другі помнік у «штрыхавікоў» з аналагічным матэрыялам – гарадзішча Качановічы, на якім проса мелася «невядомым» з 1953 года. Трэці помнік з насеннем гэтай культуры – гарадзішча Мыслі, што ў Капыльскім раёне (Гурин, 2000, с. 26, 36). У 1988 годзе М.Ф. Гурын знайшоў у жытле № 8 чацвёртага раскопу проса ў выглядзе спечанага камяка. Апошнім часам уціскані зярнят проса на гліняным посудзе адзначаны на паселішчах носьбітаў гэтай агульнасці Паліцкае, Прылепы, Пятровічы, Сарачы, Шчаткава (Лошенков, 2000, с. 132; 2001, с. 162; Лашанкоў, Траццякоў, 2005, табл. 1).

Вывучэнне палеабатанічных матэрыялаў з трох помнікаў плямёнаў культуры штрыхаванай керамікі дазволіла аўтарам зрабіць наступныя высновы:

– жыхары Банцараўскага паселішча спажывалі дробнанасенны гарох (Pisum sativum L.) разам з іншымі культурамі;

– насельніцтва гарадзішча Збаравічы вырошчвала два віды пшаніц – мяккую (Triticum aestivum L.) і карузлікавую (Triticum compactum L.), а таксама ячмень (Hordeum vulgare L.). Жыта (Secale cereale L.) у іх сустракалася, хутчэй за ўсё, дзікарослае;

– абшчыннікі гарадзішча Качановічы мелі ва ўжытку проса (Panicum miliaceum L.), карузлікавую і мяккую пшаніцы.

Літаратура

1. Археалагічныя калекцыі. Жалезны век: Музейны каталог. Мн., 1999.

2. **Гурин, М.Ф.** Археологические материалы из городища Мысли // ГАЗ. № 15. 2000. С. 24–39.

3. **Дубінскі, С.** Раскопкі Банцараўскага гарадзішча каля Менску ў 1926 г. // Гістарычна-археолёгічны зборнік. № 1. Мн., 1927. С. 360–363.

4. **Дубінскі, С.А.** Досьледы культур жалезнага пэрыяду па Віцебшчыне, Магілёўшчыне і Меншчыне // Працы. Т. I. 1928. С. 275–284.

5. **Егарэйчанка, А.А.** Культура штрыхаванай керамікі // Археалогія Беларусі: У 4 т. Т. 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мн., 1999. С. 113–173.

6. **Загорульский, Э.М.** Древняя история Белоруссии. Мн., 1977.

7. **Звяруга, Я.Г.** Беларускае Павілле ў жалезным веку і раннім сярэдневякоўі // МАБ. № 10. 2005.

8. **Каспарова, К.В.** Новые материалы могильника Отвержичи и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры Полесья // АСГЭ. № 17. 1976. С. 35–66.

9. **Каспарова, К.В.** Зарубинецкое поселение Ремель в Белорусском Полесье // АСГЭ. № 28. 1987. С. 52–70.

10. **Коробушкина, Т.Н.** Земледелие на территории Белоруссии в X–XIII вв. Мн., 1979.

11. **Краснов, Ю.А.** Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971.

12. **Лашанкоў, М., Траццякоў, Дз.** Палеаэтнабатанічныя даследаванні матэрыялаў з помнікаў ранняга жалезнага веку паўднёва-ўсходняй Беларусі // ГАЗ. № 20. 2005. С. 56–61.

13. **Лошенков, М.И.** Эсьмоны – городище-убежище первой половины I тысячелетия нашей эры в бассейне реки Друть // Археалогія і старажытная гісторыя Магілёўшчыны і сумежных тэрыторый. Магілёў, 1994. С. 90–103.

14. **Лошенков, М.И.** Городище Палицкое // Iš baltų kultüros istorijos. Vilnius, 2000. P. 125–140.

15. **Лошенков, М.И.** Поселение культуры штрихованной керамики на юге Беларуси // LA. T. 21. 2001. P. 159–170.

16. **Лявданский, А.Н.** Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Л., 1932. № 7–8. С. 54–61.

17. **Ляўданскі, А.Н., Палікарповіч, К.М.** Археалагічныя доследы ў БССР у 1933–1934 гг. // Запіскі Беларускай Акадэміі навук. Кн. 5. Мн., 1936. С. 210–223.

18. **Медведев, А.М.** Беларуское Понеманье в раннем железном веке. Мн., 1996.

19. **Мельниковская, О.Н.** Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967.

20. **Митрофанов, А.Г.** Дневник раскопок городищ Лабенщина и Збаровичи в Заславльском районе Минской области за 1952 год / АА ІГ НАН Беларусі. Справа № 79. 1952.

21. **Митрофанов, А.Г.** Отчет о полевых археологических работах в 1953 году / АА ІГ НАН Беларусі. Справа № 93. 1953а.

22. **Митрофанов, А.Г.** Дневник экспедиционных работ за 1953 год / АА ІГ НАН Беларусі. Справа № 82. 1953б.

23. **Митрофанов, А.Г.** Отчеты о раскопках городищ средней и северной Белоруссии за время с 1948 по 1955 гг. / АА ІГ НАН Беларусі. Справа № 12. 1955.

24. **Митрофанов, А.Г.** Банцеровское городище // Белорусские древности. Мн., 1967. С. 243–261.

25. **Митрофанов, А.Г.** Железный век средней Белоруссии. Мн., 1978.

26. **Митрофанов, А.Г.** Культура штрихованной керамики // Очерки по археологии Белоруссии. Ч. 1. Мн., 1970. С. 184–212.

27. **Мітрафанаў, А.Р.** Гарадзішча Збаравічы // Археалогія і нумізматыка Беларусі: Энцыклапедыя. Мн., 1993. С. 271.

28. **Палікарповіч, К.М.** Вынікі археалагічных даследаванняў на Беларусі пасля кастрычніцкай соцыялістычнай рэволюцыі // Весці АН БССР. Серыя гістарычная. № 1. 1947. С. 53–74.

29. **Пачкова, С.П.** Господарство східно-слов'янских племен на рубежі нашої ери. Київ, 1974.

30. **Поболь, Л.Д.** Славянские древности Белоруссии. Мн., 1971.

31. **Поболь, Л.Д.** Славянские древности Белоруссии. Мн., 1973.

32. **Подгурский, П.Н.** Земледельческие орудия труда железного века и раннего средневековья Витебского Подвинья // Романовские чтения (Сборник трудов международной научной конференции 21 октября 2004 года). Могилев, 2005. С. 178–182.

33. **Подгурский, П.Н.** Находки земледельческих орудий труда и растений с городища Новое Село // Романовские чтения – 2 (Сборник трудов международной научной конференции 10–11 ноября 2005 года). Могилев, 2006. С. 99–102.

34. **Фляксбергер, К.** Семена культурных растений VI–VIII века из-под Минска // Природа. № 5. 1929. С. 470–473.

35. **Фляксбэргер, К.** Зёрны з Банцараўскага гарадзішча пад Менскам // Працы. Т. III. 1932. С. 163–166.

36. **Шадыра, В.І.** Днепра-дзвінская культура // Археалогія Беларусі: У 4 т. Т. 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мн., 1999. С. 174–231.

37. **Шарковская, Н.Ю.** Материалы железного века и раннеславянские древности в археологическом собрании ВОКМ (обзор коллекции) // МАБ. № 8. 2003. С. 278–279.

38. **Штыхаў, Г.** Спецпатрыятызм наменклатуры // Мастацтва Беларусі. № 12. 1989. С. 65–67.

39. **Штыхаў, Г.В.** Гарадзішча Банцараўшчына // Археалогія і нумізматыка Беларусі: Энцыклапедыя. Мн., 1993. С. 73.

40. **Якубцинер, М.М.** К истории культуры пшеницы в СССР // Материалы по истории земледелия СССР. М.–Л., 1956. Т. 2. С. 16–169.

41. **Янушевич, З.В.** Культурные растения юго-запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев, 1976.

42. **Lityńska-Zając, M.** Roślinność i gospodarka rolna w okresie rzymskim. Kraków, 1997.

Mihail Lashankou, Dzmitry Tracciakou

Iron Age archaeobotanical Materials at the National Museum of History and Culture of Belarus

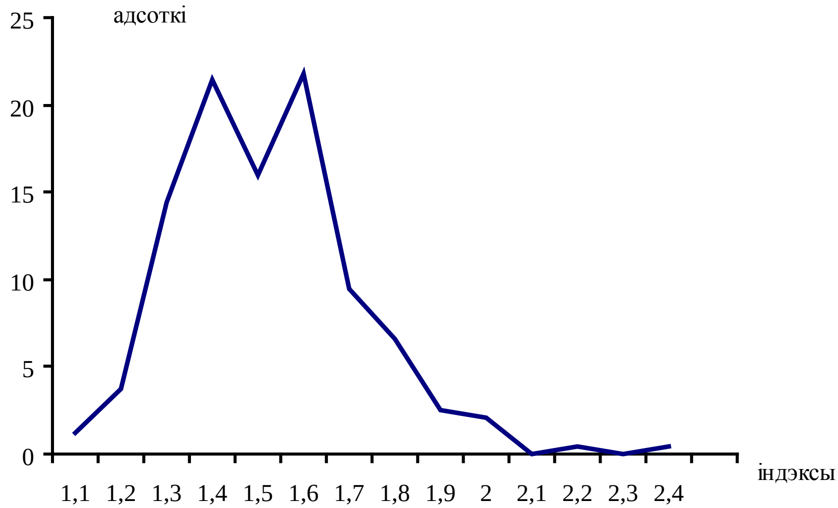
The catalogue «Archaeological Collections. Iron Age» issued in 1999 by National Museum of History and Culture of Belarus contains some information on paleobotanical materials. Collections of burnt grain appeared in museum funds at different times and originate from three settlements in central Belarus: Bantsaraushchyna, Zbarovichy and Kachanovichy.

The finds from Bantsaraushchyna settlement, Minsk region, are represented by peas – 25 units (Table 1). This is a collection from S. Dubinski's excavations of 1928. The settlement was established by a Scratched Ware culture community. It dates back to III century BC – III century AD. Pea seeds (Pisum sativum L.) are of medium size, 3,8 to 4, 5–5,0 mm in diameter (Table 2). Taking into account the size of grain, one can presume this crop was of small-seed sort. Recently, researchers have spotted out pea imprints on the walls of clay pottery that belongs to the Milagrad culture tribes residing at Atruby and Chornaje settlements. One of such cases was revealed on the walls of a vessel from Zarubintsy culture open settlement Remel.

Hillfort Zbarovichy, Minsk district was being researched by A. Mitrafanau in 1952 and 1958. It was founded by the Scratched Ware culture population that resided there in I–IV centuries AD. The studies of the collection showed that the burnt grain had been sifted. Totally, the seeds account for 594 units, 5 grams. Out of them 247 units are very small fragments that cannot be identified. Among 347 registered seeds (grains) 268 (77,2%) are wheat, 77 (22,2%) are barley (Hordeum vulgare L.), and 2 (0,6%) are rye (Secale cereale) (table 1, 5). Laboratory research has demonstrated that the wheat was of two bare-grained kinds: soft (Tritium aestivum) – 133 units and diminutive (Tricium compactum) – 135 units (fig.1, table 3 and 4). The ancient population used these two kinds in mixture. Up to date, grains and wheat imprints on pottery have been registered at 20 monuments of Early Iron Age in Belarus (fig. 2). On the territory of contemporary Belarus soft wheat started to be cultivated by the Milagrad culture population already in mid I millennium BC. In this collection bare-grained barley (Table 5) was placed together with wheat and was probably mechanically mixed with it.

In 1953 A. Mitrafanau carried out his research at the hillfort Kachanovichy, Niasvizh district, 48 sq.m. The deposits of the lower horizon layer were of the Scratched Ware culture population of IV –V centuries AD, and the upper horizon was left after Drygavichy tribe. The collection, handed over to the museum, contained 82 units of burnt grain, as is estimated in 2006 (Table 1). Two crops are represented: wheat (20 units) and millet (62 units). Millet (Panicum miliaceum L.) makes up 75, 5% of the whole collection. Grain dimensions are illustrated in the table (Table 2). The hillfort Kachanovichy is the second monument of the Scratched Ware culture tribes containing millet grains. The scarse wheat collection consists of two kinds: soft (Tritium aestivum) – 3 units and diminutive (Tricium compactum) – 5 units of whole grains.

Thus, the National Museum of History and Culture of Belarus stores burnt grains of pea, millet, barley, rye, soft and diminutive wheat that are dated back to late centuries BC – first half of I millennium AD.

Мал. 1. Размеркаванне зярнят па велічыні індэксаў у пшаніцы з гарадзішча Збаравічы

Табліца 1. Колькасць згарэлага зерня ў калекцыях з помнікаў культуры штрыхаванай керамікі

Помнікі	**Колькасць зерня па культурах**								
	Пшаніца		**Ячмень**		**Жыта**	**Проса**	**Гарох**		**Усяго:**
	Цэлыя	**Рэшткі**	**Цэлыя**	**Рэшткі**	**Цэлыя**	**Цэлыя**	**Цэлыя**	**Рэшткі**	
Банцараўшчына КП 7928	–	–	–	–	–	–	5	20	25
Збаравічы КП 6793	245	23	50	27	2	–	–	–	347
Качановічы КП 40444	8	12	–	–	–	62	–	–	82

Табліца 2. Памеры згарэлага зерня з выбаркі іх у фондавых калекцыях НМГ І КБ

Помнікі	**Банцараўшчына**	**Качановічы**						
Культуры	**Гарох**	**Пшаніца**				**Проса**		
№ п/п	**Дыяметр, мм**	**Памеры зярнят, мм**		**Індэксы**		**Памеры зярнят, мм**		**Індэкс**
		даўжыня	**шырыня**	**L/B**	**100·B/L**	**даўжыня**	**шырыня**	**L/B**
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	5,0	5,5	3,0	1,83	54,5	2,3	1,8	1,28
2	4,8	5,0	2,8	1,78	56,0	2,2	1,6	1,37
3	4,3	4,5	2,5	1,8	55,5	2,1	1,9	1,11
4	4,5	4,2	2,5	1,68	59,5	2,1	1,8	1,17
5	4,3	4,0	2,6	1,53	65,0	2,1	1,7	1,24
6	4,1	3,7	2,5	1,48	67,6	2,0	1,6	1,25
7	4,2	3,5	2,1н	1,67	60,0	2,0	1,6	1,25
8	4,0	3,2	2,1	1,52	65,5	1,9	1,7	1,12
9	4,0	–	–	–	–	1,9	1,5	1,27
10	3,9	–	–	–	–	1,7	1,7	1,0
11	3,8	–	–	–	–	2,0	1,8	1,11
12	3,8	–	–	–	–	2,0	1,6	1,25
13	3,5	–	–	–	–	2,0	1,7	1,18
14	–	–	–	–	–	1,9	1,5	1,27
15	–	–	–	–	–	1,9	1,7	1,12
16	–	–	–	–	–	1,9	1,3	1,46
17	–	–	–	–	–	1,7	1,5	1,13
18	–	–	–	–	–	1,7	1,3	1,31
19	–	–	–	–	–	1,7	1,1	1,55
20	–	–	–	–	–	1,5	1,5	1,0

Табліца 3. Памеры згарэлых зярнят пшаніцы са Збаравіцкага гарадзішча ў зборы НМГ І КБ

№ узора	Памеры зярнят, мм		Індэксы		№ узора	Памеры зярнят, мм		Індэксы	
	Даўжыня, L	Шырыня, B	L/B	100·B/L		Даўжыня, L	Шырыня, B	L/B	100·B/L
1	**2**	**3**	**4**	**5**	**1**	**2**	**3**	**4**	**5**
Карузлікавая пшаніца (*Triticum compactum*) (велічыня індэкса 1,1-1,5)									
2	4,5	3,0	1,5	66,7	60	4,6	3,3	1,39	71,7
3	5,0	3,5	1,42	70	70	4,8	3,4	1,41	70,8
4	5,0	3,5	1,42	70	71	4,0	3,2	1,25	80
5	4,25	3,2	1,32	75,3	74	3,9	2,8	1,39	71,8
7	4,2	3,0	1,4	71,4	76	4,5	3,0	1,5	66,7
8	4,5	3,0	1,5	66,7	78	4,3	3,1	1,39	72,1
9	4,25	3,5	1,21	82,4	81	3,8	3,0	1,27	78,9
10	3,6	2,5	1,44	69,4	85	4,2	2,9	1,45	69
11	4,5	3,5	1,28	77,8	91	3,8	2,6	1,46	68,4
13	4,2	3,0	1,4	71,4	92	3,5	2,6	1,35	74,3
16	4,5	3,0	1,5	66,7	93	4,2	2,8	1,5	66,7
20	4,5	3,0	1,5	66,7	94	3,3	2,4	1,38	72,7
22	3,8	2,9	1,31	76,3	95	4,3	3,2	1,34	74,4
28	4,0	3,2	1,25	80	98	4,8	3,5	1,37	72,9
29	3,7	3,2	1,15	86,5	104	5,0	3,8	1,32	76
30	4,0	3,0	1,33	75	107	4,5	3,6	1,25	80
37(н)	4,5	2,8	–	–	112	3,7	3,0	1,23	81,1
38	4,3	3,0	1,43	69,8	113	3,8	3,2	1,19	84,2
42	3,8	2,7	1,41	71,1	119	4,4	3,0	1,47	68,2
44	4,7	3,3	1,42	70,2	120	3,5	2,5	1,4	71,4
46	4,3	3,4	1,26	79,1	126	4,9	3,7	1,32	75,5
50	4,8	3,8	1,26	79,2	130	4,7	3,6	1,31	76,6
57	4,7	3,5	1,34	74,5	133	4,3	3,3	1,3	76,7
58	4,5	3,4	1,32	75,6	138	3,8	2,8	1,36	73,7
144	4,9	3,5	1,4	71,43	219	4,4	3,3	1,33	75
148	4,8	3,3	1,45	68,75	220(н)	3,7	2,8	–	–
150	4,3	3,2	1,34	74,42	221	4,3	3,1	1,39	72,1
152	4,7	3,6	1,31	76,6	223	4,3	3,3	1,3	76,7
155	3,6	2,5	1,44	69,44	225	3,6	2,8	1,29	77,8
160	3,6	3,0	1,2	83,33	226	3,8	2,7	1,41	71,1
162	3,8	3,0	1,27	78,95	230	3,9	2,7	1,44	69,2
164	4,6	3,2	1,44	69,57	231	3,7	2,6	1,42	70,3
165	4,2	3,0	1,4	71,43	235	4,2	2,8	1,5	66,7
166	4,0	2,9	1,38	72,5	238	4,1	3,3	1,24	80,5
167	5,0	3,2	1,56	64	241	4,7	3,2	1,47	68,1

1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
171	4,6	2,9	1,59	63	245	4,4	3,2	1,38	72,7
173	4,3	3,1	1,39	72,1	247	3,7	2,8	1,32	75,7
175	3,8	2,7	1,41	71,1	257	3,8	2,6	1,46	68,4
177	4,7	3,4	1,38	72,3	258	3,7	3,0	1,23	81,1
178	4,0	2,8	1,43	70	265	3,9	2,7	1,44	69,2
182	3,9	3,0	1,3	76,9	270	3,2	2,9	1,1	90,6
183	3,8	2,8	1,36	73,7	272	3,8	3,2	1,2	84,2
190	3,4	2,3	1,48	67,6	274	4,3	2,9	1,5	67,4
191	3,6	2,8	1,29	77,8	275	4,4	3,2	1,4	72,7
194	4,3	3,3	1,3	76,7	277	4,0	2,9	1,4	72,5
196	2,5	2,2	1,14	88	278	4,0	2,8	1,4	70
197	4,5	3,4	1,32	75,6	279	4,5	3,5	1,3	77,8
198	4,8	3,4	1,41	70,8	283	4,6	3,5	1,3	76,1
200	4,9	3,4	1,44	69,4	284	5,0	3,4	1,5	68
201	4,5	3,1	1,45	68,9	285	4,0	2,9	1,4	72,5
205	4,3	3,1	1,39	72,1	287	3,9	2,6	1,5	66,7
210	4,0	2,6	1,54	65	288	4,6	3,1	1,5	67,4
211	4,3	2,9	1,48	67,4	293	4,2	3,1	1,4	73,8
213	4,5	3,4	1,32	75,6	294	4,0	3,0	1,3	75
214	5,2	3,8	1,37	73,1	295	4,3	2,8	1,5	65,1
218	3,7	2,5	1,48	67,6	298	3,2	2,9	1,1	90,6
301(н)	3,6	2,9	–	–	321	4,3	3,1	1,39	72,1
302	3,8	2,6	1,46	68,4	322	4,4	3,1	1,42	70,5
303	4,0	2,8	1,43	70	323	4,2	3,1	1,35	73,8
304	4,2	2,8	1,5	66,7	327	3,9	2,6	1,5	66,7
305	3,5	2,6	1,35	74,3	329(н)	4,05	2,8	–	–
309	3,1	2,7	1,15	87,1	331	3,9	2,7	1,44	69,2
311	3,6	2,4	1,5	66,7	334	3,5	2,6	1,35	74,3
313	4,5	3,4	1,32	75,6	336	3,5	2,7	1,3	77,1
314	4,0	3,0	1,33	75	337	3,6	2,45	1,47	68,1
315	3,7	2,6	1,42	70,3	339(н)	4,2	2,6	-	-
316	3,5	2,6	1,35	74,3	344	4,0	2,8	1,43	70
318(н)	4,4	3,05	–	–	–	–	–	–	–
Мяккая пшаніца (*Triticum aestivum*) (велічыня індэкса 1,56-1,96)									
12	4,7	3,0	1,56	63,8	59	4,2	2,7	1,56	64,3
14(н)	3,75	3,0	–	–	62	5,0	3,3	1,52	66
18(н)	5,0	3,0	–	–	64	3,8	2,0	1,9	52,6
21	4,9	2,7	1,81	55,1	65	3,8	2,5	1,52	65,8
23	4,4	2,5	1,76	56,8	73	4,9	2,7	1,81	55,1

1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
24	4,7	2,9	1,62	61,7	75	4,9	2,9	1,69	59,2
25	5,0	2,9	1,72	58	87	4,6	2,9	1,59	63
26	4,5	2,9	1,55	64,4	88	4,3	2,7	1,59	62,8
32	4,05	2,4	1,68	59,3	89	4,5	2,5	1,8	55,6
35	4,5	2,8	1,6	62,2	90	4,3	2,7	1,59	62,8
36	4,4	2,8	1,57	63,6	96	4,3	2,8	1,54	65,1
39(н)	5,0	2,4	–	–	97	4,7	3,0	1,57	63,8
41	5,2	2,9	1,79	55,8	99	4,0	2,5	1,6	62,5
45(н)	3,9	2,0	–	–	100	4,1	2,7	1,52	65,9
48	4,5	2,8	1,61	62,2	101	3,4	2,2	1,55	64,7
49	5,0	2,8	1,79	56	102	4,3	2,4	1,79	55,8
52	4,3	2,8	1,54	65,1	103	4,4	2,8	1,57	63,6
55	4,7	2,8	1,68	59,6	109	4,3	2,7	1,59	62,8
56	4,3	2,7	1,59	62,8	115	4,1	2,7	1,52	65,9
116	4,3	2,7	1,59	62,8	199	4,1	2,6	1,58	63,4
124	4,8	3,1	1,55	64,6	204	5,0	3,2	1,56	64
127	3,7	2,25	1,64	60,8	206	5,0	3,1	1,61	62
131	5,7	3,4	1,68	59,6	208(н)	4,4	2,8	-	-
132	3,6	2,3	1,57	63,9	209	4,6	3,0	1,53	65,2
135	4,1	2,6	1,58	63,4	212(н)	3,8	2,5	–	–
137	3,9	1,6	2,44	41	216	4,0	2,6	1,54	65
139	4,3	2,7	1,59	62,79	222	3,6	2,1	1,71	58,3
142	4,7	2,7	1,74	57,45	224	4,5	2,6	1,73	57,8
145	4,0	2,2	1,82	55	228	4,6	2,7	1,7	58,7
146	3,6	2,3	1,57	63,89	229	4,3	2,4	1,79	55,8
147	4,5	2,8	1,61	62,22	232	4,7	3,0	1,57	63,8
151(н)	4,2	2,6	–	–	234	4,5	2,8	1,61	62,2
153	3,8	2,2	1,73	57,89	233	4,5	2,5	1,8	55,6
154(н)	3,7	2,3	–	–	236	3,9	2,0	1,95	51,3
156	4,7	2,8	1,68	59,57	239	4,2	2,7	1,56	64,3
157(н)	4,9	2,3	–	–	242(н)	4,3	2,7	–	–
159	3,9	2,3	1,7	58,97	243	4,9	2,7	1,81	55,1
161	4,5	3,0	1,5	66,67	246	4,0	2,3	1,74	57,5
170	4,5	3,0	1,5	66,67	248	4,5	2,9	1,55	64,4
172	4,9	2,9	1,69	59,2	250	3,8	1,9	2	50
174	3,8	2,0	1,9	52,6	252(н)	3,6	2,6	–	–
180	4,3	2,6	1,65	60,5	253	3,9	2,4	1,63	61,5
184	4,8	3,0	1,6	62,5	254(н)	3,5	2,1	–	–
185	4,4	2,8	1,57	63,6	255(н)	4,2	2,3	–	–

1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
186	3,4	2,2	1,55	64,7	256	3,4	2,3	–	–
187	4,5	2,8	1,61	62,2	259	4,5	2,9	1,55	64,4
188	3,8	2,4	1,58	63,2	260	3,6	2,3	1,57	63,9
189	4,3	2,5	1,72	58,1	261	3,6	2,3	1,57	63,9
192	4,0	2,5	1,6	62,5	262	4,6	2,6	1,77	56,5
193	4,5	2,5	1,8	55,6	263	3,8	2,2	1,73	57,9
195	4,5	2,6	1,73	57,8	266	4,1	2,65	1,55	64,6
267	3,8	2,2	1,7	57,9	312	3,1	1,9	1,63	61,3
268	5,1	3,1	1,6	60,8	317	3,7	2,2	1,68	59,5
271	4,7	2,8	1,7	59,6	324	4,5	2,9	1,55	64,4
286	4,2	2,7	1,6	64,3	325(н)	4,6	3,0	–	–
289	4,7	2,6	1,8	55,3	326(н)	4,9	2,25	–	–
290	4,5	2,9	1,6	64,4	330	3,6	2,3	1,57	63,9
291	4,6	2,3	2	50	332	3,9	2,35	1,66	60,3
292	4,4	2,7	1,6	61,4	338	4,0	2,0	2	50
296	4,3	2,1	2	48,8	340(н)	3,8	2,35	–	–
297	4,3	2,1	2	48,8	341	4,0	1,8	2,22	45
299(н)	4,4	2,6	–	–	342	3,7	2,45	1,51	66,2
300	4,1	2,3	1,78	56,1	343	4,0	2,4	1,67	60
306	3,5	2,0	1,75	57,1	345	3,9	2,1	1,86	53,8
307(н)	3,8	2,4	–	–	346	3,15	2,0	1,58	63,5
308	3,6	2,3	1,57	63,9	347	3,35	1,8	1,86	53,7
310	4,5	2,3	1,96	51,1	–	–	–	–	–

(н) – памеры няпоўныя, насенне захавалася часткова

Табліца 4. Размеркаванне ўзораў зярнят пшаніцы са Збаравіцкага гарадзішча па велічыні індэксаў

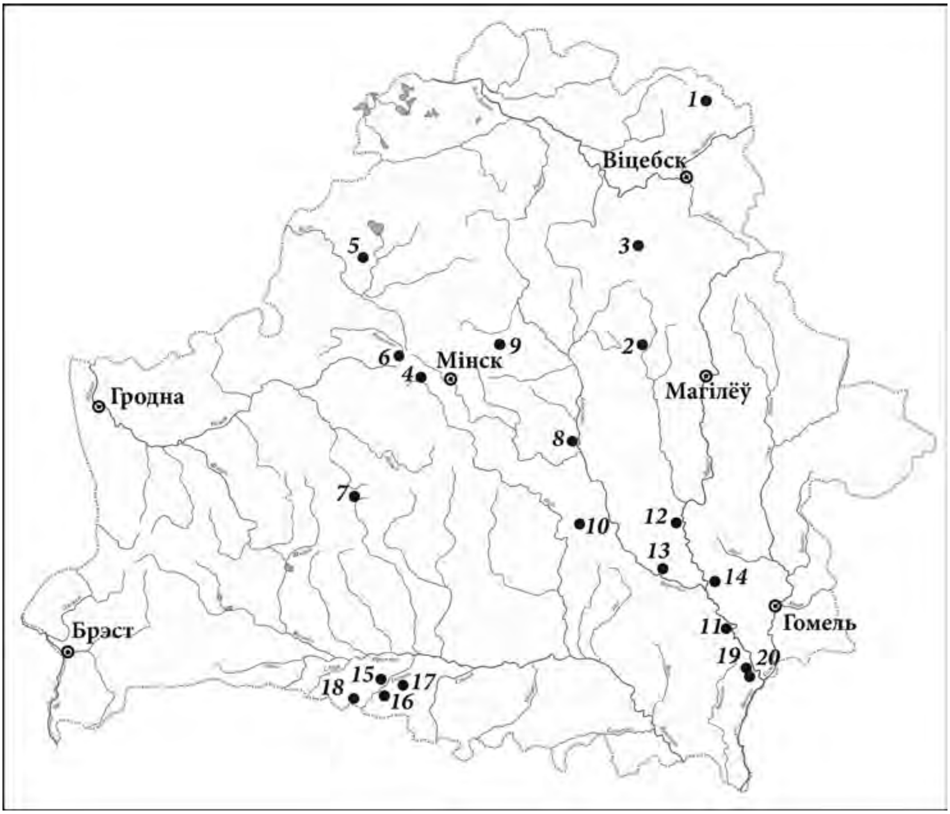
Велічыня індэкса	**Колькасць узораў з дадзенай велічынёй індэксаў**	**Адсоткі з агульнай колькасці**
1,1	3	1,2
1,2	9	3,7
1,3	35	14,4
1,4	52	21,4
1,5	39	16,0
1,6	53	21,8
1,7	23	9,5
1,8	16	6,6
1,9	6	2,5
2,0	5	2,1
2,1	0	0
2,2	1	0,4
2,3	0	0
2,4	1	0,4
Усяго:	243	100

Табліца 5. Памеры згарэлых зярнят ячменя са Збаравіцкага гарадзішча ў зборы НМГ І КБ

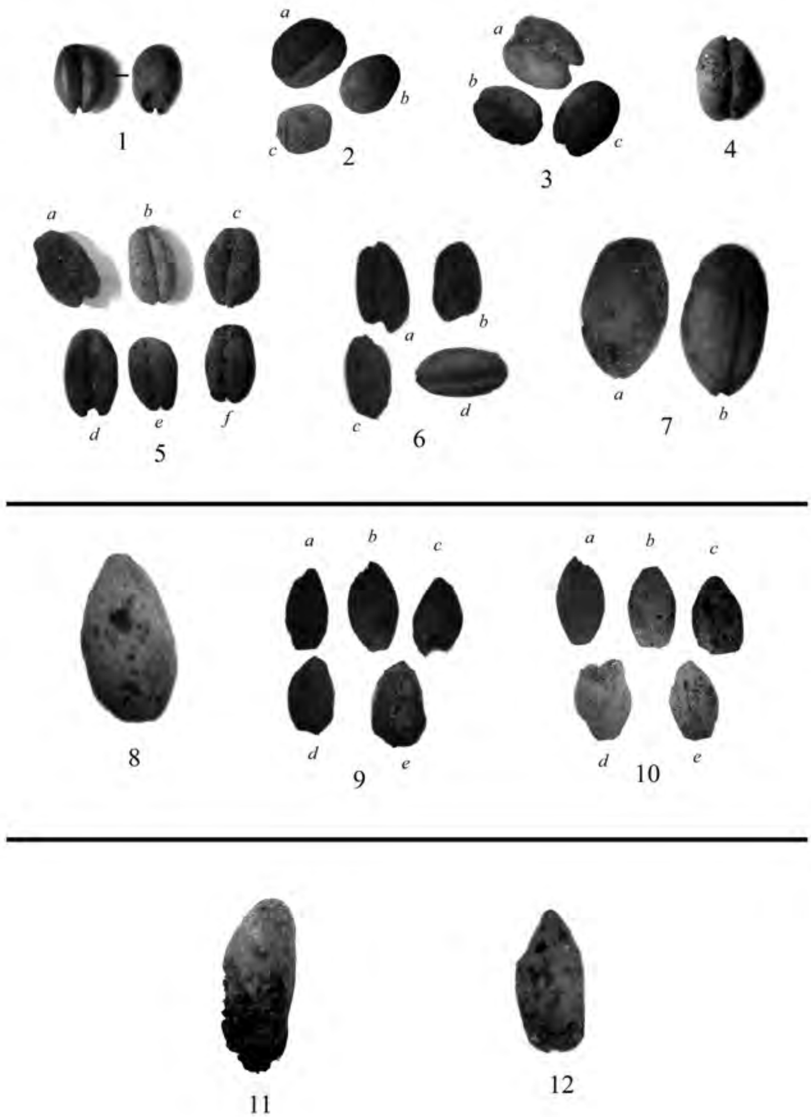
№ узора	Памеры зярнят, мм		Індэксы		№ узора	Памеры зярнят, мм		Індэксы	
	Даўжыня, L	Шырыня, B	L/B	100·B/L		Даўжыня, L	Шырыня, B	L/B	100·B/L
1	**2**	**3**	**4**	**5**	**1**	**2**	**3**	**4**	**5**
1(н)	4,0	3,0	–	–	83(н)	5,3	3,3	–	–
6	6,0	3,25	1,84	54,2	84(н)	5,0	3,5	–	–
15(н)	4,25	2,25	–	–	86	5,3	3,1	1,71	58,5
17(н)	3,6	3,2	–	–	105	5,0	3,5	1,43	70
19(н)	5,3	2,6	–	–	106	4,9	3,3	1,48	67,3
27	5,0	3,1	1,61	62	108	4,8	3,3	1,45	68,8
31	5,4	3,4	1,58	63	110	5,5	3,6	1,53	65,5
33	4,5 (н)	3,2	–	–	111(н)	3,8	2,6	–	–
34	4,3 (н)	2,9	–	–	114	5,1	3,0	1,7	58,8
40	5,8	3,8	1,52	65,5	117	5,0	3,0	1,67	60
43	5,0	3,0	1,67	60	118(н)	5,0	2,9	–	–
47	5,0	3,5	1,43	70	121	5,2	2,9	1,79	55,8
51(н)	4,5	2,9	–	–	122	5,6	3,3	1,7	58,9
53(н)	5,1	2,3	–	–	123	4,5	3,2	1,41	71,1
54	4,8	3,0	1,6	62,5	125	5,2	3,1	1,68	59,6
61(н)	4,7	2,6	1,81	55,3	128	4,5	3,2	1,41	71,1
63	4,3	2,9	1,48	67,4	129(н)	4,4	3,5	–	–
66	4,8	3,2	1,5	66,7	134(н)	4,4	2,7	–	–
67	4,7	3,0	1,57	63,8	136	5,0	2,8	1,79	56
68	4,5	3,0	1,5	66,7	140	5,2	3,2	1,63	61,54
69	4,7	3,0	1,57	63,8	141	4,6	3,4	1,35	73,91
72	4,8	2,5	1,92	52,1	143	4,2	3,0	1,4	71,43
77	4,8	3,1	1,55	64,6	149	5,0	3,2	1,56	64
79	4,2	3,4	1,24	81	158(н)	3,9	3,2	–	–

1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
80(н)	3,7	3,3	–	–	163(н)	4,5	2,2	–	–
82(н)	3,6	3,2	–	–	168(н)	4,9	3,6	–	–
169	4,8	3,8	1,26	79,17	249	5,0	3,0	1,67	60
176(н)	4,4	3,9	–	–	251	4,3	2,8	1,54	65,1
179(н)	4,1	2,9	–	–	269	4,6	3,2	1,4	69,6
181	5,7	3,6	1,58	63,2	273	4,3	3,0	1,4	69,8
202	4,3	3,7	1,16	86	276	5,6	3,0	1,9	53,6
203	4,6	3,1	1,48	67,4	280(н)	4,5	3,2	–	–
207(н)	4,1	3,2	–	–	281	4,7	3,0	1,6	63,8
215	4,8	3,6	1,33	75	282	5,3	2,8	1,9	52,8
217	4,5	3,7	1,22	82,2	319(н)	4,6	3,3	–	–
227(н)	3,4	1,9	–	–	320	5,1	2,4	2,13	47,1
237	4,3	3,2	1,34	74,4	328(н)	3,6	2,8	–	–
240	5,3	3,3	1,61	62,3	333(н)	3,7	2,5	–	–
244(н)	4,2	2,7	–	–	–	–	–	–	–

(н) – памеры няпоўныя, насенне захавалася часткова

Мал. 2. Знаходкі згарэлага зерня пшаніцы і адбіткаў яе на кераміцы з помнікаў эпохі ранняга жалезнага веку Беларусі: 1 – Загорцы (Гарадоцкі раён), 2 – Эсьмоны (Бялыніцкі раён), 3 – Новае Сяло (Сенненскі раён), 4 – Банцараўшчына (Мінскі раён), 5 – Гарані (Смаргонскі раён), 6 – Збаравічы (Мінскі раён), 7 – Качановічы (Нясвіжскі раён), 8 – Паліцкае (Асіповіцкі раён), 9 – Прылепы (Смалявіцкі раён), 10 – Пятровічы (Бабруйскі раён), 11 – Гарошкаў (Рэчыцкі раён), 12 – Чырвоная Горка (Жлобінскі раён), 13 – Адрубы (Жлобінскі раён), 14 – Чорнае (Рэчыцкі раён), 15 – Рамель (Столінскі раён), 16 – Струга-1 (Столінскі раён), 17 – Хотамель (Столінскі раён), 18 – Атвержычы (Столінскі раён), 19 – Чаплін (гарадзішча) (Лоеўскі раён), 20 – Чаплін (могільнік)

Мал. 3. Зярняты пшаніц, ячменя і жыта з гарадзішча Збаравічы: 1–4 – карузлікавая пшаніца (1 – узор № 278; 2а – № 198, 2в – № 81, 2с – №3 05, 3а – № 107, 3в – № 162, 3с – № 150, 4 – узор № 112); 5–7 – мяккая пшаніца (5а – № 97, 5в – № 224, 5с – № 161, 5d – № 204, 5е – 216, 5f – № 180, 6а – № 35, 6в – № 32, 6с – № 49, 6d – № 48, 7а – № 55, 7в – № 25); 8–10 – ячмень (8 – узор № 125, 9а – № 320, 9в – № 276, 9с – № 117, 9d – № 54, 9е – № 110, 10а – № 276, 10в – № 125, 10с – № 114, 10d – № 202, 10е – № 121), 11, 12 – жыта (11 –№ 335, 12 –№ 264 (нумары ўзораў адпавядаюць ім жа ў табліцах 3 і 5))

Віталь Сідаровіч

ДЭНАРЫІ ІМПЕРАТРЫЦЫ САБІНЫ СА СКАРБУ З-ПАД ВЁСКІ МАЛЕЧ

4 мая 1993 г. у Бярозаўскім раёне Брэсцкай вобласці паміж вёскамі Малеч і Кабакі (на адлегласці ў 2–3 км ад гэтых населеных пунктаў), у вярхоўях ракі Ясельды (левага прытока Прыпяці), экскаватаршчык крэйдавага кар'ера Васіль Прыгодзіч, знайшоў скарб срэбраных манет. Манеты знаходзіліся ў ляпным гаршку, які стаяў гарызантальна на глыбіні 0,4–0,5 м ад сучаснай дзённай паверхні (Побаль, 1993, с. 180).

Першапачаткова дэпазіт налічваў 408 або 409 манет, але пасля часовага захавання ў Бярозаўскім РАУС іх колькасць скарацілася. У Нацыянальны музей гісторыі і культуры Беларусі ў снежні 1993 г. трапілі 389 манет і гаршчок (НМГ І КБ, Акт прыёма 161 за 1993 г.).

Даследаванне скарба пакуль не завершана, аднак можна зрабіць некаторыя папярэднія высновы:

– 387 манет з'яўляюцца дэнарыямі I–II стст н.э., а 2 манеты – імітацыямі рымскіх дэнарыяў;

– 348 экзэмпляраў атрыбутаваны з рознай ступенню дакладнасці (г.зн. ад вызначэння эміцента да выяўлення дакладных аналагаў па каталогах). Па эміцентах атрыбутаваныя манеты размяркоўваюцца наступным чынам:

Эміцент	**Гады праўлення**	**Колькасць манет у скарбе**
Веспасіян	69–79	1
Даміцыян	81–96	2
Нерва	96–98	1
Траян	98–117	8
Адрыян	117–138	31
Сабіна	Памерла ў 137 г.	3
Элій Вер	136–137	1
Антанін Пій Як цэзар пры Адрыяне	138	1
Як імператар	138–161	85
У т.л. у памяць Фаўсціны Старшай	*Памерла ў 141 г.*	*33*
Марк Аўрэлій Як цэзар пры Антаніне Піі	139–161	22
Як імператар	161–180	66
У т.л. у памяць Антаніна Пія		*12*
У т.л. у памяць Фаўсціны Малодшай		*8*
Фаўсціна Малодшая У праўленне Антаніна Пія	Памерла ў 175 г.	8
У праўленне Марка Аўрэлія		21
Люцый Вер	161–169	9

Люцылла	Памерла ў 182(?) г.	11
Каммод Як цэзар пры Марку Аўрэліі	175–177	2
Як імператар	177–192	65
У т.л. у памяць Марка Аўрэлія		1
Крыспіна		3
Дзідзій Юліян	193	1
Сэпцімій Сэвер	193–211	7

– старшай манетай з'яўляецца дэнарый Веспасіяна 72–73 гг.;
– малодшыя з вызначаных манет датуюцца першымі гадамі праўлення Сэпцімія Сэвера (193–197 гг.);
– 39 дэнарыяў благой захаванасці не вызначаны (большасць з іх, хутчэй за ўсё, належыць дынастыі Антанінаў);
– некаторыя з манет з'яўляюцца, відаць, субэратнымі.

У большасці зарэгістраваных скарбаў рымскіх дэнарыяў ва Усходняй Еўропе прысутнічаюць манеты з выявамі прадстаўніц імператарскай сям'і (Кропоткин, 1961). У Малецкім скарбе таксама маюцца дэнарыі пяці імператрыц: Сабіны, Фаўсціны Старшай, Фаўсціны Малодшай, Люцыллы і Крыспіны.

Жанчыны адыгрывалі не апошнюю ролю ў грамадскім і палітычным жыцці Рымскай імперыі. Зразумела, яны не займалі якіх-небудзь высокіх дзяржаўных пасад. Але некаторыя з іх мелі настолькі вялікі ўплыў на прадстаўнікоў вышэйшай ўлады, што з'яўляліся сапраўднымі гаспадынямі Рыму.

З эпохі Аўгуста звычайнай практыкай стала чаканка манет з выявай жонкі імператара. У некаторых выпадках гаспадар Рыму працягваў выпуск манет з выявай імператрыц і пасля яе смерці (так званая «пасмяротная чаканка») (Sear, 1988).

Адной з імператрыц, што пакінулі значны след у рымскай гісторыі, была Сабіна – жонка імператара Адрыяна. Вібія Сабіна (88–137 гг.), унучатая пляменніца Траяна, у 100 г. ва ўзросце 12 год узяла шлюб з Адрыянам. Узаемаадносіны Сабіны і Адрыяна былі вельмі складанымі. Імператар скардзіўся на панурасць і сварлівасць сваёй жонкі і нават гаварыў, што скасаваў бы шлюб з ею, каб быў прыватнай асобай (Элий Спартиан, XI(3)).

Сабіна памерла ў 137 (138?) годзе. Чуткі абвінавачвалі імператара ў тым, што ён меў дачыненне да яе смерці (Элий Спартиан, XXIIII(9)). Але пасля смерці імператрыцы, па прапанове Адрыяна Сенат прыняў пастанову аб яе абагаўленні, што знайшло адлюстраванне ў чаканцы пасмяротных манет з легендай DIVA AVG(vsta) SABINA (Боская Аўгуста Сабіна) і CONSECRATIO (Абагаўляю) – аурэўсаў, дэнарыяў і сестэрцыяў (Sear, 1988, p. 152).

Што тычыцца прыжыццёвай чаканкі манет Сабіны, дык яна вызначаецца адноснай разнастайнасцю наміналаў: залатыя аўрэусы і квінарыі, срэбраныя кістафоры (тэтрадрахмы), дэнарыі і квінарыі, медныя сестэрцыі, дупондзіі і асы (Sear, 1988, p. 151–152). Іканаграфія гэтых манет неаднародная. Асаблівую цікавасць выклікае выява самой Сабіны, у прыватнасці, яе прычоскі. Звычайна на манетах назіраецца ўстойлівы тып прычоскі імператрыцы. Напрыклад, для Фаўсціны Старэйшай уласцівы завітыя і перавітыя стужкамі валасы, сабраныя назад, а для яе дачкі, Фаўсціны Малодшай – укладзеныя гарызантальнымі хвалямі валасы, якія сабраны ў вузел

на шыі або патыліцы. Для выяваў на прыжыццёвых манетах Сабіны характэрна разнастайнасць прычосак. Часцей за ўсё гэта валасы, якія сабраны ў касу на шыі і ўкладзены валікам на ілбе, а таксама ўвенчаны дыядэмай ці вянком. Радзей – перавітыя валасы (без касы), якія сабраны валікам на ілбе і ўвенчаны дыядэмай або вянком. На пасмяротных манетах валасы Сабіны схаваны пад покрывам (Фролова, Абрамзон, 2001, с. 148–151, 182–193, 235–250).

Легенды на аверсах манетах Сабіны адносна ўстойлівыя: SABINA AVGVSTA (Сабіна Аўгуста) і SABINA AVGVSTA HADRIANI AVG P P (Сабіна Аўгуста [жонка] Адрыяна Аўгуста Бацькі Бацькаўшчыны) (Sear, 1988, p. 151).

На рэверсах манет Сабіны прысутнічаюць выявы багінь Весты, Венеры, Цэрэры, Кібелы, Юноны, а таксама персаніфікацый – Канкордзіі (Згоды), Пудзіцыціі (Сарамлівасці), Піетас (Набожнасці), Індульгенцыі (Даравання) (Cohen, 1882, p. 247–255).

Знаходкі манет Сабіны неаднаразова фіксаваліся на тэрыторыях, сумежных з Беларуссю, у т.л. у Мазовіі (Kubiak, 1979, s. 26, 34, 47, 61, 67, 73, nr. 11, 25, 37, 79, 106, 125), у Літве (Michelbertas, 2001, s. 30, 37, 38), на поўначы Украіны (Кропоткин, 1961, с. 52, 55–56, 73, 91, № 317, 320, 382, 393, 839, 1297; Брайчевский, Винокур, Руденко, 1963, с. 88). На Беларусі яны адзначаны пакуль што толькі аднойчы – гэта тры дэнарыя з Малецкага скарба:

1. Av.: SABINA AVGVSTA. Бюст Сабіны, управа. Валасы сабраны ў касу на шыі і ўкладзены валікам на ілбе, а зверху ўвенчаны дыядэмай. Штэмпель пасунуты ўправа.

Rv.: CONCORDIA AVG. Канкордзія стаіць, улева. У правай руцэ трымае келіх, у левай 2 рагі дастатку.

Рым, 128–137 гг. (Ciołek, 2001, s. 68).

RIC 390 (Hadrian), BMC 929 (Hadrian), Cohen 3[1].

3,01 г. 17,5 мм. С.в. – 7. Проба – 800°.

Зах.: НМГ І КБ, КП 42783/185.

2. Av.: SABINA AVGVSTA. Бюст Сабіны, управа. Валасы сабраны ў касу на шыі і ўкладзены валікам на ілбе, а зверху ўвенчаны вянком.

Rv.: VENERI GENETRICI. Венера стаіць, управа. Праваю рукою ўздымае хустку, а ў левай трымае яблык. Кропкавы абадок.

Рым, 128–135 гг. (Ciołek, 2001, s. 68)[2].

RIC 396 (Hadrian), BMC 944 (Hadrian), Cohen 73, Sear 1189.

2,88 г. 18,0 мм. С.в. – 6. Проба – 750°.

Зах.: НМГ І КБ, КП 42783/270.

3. Av.: SABINA AVGVSTA HADRIANI AVG P P. Бюст Сабіны, управа. Валасы сабраны ў касу на шыі і ўкладзены валікам на ілбе, а зверху ўвенчаны дыядэмай.

Rv.: CONCORDIA AVG. Канкордзія сядзіць на троне, улева. У правай руцэ трымае келіх, левая рука абапіраецца на статуэтку Спес (Надзеі). Пад тронам – рог дастатку.

---

[1] Вызначэнне манет падаецца паводле каталогаў, назвы якіх для зручнасці прадстаўлены ў скарочаным выглядзе: RIC (The Roman Imperial Coinage (Mattingly, H., Sydenham, E.A., Sutherland, C.H.V., Carson, R.A.G., Webb, P.H., Pearce, J.W.E., Brunn, P.M., Kent, J.P.C.), t. 1–10, London, 1923–1994); BMC (Mattingly, H. Coins of the Roman Empire in the British Museum. I–VI. London, 1965–1968); Cohen (Cohen, H. Description historique des monnaies frappées sous l'Empire romain. T. II. Paris, 1882); Sear (Sear, D. R. Roman coins and their values. London, 1988).

[2] У каталозе Дзяржаўнага гістарычнага музея (Масква) падобныя манеты датуюцца 134–137 гг. (Фролова, Абрамзон, 2001, с. 149).

Рым, 128–135 гг. (Ciołek, 2001, s. 68)[1].
RIC 398 (Hadrian), BMC 895 (Hadrian), Cohen 12, Sear 1186.
2,76 г. 18,6 мм. С.в. – 6. Проба – 750°.
Зах.: НМГ І КБ, КП 42783/330.

Дакладны час паступлення на тэрыторыю сучаснай Беларусі вышэй апісаных дэнарыяў вызначыць даволі складана. Для Малецкага скарбу можна вызначыць толькі terminus post quem, г. зн. дату, пасля якой скарб быў закапаны. Улічваючы значную ступень сцёртасці малодшых манет (193–197 гг, Сэпцімій Сэвер), ён быў схаваны не раней за першую чвэрць III ст. Што тычыцца этнакультурнай прыналежнасці гаспадара (гаспадароў?), можна было б меркаваць аб тым, што Малецкі скарб быў пакінуты носьбітамі вельбарскай культуры. Але такой думцы пярэчыць адсутнасць дакладна вызначаных вельбарскіх помнікаў у вярхоўях Ясельды. Бліжэйшы помнік гэтай культуры, грунтовы могільнік Пятровічы, знаходзіцца за 60–65 км на паўднёвы захад ад вёскі Малеч, у басейне Заходняга Буга (Белявец, 2006, с. 90–91).

Літаратура

1. **Белявец, В.Г.** Папярэднія вынікі вывучэння могільніка вельбарскай культуры Пятровічы (Белая Гара) // ГАЗ. № 22. 2006. С. 79–101.

2. **Брайчевский, М.Ю., Винокур, И.С., Руденко А.Д.** Новоград-Волынский клад римских монет // Нумизматика и сфрагистика. Вып. I. 1963. С. 87–94.

3. **Кропоткин, В.В.** Клады римских монет на территории СССР / САИ. Вып. Г4–4. М., 1961.

4. **Побаль, Л.** Новы скарб рымскіх сярэбраных манет з Беларусі // Час, помнікі, людзі. Памяці рэпрэсаваных археолагаў. Мн., 1993. С. 180.

5. **Фролова, Н.А., Абрамзон, М.Г.** Римские монеты в собрании государственного исторического музея. Каталог. Ч. II. Ранняя империя. От Августа до Коммода. М., 2001.

6. **Элий Спартиан.** Жизнеописание Адриана // ВДИ. 1957. №1. С. 257–269.

7. **Ciołek, R.** Katalog znalezisk monet rzymskich na Pomorzu. Warszawa. 2001.

8. **Cohen, H.** Description historique des monnaies frappées sous l'Empire romain. T. II. Paris, 1882.

9. **Kubiak, S.** Znaleziska monet rzymskich z Mazowsza i Podlasia. Wrocław. Warszawa. Kraków. Gdańsk. 1979.

10. **Mattingly, H.** Coins of the Roman Empire in the British Museum. III. London, 1967.

11. **Michelbertas, M.** Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum. Litauen. Vilnius. 2001.

12. **Sear, D. R.** Roman coins and their values. London, 1988.

[1] У каталозе Дзяржаўнага гістарычнага музея (Масква) падобныя манеты датуюцца 128–134 гг. (Фролова, Абрамзон, 2001, с. 148).

Vital Sidarovitch

Denarii of Empress Sabina from the Malech Hoard

A moulded pot containing 408 or 409 silver coins was found between Malech and Kabaki villages in Biaroza district of Brest region, in upstream of the River Yaselda (left confluent of Prypiats).

In May 1993 the pot and 349 coins were transmitted to the National Museum of History and Culture of Belarus in December 1993. 387 of this coins were roman denarii and two imitations of roman denarii. The emissents were detained for 348 coins – they are Vespasian, Domitian, Nerva, Trajan, Hadrian, Sabina, Aelius, Antoninus Pius, Marcus Aurelius, Faustina Junior, Lucius Verus, Lucilla, Commodus, Crispina, Didius Julianus and Septimius Severus. 39 dinarii remain undefined.

Malech hoard contains 3 denarii of Empress Sabina. No finds of such coins were registered on the territory of contemporary Belarus.

Фота 1. Дэнарыі Сабіны з Малецкага скарбу

СЯРЭДНЕВЯКОВАЯ АРХЕАЛОГІЯ

Иван Еремеев, Георгий Штыхов

ДРЕВНИЙ ЛУКОМЛЬ. ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ[1]

Археологический комплекс у деревни Лукомль Чашникского района Витебской области (древнерусский город Лукомль) включает городище «Замок» на правом берегу реки Лукомки (приток реки Улла, левого притока реки Западная Двина); селище 1, расположенное у северного подножия городища в речной излучине; селище 2, лежащее напротив, на левом берегу. Возле поселений отмечено 4 курганных могильника, ближайший из которых располагался на территории поселения 2 (рис. 1:3).

Древности Лукомля исследовались Г.В. Штыховым в течение семи полевых сезонов (Штыхов, 1967; 1968; 1969а; 1970; 1971; 1973; 1974). На городище вскрыто 700 м^2 (раскопки 1966–69, 1971, 1973, 1974 гг.), на селище 1 – 620 м^2 (раскопки 1967, 1969, 1970 гг.). На селище 2 исследовано 244 м^2 (раскопки 1973, 1974 гг.), а также изучены культурные напластования, выявленные под раскопанным в 1967 г. курганом. Основные результаты полевых изысканий в Лукомле и бóльшая часть вещевых находок опубликованы автором раскопок (Штыхов, 1969б; 1978).

Древнейшие напластования городища содержат керамику днепро-двинской культуры. Ранний слой был почти полностью уничтожен в последующее время и сохранился лишь кое-где, преимущественно в материковых ямах (Штыхов, 1978, с. 43). Наиболее насыщенные культурные горизонты относятся к трем хронологическим периодам – ко второй-третьей четверти I тыс. н.э., к последней четверти I тыс. н.э., и к XI–XIII вв.

Древнейшему хронологическому периоду соответствует черный гумусный слой, выявленный в восточной части раскопа под первоначальным оборонительным валом. На площадке вне вала слои этого времени в культурных напластованиях не прослеживаются. Здесь черный слой содержит материалы второй-третьей четверти I тыс. н.э. наряду с более поздними находками. Поскольку поверхность материка в пределах раскопа неровная, мы не можем использовать привязки находок к пластам для выделения синхронных комплексов находок в пределах всей вскрытой площади. Сделать это возможно только для восточной части раскопа.

Стратиграфия укреплений указывает на два строительных этапа и на два разрушительных пожара (рис. 1:1). Первоначальный вал (время его создания установить пока невозможно), возведенный из желтого песка на слое второй-третьей четверти I тыс. н.э., имел какие-то деревянные конструкции на вершине, которые были сожжены и обрушились вниз по склону. Зафиксированы их остатки в виде обугленных бревен, лежавших вдоль бровки вала, и в виде слоя угля на внешнем скате вала. Высота первоначального земляного укрепления составляла не менее 2 м.

[1] Работа выполнена при поддержке RSS, грант № 1591/1999.

После пожара оборонительные сооружения были усилены. Изнутри вал был подсыпан культурным слоем с камнями, с внешней стороны было сделано несколько подсыпок (последняя из них – из светло-желтого грунта). На вершине нового вала, получившего высоту около 3 м, были вновь поставлены деревянные конструкции, характер которых остался неясен. Постройки располагались по краям площадки – именно здесь выявлен наиболее мощный и насыщенный раннесредневековый культурный слой. В центральной части городища находок последней четверти I тыс. н.э. почти нет.[2] Укрепления этого периода гибнут в мощном пожаре, охватившем всю площадку поселения. Слой угля, образованный рухнувшими оборонительными конструкциями, прослежен поверх слоя светло-желтого грунта на внешнем скате вала, и на его гребне поверх подсыпки, сделанной из культурного слоя.[3] В восточной части площадки у вала исследованы остатки сгоревшего сооружения, среди которых найдены два лепных сосуда.[4] Поблизости в том же пласте обнаружены два ланцетовидных наконечника стрел.[5] Ещё один аналогичный наконечник найден в десятке метров к востоку от этой постройки (?) неглубоко под дерном с внешней стороны вала. Все эти находки, сделанные в напольной части городища, говорят, видимо, о военном разгроме укрепленного поселения.[6] Таково лукомльское городище.[7] Материалы раскопок селищ не позволяют делать выводы об их стратиграфии.

Поскольку в ходе раскопок неоднократно отмечалось совместное залегание в слое городища и селищ материалов третьей и четвертой четверти I тыс. н.э., имеет смысл рассмотреть весь комплекс лепной керамики Лукомля целиком (кроме лишь посуды днепро-двинской культуры), не исключая возможности сосуществования здесь на протяжении какого-то времени керамических традиций, родившихся в различные исторические эпохи.

Коллекция лепной керамики Лукомля второй – четвертой четверти I тыс. н.э., хранящаяся в фондах Института истории Национальной академии наук Беларуси, насчитывает 148 фрагментов венчиков сосудов, 4 целых сосуда (из них мы публикуем 3), 9 обломков лепных сковородок (рис. 13:1). В собрание входят также обломки двух миниатюрных лепных сосудиков (рис. 10:2:19, 20). Составить представление о

---

[2] Например, в раскопе III (квадраты 62–89) (рис. 1:2) зафиксирован лишь один фрагмент лепной посуды VIII–X вв., причем в переотложенном виде в верхних пластах (Штыхов 1968, л. 11).

[3] В западной части площадки следов укреплений последней четверти I тыс. н.э. при раскопках не выявлено. Слой пожара с позднелепной керамикой лежал здесь прямо на более раннем культурном слое. Возможно, в конце I тыс. н.э. со стороны высокого обрыва, обращенного к реке Лукомке, городище не имело валов. Впрочем, не исключено, что они смыты рекой (Каваленя, 1932, с. 189).

[4] В пласте 10 квадратов 20, 21, 24, 25.

[5] В квадратах 15 и 25.

[6] В этом нас убеждает также большое количество найденных на городище и открытом поселении разнотипных ланцетовидных наконечников стрел – оружия профессиональных воинов. Необычно многочисленные находки этого рода не подкреплены, как нам кажется, соответствующим количеством иного «дружинного» инвентаря, в результате чего создается впечатление их случайного характера. Вероятно, часть их попала в культурный слой во время нападения. Это подтверждается и наличием в коллекции стрел с деформированными лезвиями, а также с погнутыми и обломанными черенками (рис. 14:2, 11–16) – следами попаданий в твердые предметы.

[7] Поверх пожарища на валу и близ него прослеживаются и следы более поздних реконструкций, произведенных в древнерусское время, однако, их описание уже выходит за рамки нашей задачи.

форме верхней части сосуда позволяют 78 фрагментов венчиков.[8] Все они представлены на таблицах.

Керамика гладкостенная, грубая, с примесью дресвы (чаще всего некалиброванной). В некоторых случаях в тесте присутствуют незначительные следы растительной органики. Поверхность сосудов заглажена, но зерна дресвы выступают на поверхность, делая её неровной и шероховатой. Цвет фрагментов обычно серо-коричневый, пятнистый от неравномерного обжига. На многих черепках заметны нагар и копоть.

С точностью восстановить общие пропорции сосудов коллекция не позволяет из-за небольших размеров большинства обломков. Стоящая перед нами задача заключается в том, чтобы сделать попытку расчленить материал по признакам, доступным в изучении небольших фрагментов. В качестве таких признаков использовано расположение на корпусе сосуда максимального расширения, в случае если высоту можно предположительно реконструировать, форма венчика, соотношение диаметра венчика и диаметра сосуда в месте наибольшего расширения стенок, визуально определяемая степень резкости перегиба плечика.[9]

По данным признакам можно выделить семь групп сосудов.

Группа 1. Представлена 32 фрагментами и двумя целыми горшками. Наиболее многочисленная группа включает несколько вариантов. Образована сосудами с коническим туловом и округлым плечиком в верхней трети его. Край венчика находится на высоте 2–6 см от места максимального расширения тулова. Высота венчика составляет, обычно, от 1 до 1,5 см; его диаметр меньше диаметра плечика. Поперечник таких горшков по внешнему краю венчика колеблется от 12 до 30 см.

Сосуды данной группы различаются по форме венчика и по плавности изгиба плечика.

Вариант 1. Представлен 24 фрагментами и двумя целыми сосудами. Сосуды с коротким прямым или слегка отогнутым венчиком и округлым плечиком (рис. 2:1; рис. 3, рис. 4). Самый крупный горшок этого типа достигал в диаметре 30 см. Три фрагмента орнаментированы. Два украшены ложногребенчатым штампом (рис. 3:13, 14), один – зигзагообразной насечкой по краю венчика (рис. 3:5).

Вариант 2. Представлен 6 обломками. Сосуды с округлым S-видным изгибом верхней части (рис. 5:1). Диаметр сосудов, которым принадлежали отмеченные фрагменты – до 25 см. Четыре фрагмента орнаментированы пальцевыми вдавлениями по краю венчика (рис. 5:1:1, 2, 3, 6). Два сосуда были дополнительно украшены орнаментальными поясками по плечику.

---

[8] На таблицах, представляющих фрагменты лепной керамики (рис. 2–13), указаны их полевые шифры. Код находок из культурного слоя городища раскрывается следующим образом: первая цифра – номер квадрата, вторая – номер пласта (нумерация пластов ведется сверху вниз). Буква «м» – обозначает поверхность материка, буква «я» - материковую яму. Находки из культурного слоя селища 1 имеют дополнительный индекс «п» перед цифровым шифром. Слово «замок» на некоторых находках указывает на их принадлежность к городищу. Та же система шифров применялась автором раскопок и для вещевых находок (рис. 14–18). Надпись «Лу-?» на публикуемых таблицах означает отсутствие на находке инвентарного номера. Несмотря на это, принадлежность всех приводимых ниже вещей к культурному слою Лукомля не вызывает сомнений.

[9] Группы керамики выделяются в нашей работе визуально и фиксируют скорее тенденции в формовке сосудов, нежели типы керамики. Мы не считаем целесообразной статистическую обработку фрагментов, т.к. раннесредневековая лепная керамика часто асимметрична и очень индивидуальна.

Вариант 3. Сосуды отличаются сравнительно высоким (2–2,5 см) прямым венчиком. Найдены фрагменты от двух таких сосудов (рис. 5:2). Диаметр одного из них – 23 см.

Группа 2. Округлобокие сосуды с достаточно плавной S-видной профилировкой верхней части и максимальным расширением в центральной части тулова или несколько выше. Венчик отогнут, его высота составляет 1,5–2 см, над максимальным расширением плечика его край возвышается на 5–6 см. Диаметр по венчику составляет 12–21 см. Представлена десятью обломками венчиков (рис. 6).

На сосуде этой группы встречена орнаментация в виде косой насечки по краю венчика (рис. 6:9), небрежных перекрещивающихся линий в верхней части плечика (рис. 6:8), ложногребенчатого штампа по краю венчика и плечику (рис. 6:1).

Группа 3. Конические сосуды с коротким отогнутым венчиком, край которого отстоит на 2–4 см от места максимального расширения плечика. Диаметр венчика близок к диаметру плечика. Представлены тремя неорнаментированными фрагментами (рис. 7:1).

Группа 4. Реберчатые биконические сосуды с отогнутым венчиком. Представлены двумя фрагментами сосудов со сглаженным низким ребром и лощеной миской (рис. 7:2–4), а также фрагментом горшка с реберчатым перегибом в верхней трети тулова (рис. 8:1). Лишь последний из них можно предположительно отнести к концу I тыс. н.э.

Группа 5. Представлена 11 фрагментами. Сосуды с цилиндрической верхней частью, иногда слегка вогнутой внутрь. Бóльшая часть сосудов имеет отогнутый венчик длиной 1–2 см (рис. 9). Край венчика часто уплощен (эта деталь отличает сосуды группы 5 от основной массы керамики 1–4 групп, имеющей венчик с округлой в сечении кромкой). Место перегиба тулова на большинстве фрагментов утрачено, поэтому общие пропорции сосудов реконструкции не поддаются. В группу могут входить как цилиндро-конические сосуды, так и горшки сглаженных очертаний вплоть до сосудов, близких к баночным. Орнаментация на керамике данной группы отсутствует. Диаметр по венчику колеблется от 15 до 32 см.

Группа 6. Представлена 7 обломками венчиков. Сосуды закрытой формы с конической верхней частью тулова и отогнутым наружу венчиком высотой 1–2 см (рис. 10:1). К этой группе относятся фрагменты двух биконических сосудов, один из которых восстанавливается почти полностью (рис. 11:1). Орнаментация на сосудах данной группы не встречена. Диаметр по венчику у двух реконструируемых горшков составляет 13 и 20 см.

Группа 7. Включает 10 обломков (рис. 12) и один целый горшок (Штыхов, 1978, рис. 2:1). Слабопрофилированные сглаженно-округлобокие сосуды. Венчик, высотой 2–3 см прямой или слегка отогнутый, возвышается над местом максимального расширения сосуда, как правило, не менее чем на 6 см (рис. 12). Край венчика округлый или уплощенный. Один из сосудов украшен валиком, сформованным из тулова сосуда (рис. 12:3). Другие типы орнаментации неизвестны. В трех случаях встречены сквозные отверстия под венчиком, по-видимому, следы ремонта. Диаметр сосудов – 15–22 см.

Особняком от выделенных групп стоит обломок сосуда с вогнутым внутрь венчиком (рис. 5:4).

Посуда групп 1–3 в целом отличается от керамики последних трех групп более низким качеством. Тесто фрагментов рыхлое, обжиг более слабый, в результате чего черепки часто крошатся и расслаиваются. Впрочем, эта тенденция не является абсолютной – низкокачественная посуда есть и в группах 5–7, так же как и среди первых трех групп встречаются более удачные изделия.

Лепные сковородки представляют собой глиняные диски с невысоким (1–2 см) отогнутым бортиком (рис. 13:1). В одном случае бортик по основанию имеет закраину.

В изученном нами собрании насчитывается 11 обломков венчиков, украшенных разнообразными оттисками, что составляет 23% от общего количества керамики 1–3 групп. Орнаментировался край венчика и плечико. Выделяются следующие элементы орнаментации венчика: отпечатки пальца, узкой щепочки, иногда обмотанной шнуром. Уникальны оттиски на плечике сосуда какого-то С-видного штампа (рис. 5:1:2). Плечики украшались отпечатками пальцев или обмотанной веревочкой щепки. Иногда на верхнюю часть сосуда наносились два ряда пальцевых оттисков – по венчику и по плечику (рис. 5:1:1). Отпечатки ложногребенчатого штампа могли образовывать на плечике ряд косых оттисков или зигзаг. В одном случае под венчиком зафиксирован небрежный орнамент из пересекающихся линий, прочерченных палочкой (рис. 6:8). Редким вариантом орнаментации является луновидный налеп, обнаруженный на придонной части одного из сосудов (рис. 13:2).

По месту находки керамика распределяется следующим образом. Лепная керамика с городища представлена 69 фрагментами и тремя целыми сосудами. Тут же найден и дошедший до нас в коллекции обломок сковородки (рис. 13:1:7). Коллекция лепной посуды с селища 1 насчитывает 64 фрагмента венчиков. Обломки лепных сковородок здесь представлены семью фрагментами (рис. 13:1:2–6, 8, 9). С селища 2 в коллекции происходят всего три обломка верхней части сосудов.

Весь керамический комплекс Лукомля (за исключением посуды раннего железного века) распадается на два блока. Часть коллекции, представленная посудой 4–7 групп, близка керамике киевской культуры и родственной ей тушемлинско-банцеровской культуры. На городище эта керамика тяготеет к нижним напластованиям. Посуда групп 1–3, отложившаяся преимущественно в 9–11 пластах культурного слоя Замка, относится к более позднему времени и может быть датирована последней четвертью I тыс. н.э. Все это было в свое время отмечено автором раскопок. Существенным для нас сейчас является вопрос – возможно ли детализировать хронологию лепной посуды Лукомля последней четверти I тыс. н.э.

Для хронологического расчленения керамического комплекса Лукомля в нашем распоряжении имеется один путь – выделение датирующих предметов и их сочетаний и стратиграфическое соотнесение их с фрагментами керамики определенных групп. При этом важное значение приобретают приводящиеся в полевых отчетах описания отдельных участков культурного слоя.

На городище и селищах в вещевом материале достаточно полно представлена эпоха X–XI вв. К этому времени относятся находки на всех трех поселениях Лукомля ланцетовидных стрел (рис. 14) разных типов (всего за годы раскопок их найдено здесь не менее 16 экземпляров, из них 5 на городище)[10], крупные трапециевидные подвески с рельефным штампованным орнаментом (рис. 15:2–4)[11], обломки односторонних наборных гребней группы 2 по О.И. Давидан и их футляров (рис. 15:1, 6) В этот же комплекс входят, вероятно, обломок литого ладьевидного браслета североевропейского типа (рис. 15:5), ледоходные шипы (рис. 15:7) и ладейные заклепки (рис. 15:8, 9). К тому же периоду относится выявленная на городище и селище 1 грубая кружальная керамика. Дату верхней части нижнего горизонта напластований

[10] Столько находок насчитывает коллекция из Лукомля, хранящаяся в собрании Национального музея истории и культуры Беларуси и Института истории НАН Беларуси.

[11] На селище 1 известны три такие подвески. Они принадлежат к крупным изделиям с тисненой двойной каймой по краю и датируются в Лукомле, видимо, X в. Одна из них найдена в комплексе с раннекруговой керамикой (Штыхов, 1978, с. 48).

городища (черный гумусный слой) дает серебряная монета, найденная в пласте 11 квадрата 93. Монета определена В.Н. Рябцевичем: подражание дирхаму, Саманиды, Наср II Ибн Ахмед, 914–943 гг. н.э. (Штыхов, 1978, с. 44).

Следует упомянуть о таком важном хронологическом индикаторе как бусы. Они требуют отдельного исследования, и здесь мы приводим только предварительную их характеристику по материалам полевых отчетов. Всего в отчетах имеются сведения о находках 56 бус. На городище в пластах 5–9 найдено 15 стеклянных и каменных бус. По полевой документации можно составить представление об 11 из них. Каменных бус найдено четыре – одна хрустальная шаровидная и три сердоликовые – бипирамидальная, призматическая и многогранная. Остальные бусы изготовлены из стекла – синяя ребристая, округлая желтая полупрозрачного стекла, голубая зонная, шестичастная «серебростеклянная» пронизка, «золотостеклянная» боченкообразная буса и две одинарные «лимонки» – желтого и синего стекла. На селище 1 известно 47 бус. Из них 36 экземпляров (77%) – одинарные и двойные, реже тройные «лимонки» желтого и синего стекла. Помимо них встречены две «серебростеклянные» (одинарная и шестичастная) и две одинарных «золотостеклянных» пронизки. Редкие экземпляры представлены зеленой глазчатой, черной шарообразной с белыми петлями, зонной коричневой, зонной голубой, синей циллиндрической со спиральной белой нитью бусами. Единственным экземпляром представлен мелкий рубленый зеленый бисер. Отмечена также находка округлой мозаичной (?) бусы неясного типа. Комплекс бус Лукомля сравнительно беден. Начало его формирования (ориентируясь на хронологию бус Старой Ладоги и Новгорода) следует, по-видимому, относить к X в.

Вышеописанный комплекс инвентаря и украшений типичен для небольших древнерусских раннегородских и военно-торговых поселений и сопоставим, например, с находками в Витебске и Усвяте, Городке на Ловати.

Видимо, в X в. в Лукомле преобладает керамика группы 1 вариант 1. В напластованиях городища два целых сосуда такого типа найдены в слое пожара рядом с двумя ланцетовидными стрелами типа 62 (вариант 2) по А.Ф. Медведеву (рис. 16:1, 2, 5). Еще один похожий сосуд известен в окрестностях Лукомля в кургане № 3 у деревни Слободка, раскопанном Г.В. Штыховым в 1970 г. (рис. 2:2). Сосуд обнаружен в комплексе с шестью гончарными горшками, сопровождавшими трупосожжение (Штыхов, 1970). Находки керамики группы 2 в достаточно надежно датированных напластованиях в Лукомле нам неизвестны, но сама форма этих сосудов, близкая формам раннегончарной керамики X–XI вв., вероятно, предполагает бытование их в данный период.

Из полевой документации и коллекцией можно извлечь информацию о находках 14 фрагментов лепных сковородок – 4 фрагментов на городище в пластах 7–10 и 9 обломков на селище 1. Происхождение одного фрагмента неясно. На открытом поселении все они найдены в пласте 5, в основании культурного слоя, или в материковых ямах. На городище могут быть приблизительно датированы две сковородки – их обломки найдены в пластах 9 квадрата 22 и пласте 10 квадрата 25, рядом с вышеупомянутыми двумя целыми сосудами (Штыхов, 1978, с. 43–44; 1966, л. 27). На селище 1 три обломка сковородок найдены в комплексах X в. с лепной и гончарной керамикой – в ямах 8 и 10 (Штыхов, 1970; 1978, с. 48).

Итак, керамический комплекс Лукомля X в. предстает перед нами вполне различимо. Это преимущественно посуда групп 1-2 групп в сочетании с лепными сковородками. Особенно отчетливо к этому периоду привязывается керамика группы 1 вариант 1.

В вещевом комплексе Лукомля имеется группа средневековых находок, имеющих широкий хронологический диапазон: нож с волютообразным навершием (рис. 17:4), небольшая бронзовая трапециевидная подвеска с поперечно-рифленым нижним краем (рис. 17:6), трапециевидная янтарная подвеска (рис. 17:5), втульчатые двушипные наконечники стрел (рис. 17:1–3). Исследователи связывают распространение ножей с волютообразными навершиями в Восточной Европе с расселением славянских племен (Минасян, 1982) и датируют их в целом VII–X вв. Подвески с поперечно-рифленым нижним краем стилистически близки маленьким подвескам с каймой из прессованных точек по нижнему краю, которые, похоже, образуют раннюю серию (VIII–IX вв.) трапециевидных подвесок в инвентаре культуры смоленских длинных курганов (Гавритухин, 1997, с. 47). Янтарная подвеска в силу простоты своей формы не может быть с абсолютной уверенностью использована для датировки. Аналогичное изделие из староладожской коллекции происходит из горизонта Е (вторая половина VIII – начало X в.) (Давидан, 1984, с. 123). На Холопьем Городке, существовавшем в IX в., подвеска близкой формы найдена в постройке с лепной керамикой, из которой происходит знаменитый клад хозяйственного инвентаря (Носов, Плохов, 1997, с. 135). Все упомянутые находки, не будучи надежными хронологическими индикаторами, создают некий фон, не позволяющий отказаться от предположения о наличии в Лукомле слоев VIII–IX вв. Более определенно в пользу этого говорит коллекция найденных здесь каменных литейных формочек.

Собрание формочек для отливки мелких украшений из легкоплавкого металла включает четыре изделия (рис. 16:4; рис. 18:1–3). Все формочки изготовлены из одной породы камня – желтоватого мелкозернистого песчаника.

Форма 1. Обломок размерами 6×5×1,8 см. На одной из широких плоскостей вырезано углубление для отливки треугольных ажурных бляшек размерами 2×2,2 см, и V-образных бляшек размерами 1,5×1 см (рис. 18:1). Обратная сторона, сильно пострадавшая от сколов, была приспособлена, по-видимому, для отливки крупных круглых подвесок с крестовидным орнаментом.

Форма 2. Имеет размеры 4×4×1 см. На одной из сторон вырезано кольцо диаметром 0,6 см (рис. 18:2). Найдена она на селище 1 в пласте 5 квадрата 67.

Форма 3. Трапециевидная, размерами 4,5×7×1,8 см. Её широкие плоскости предназначалась для отливки подвесок двух типов – колесовидных диаметром 2,5 см и крестовидных с округленными лопастями размерами 2,5×2,5 см. На боковой грани формы вырезано углубление для отливки трапециевидных с решетчатым орнаментом бляшек размерами 2×1 см (рис. 18:3).

Форма 4. Изготовлена из округлого камня размерами 5×6,8×2,3 см. На подтесанной широкой плоскости вырезано углубление размерами 0,5×1,9 см в виде пяти смыкающихся полуовалов (рис. 16:4).

Литейные формочки Лукомля составляют единый культурный комплекс, как и детали убора, для изготовления которых они предназначались. Аналогии им известны в VIII–IX вв. на Северо-Западе России (Псков, Камно, Изборск, Ладога, Хачево и др.) (Тараканова, 1949, 1956а, 1956б; Седов, 1982; Рябинин, 1985, Еремеев, 2001). В то же время, далеко к югу и юго-западу, в круге культур Прага-Корчак – Пеньковка проступает второй ареал широкого распространения этих изделий (Винокур, 1997; Щеглова, 2001; 2002). На юге украшения начинают бытовать значительно ранее – знаменитый комплекс ювелира из Бернашовки его исследователь датирует второй половиной V – первой половиной VI в. (Винокур, 1997, 177). Как следует датировать формочки из Лукомля?

Форма 1, как и форма 3 предназначалась для отливки изделий, составлявших нечто среднее между северными и южными вариантами украшений из свинцово-оловянистых сплавов. Ажурная треугольная бляшка напоминает подвеску на

известной и неоднократно публиковавшейся формочке из Скибницы (Приходнюк, 1998, рис. 70: 11), но более близкие аналогии находит в Старой Ладоге в слоях второй половины VIII в. (Рябинин, 1985, с. 66; 1994) и в Хачево в слое последней четверти I тыс. н.э. (Еремеев, 2001). Аналогии V-образной бляшке нам пока неизвестны. Что касается типа плохо сохранившейся бляхи, изображенной на другой стороне, то датировать его затруднительно. Форма 1 была найдена в западной части площадки городища в пласте 12 квадрата 93, в слое черного гумуса. О датировке пласта 12 на данном участке ничего определенного сказать нельзя. Пласт 11 того же квадрата датируется X–XI вв. по вышеупомянутой находке арабской монеты.

Абсолютно точных аналогий изделиям, вырезанным на форме 3, мы не знаем. Ажурные округлые украшения с перекрестием в центре на Северо-Западе России известны и в оригиналах (Старая Ладога, Хачево), и на литейных формах (Камно, Рыуге). Однако, это, как правило, мелкие бляшки, лишенные ушка, а не подвески. Более близкую аналогию подвеске из Лукомля можно указать на формочке из села Лукьяновка в бассейне Северского Донца (хотя они и орнаментированы по разному). Узко датировать находку из Лукьяновки не представляется возможным (Горюнова, 1987, с. 87, рис. 2:5). То же можно сказать и про крестовидную подвеску. Необходимо отметить, что подвески, отлитые в форме 3, должны были бы выйти довольно увесистыми, что нехарактерно для такого рода украшений, относящихся к VIII–IX вв. Что касается небольшой трапециевидной бляшки с решетчатым орнаментом, то она скорее сходна по форме с небольшими изделиями VIII–IX вв. из северного ареала распространения свинцово-оловянистых украшений (Камно, Изборск, Лоози, Старая Ладога). Все это позволяет рассматривать данную формочку как изделие, отражающее ювелирную традицию, соединяющую в себе как южные, так и северные элементы. Формочка была найдена на селище 2 в 1973 г. (Штыхов, 1973; 1978, с. 52). В рассматриваемой нами коллекции из раскопок селища 2 имеется лепная керамика VIII–X вв. Фрагменты лепной керамики найдены в культурном слое под насыпанным на селище 2 курганом (Штыхов 1967). Наконец, есть и новейшие сведения о находках здесь лепной посуды (Насевіч, 1994, 163, рис. 2). Все это сосуды можно отнести к группе 1.

Форма 4 имеет более определенные аналогии, причем именно в северной группе памятников, для которых характерны украшения из легкоплавких сплавов. Изделия в виде ряда смыкающихся полуовалов найдены в нижних слоях Труворова Городища в Изборске (Седов, 1982, табл. LXVI:1), относящихся к VIII–IX вв.[12] Они известны также на городище Камно, в нижних горизонтах Псковского кремля (Тараканова, 1949, с. 108, рис. 39б: 11, 12) и в Старой Ладоге.[13] В культурном слое Лукомля это изделие имеет стратиграфическую привязку. Форма найдена в центральной части площадки городища в пласте 10 квадрата 61 в черном гумусированном слое. В этом же пласте соседнего квадрата 60 найден фрагмент сосуда группы 2, орнаментированный ложногребенчатым штампом (рис. 6:1:1). Возможно, формочку следует связывать со временем бытования этой керамики.

Таким образом, анализ изображений на литейных формах из Лукомля склоняет нас скорее к поздней (VIII–IX вв.) их датировке. Две формочки найдены на

---

[12] С.В. Белецким была выдвинута гипотеза о прекращении жизни на Труворовом Городище в середине IX в. и об отсутствии здесь слоев вплоть до XI в. Вопрос этот нельзя пока считать окончательно решенным, но отсутствие в Изборске раннегончарной керамики позволяет выделить некий хронологический разрыв в существовании поселения (Белецкий, 1996, с. 27, 32–33). Таким образом, формочки из Изборска датируются временем не позднее начала X в., не позднее последних лет полного господства на Северо-Западе России лепной керамики.

[13] О неопубликованных находках в Камно и Ладоге нам любезно сообщили О.А. Щеглова и А.И. Волковицкий.

городище, по одной – на селищах 1 и 2. В Лукомле работали по крайней мере три мастера – литейщика. Возможно, Лукомль следует рассматривать в этот период как один из центров производства украшений из легкоплавких металлов в Подвинье, подобный городищу Камно или Труворову городищу в Южном Причудье.

Делая вывод о том, что под пластом находок X–XI вв., типичных для раннегородских слоев Древней Руси, в Лукомле проступает более ранний культурный горизонт, относящийся, вероятно, к VIII–IX вв., мы имеем основания предположить, что именно с этим горизонтом следует соотносить начало формирования керамического комплекса (сосуды групп 1–2 и 3(?)), характерного для Лукомля в X в.

Литература

1. **Белецкий, С.В.** Начало Пскова. СПб., 1996.

2. **Винокур, І.С.** Слов'янськи ювелири Поднистров'я. Кам'янець-Подільський, 1997.

3. **Гавритухин, И.О.** Маленькие трапециевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю // ГАЗ. Вып. 12. 1997.

4. **Горюнова, В.М.** К вопросу об оловянных украшениях «антских» кладов // Археологические памятники эпохи железа Восточно-европейской лесостепи. Воронеж, 1987.

5. **Давидан, О.И.** Янтарь Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 25. 1984.

6. **Еремеев, И.И.** Древности VIII–XI вв. на водоразделе Ловати и Западной Двины (по материалам раскопок 1996–1998 гг.) // ТАС. Вып. 4. Т. II. 2001. С. 23–26.

7. **Каваленя, А.З.** Археолёгічныя росшукі ў вярхоўях рэк Друці, Усяж-Бук і Лукомкі // Працы. Т. III.

8. **Минасян, Р.С.** Проблема славянского заселения лесной зоны Восточной Европы в свете археологических данных // Северная Русь и её соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.

9. **Насевіч, В.Л.** Лукомль и Лукомльская воласть // ГАЗ. Вып. 4. 1994. С. 161–186.

10. **Носов, Е.Н., Плохов, А.В.** Холопий Городок на Волхове // Древности Поволховья. СПб., 1997. С. 129–152.

11. **Приходнюк, О.М.** Пеньковская культура. Воронеж, 1998.

12. **Рябинин, Е.А.** Бусы Старой Ладоги (по материалам раскопок 1973–1975 гг.) // Северная Русь и её соседи в эпоху раннего Средневековья. Л., 1982.

13. **Рябинин, Е.А.** Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище в 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога. Л., 1985.

14. **Тараканова, С.А.** Раскопки в Пскове (1945–1947) // КСИИМК. Вып. XXVII. 1949.

15. **Тараканова, С.А.** Псковские городища // КСИИМК. Вып. 62. 1956а.

16. **Тараканова, С.А.** Каменные плитки с рисунками с городища Камно // КСИИМК. Вып. 62. 1956б.

17. **Штыхов, Г.В.** Отчет о раскопках городов Полоцкой земли в 1966 г. / АА ИИ НАН Беларуси, дело № 284. 1966.

18. **Штыхов, Г.В.** Отчет о археологических исследованиях в Северной Белоруссии в 1967 г. / АА ИИ НАН Беларуси, дело № 349. 1967.

19. **Штыхов, Г.В.** Отчет о раскопках памятников Северной Белоруссии в 1968 г. / АА ИИ НАН Беларуси, дело № 315. 1968.

20. **Штыхов, Г.В.** Отчет об исследованиях Полоцко-Витебского археологического отряда в 1969 г. / АА ИИ НАН Беларуси, дело № 350. 1969а.

21. **Штыхов, Г.В.** Раскопки в Лукомле в 1966–1968 годах // Древности Белоруссии. Мн., 1969б. С. 316–351.

22. **Штыхов, Г.В.** Отчет о раскопках в Витебской и Минской областях и разведке в Ивацевичском районе Брестской области в 1970 г. / АА ИИ НАБ, дело № 368. 1970.

23. **Штыхов, Г.В.** Отчет о разведках и раскопках в Северной Белоруссии в 1971 г. / АА ИИ НАБ, дело № 385. 1971.

24. **Штыхов, Г.В.** Отчет об исследованиях в Витебской области в 1973 г. / АА ИИ НАБ, дело № 454. 1973.

25. **Штыхов, Г.В.** Отчет о работах Полоцко-Витебского отряда в 1974 г. / АА ИИ НАБ, дело № 477. 1974.

26. **Штыхов, Г.В.** Города Полоцкой земли. Мн., 1978.

27. **Щеглова, О.А.** К вопросу о месте и времени формирования традиции изготовления свинцово-оловянных украшений в формочках «типа Камно-Рыуге» // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги. СПб., 2001.

28. **Щеглова, О.А.** Свинцово-оловянистые украшения VIII–X вв. на северо-западе Восточной Европы // Ладога и её соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 134–150.

Ivan Yeremeev, Georgij Shtyhov

Ancient Lukoml. Hand-made Pottery and Early Medieval Cultural Layer

Archaeological complex near village Lukoml (Chashniki district Vitebsk region) includes hillfort «Zamok» and two open settlements. Near the settlement four barrow cemeteries are located. The Lukoml antiquities were studied by G.V. Shtyhov.

The authors of the article analyze hand-made pottery of Lukoml, define the chronology and cultural attribution of the settlement materials.

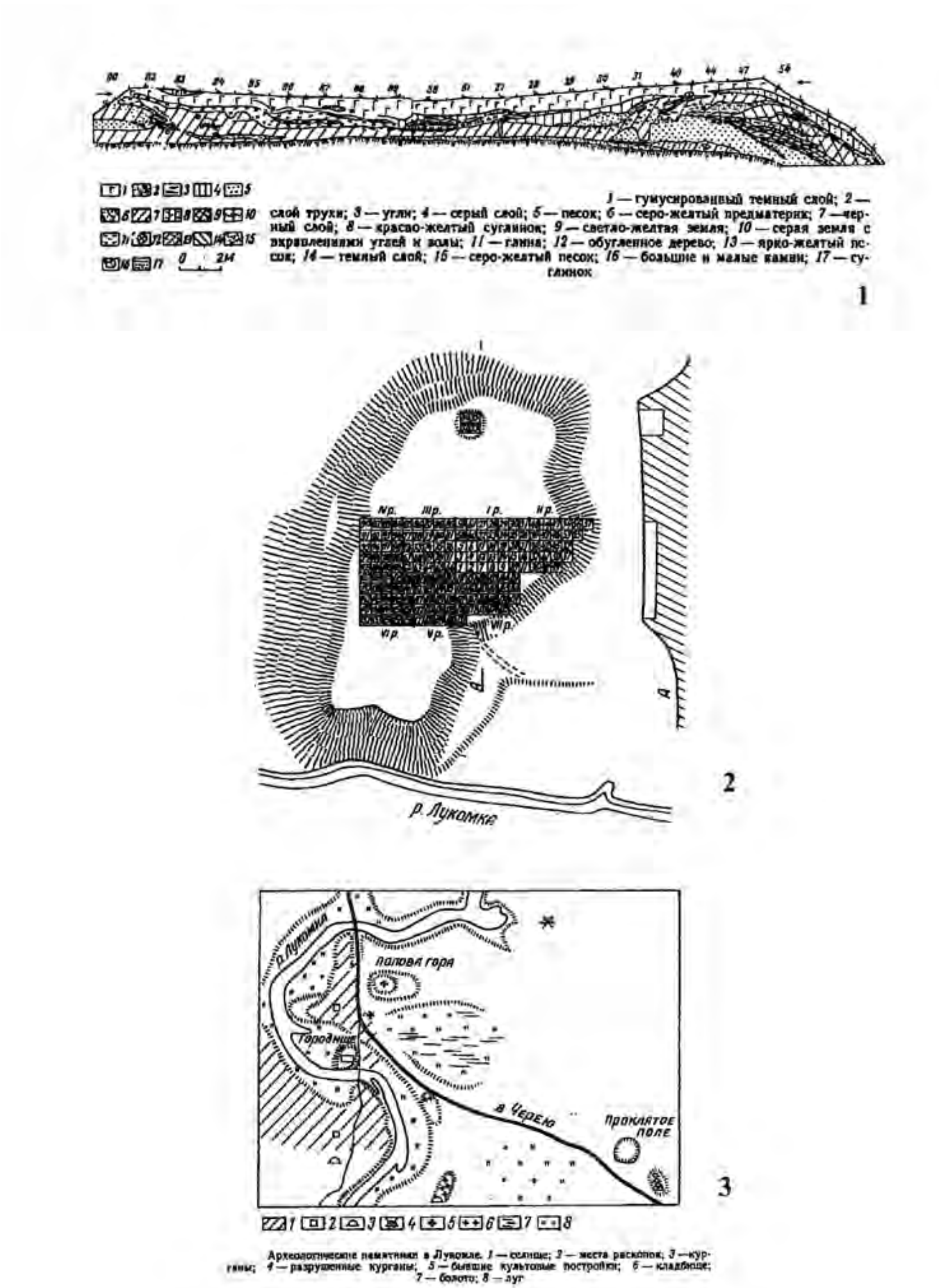

Рис. 1. Древний Лукомль (по Г.В. Штыхову). 1 – разрез культурных напластований центральной части городища; 2 – план раскопа на городище; 3 – комплекс археологических памятников в местечке Лукомль

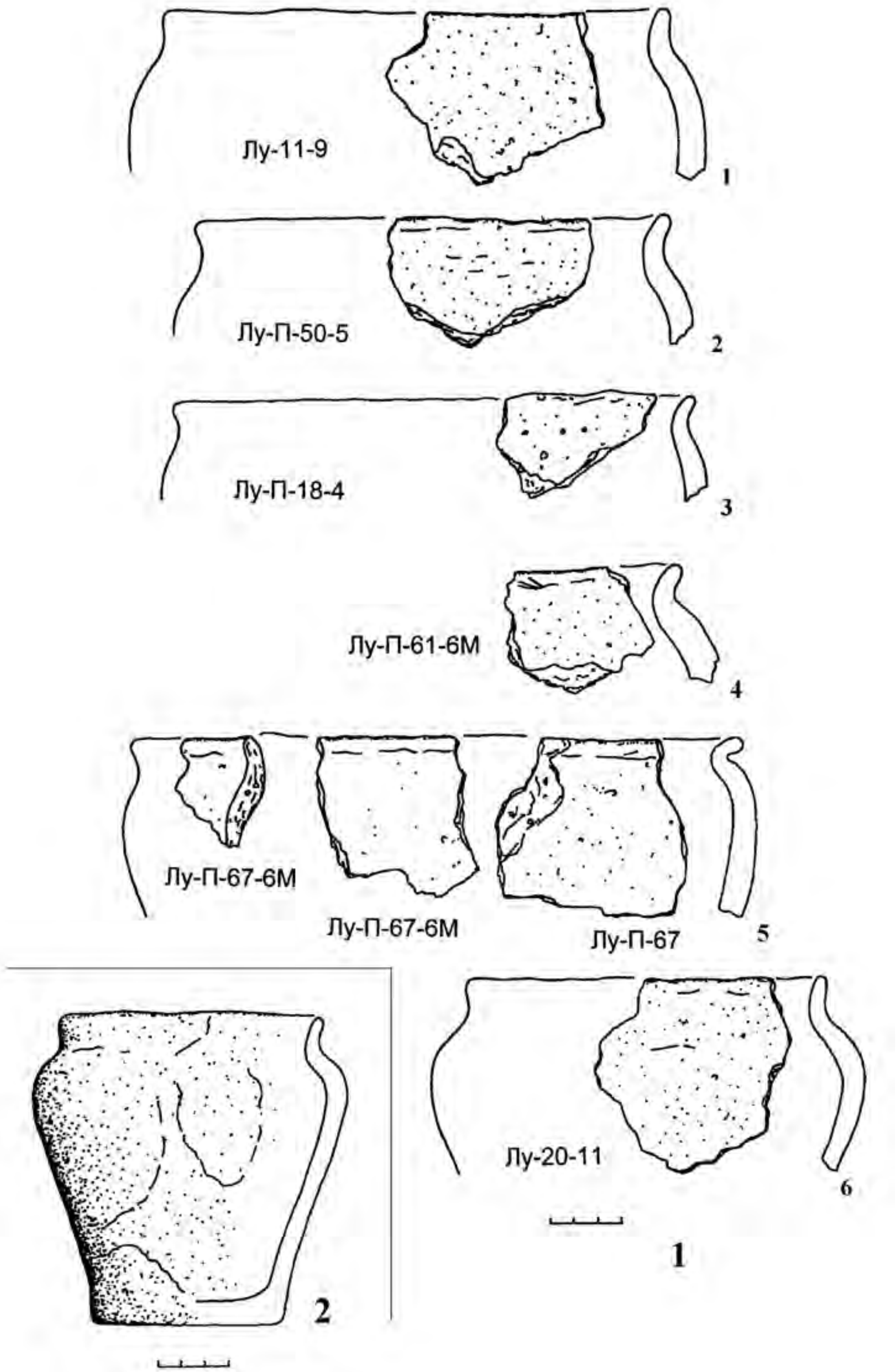

Рис. 2. Лепная керамика Лукомля (1) и окрестностей (Слободка) (2). 1, 2 – группа 1, вариант 1

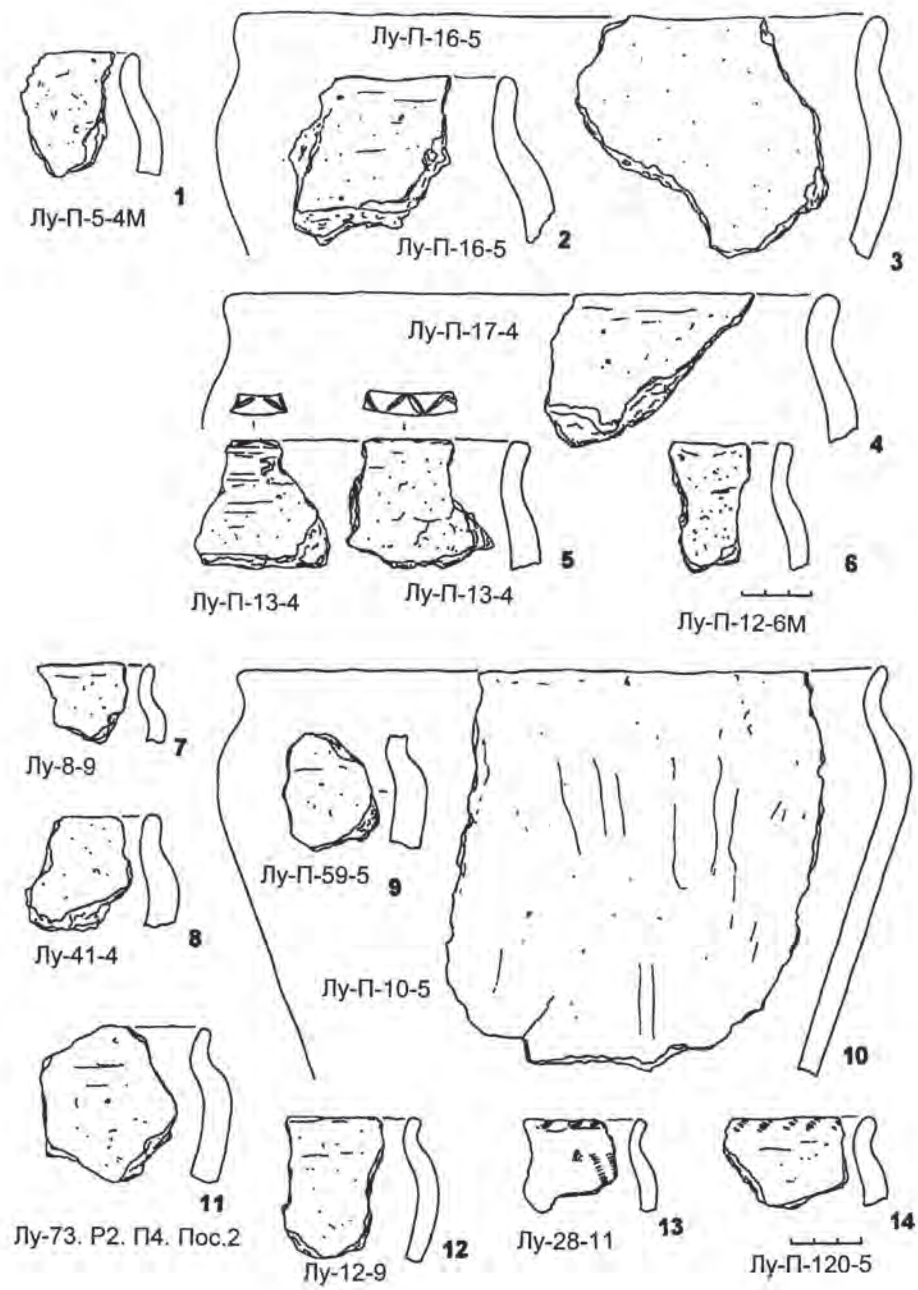

Рис. 3. Лукомль. Лепная керамика. Группа 1, вариант 1

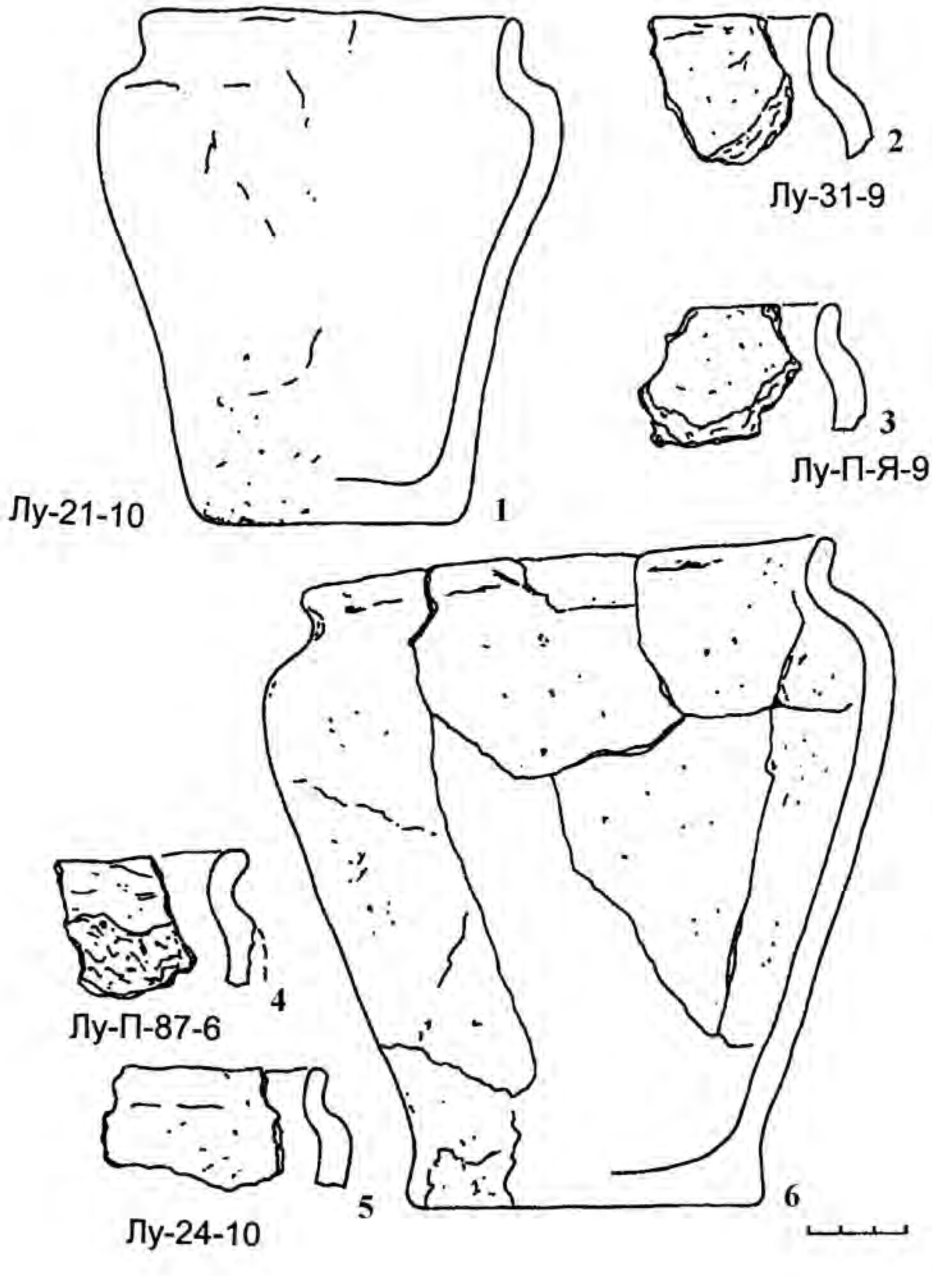

Рис. 4. Лукомль. Лепная керамика. Группа 1, вариант 1

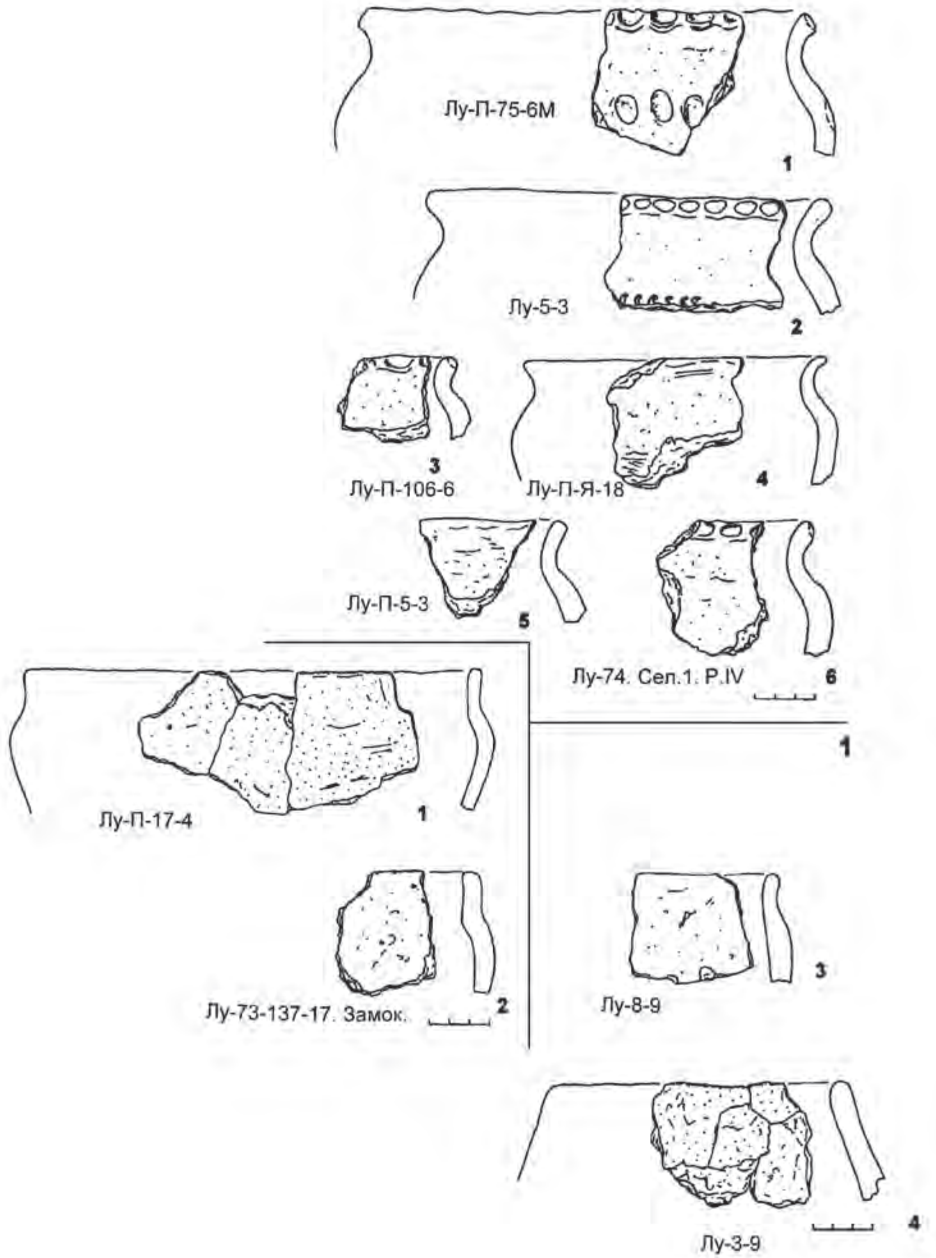

Рис. 5. Лукомль. Лепная керамика. 1 – группа 1, вариант 2; 2 – группа 1, вариант 3; 3, 4 – редкие формы

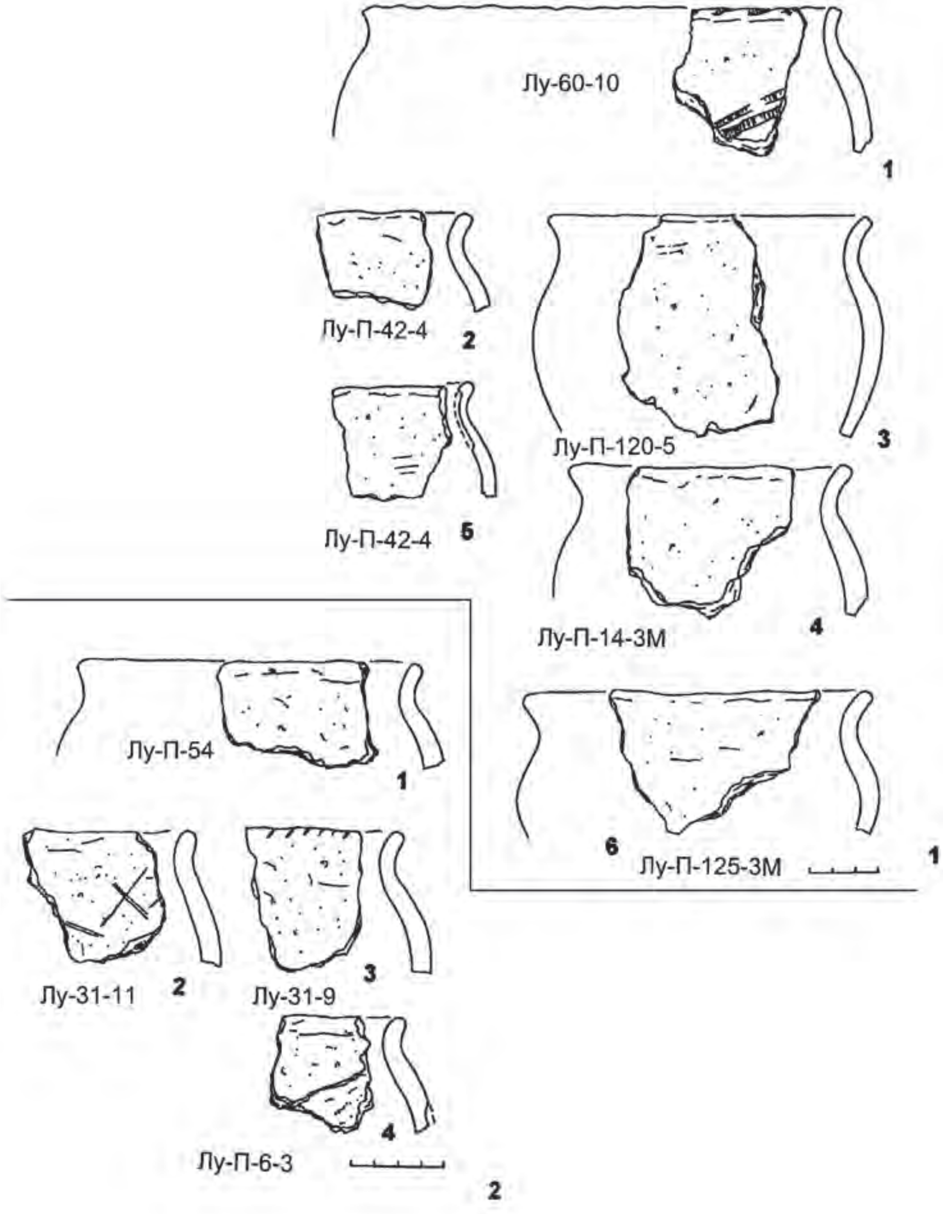

Рис. 6. Лукомль. Лепная керамика. 1, 2 – группа 2

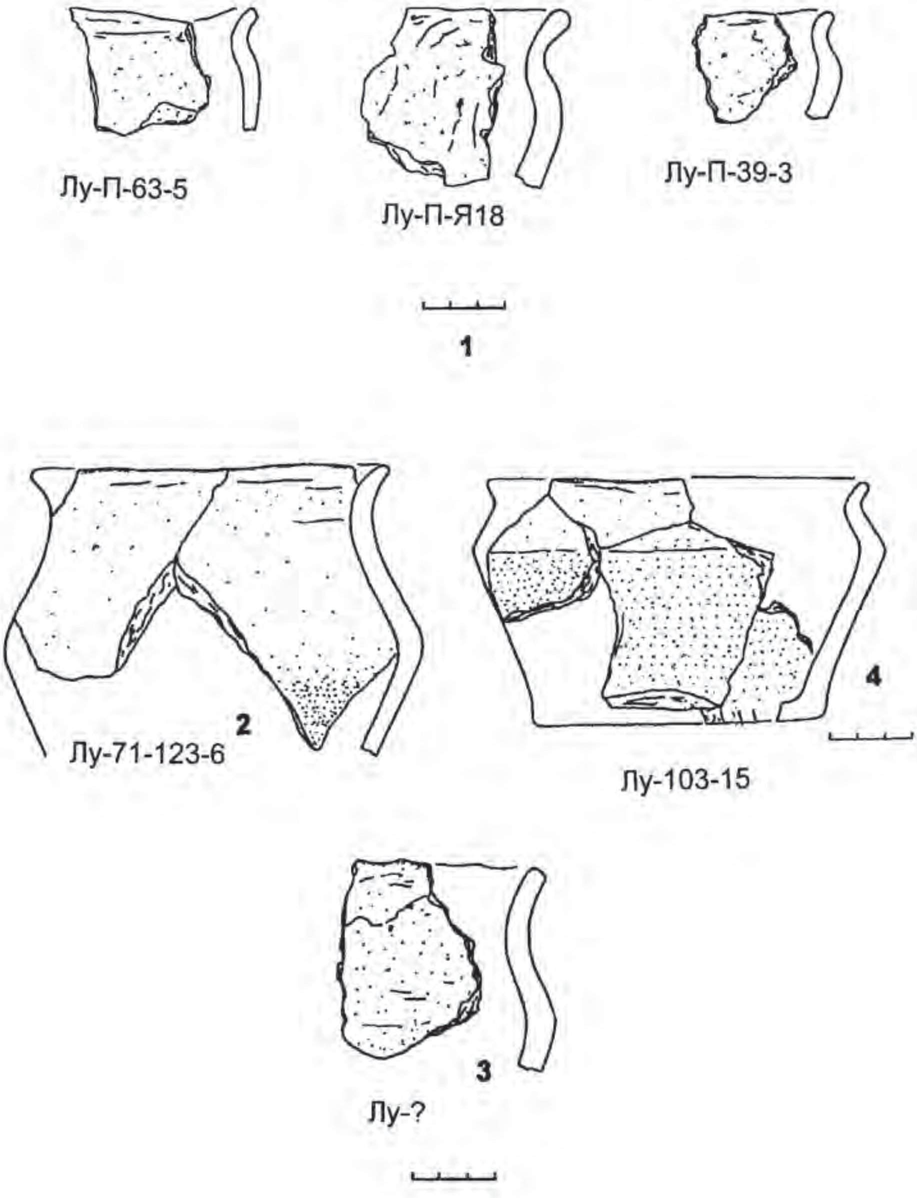

Рис. 7. Лукомль. Лепная керамика. 1 – группа 3; 2–4 – группа 4

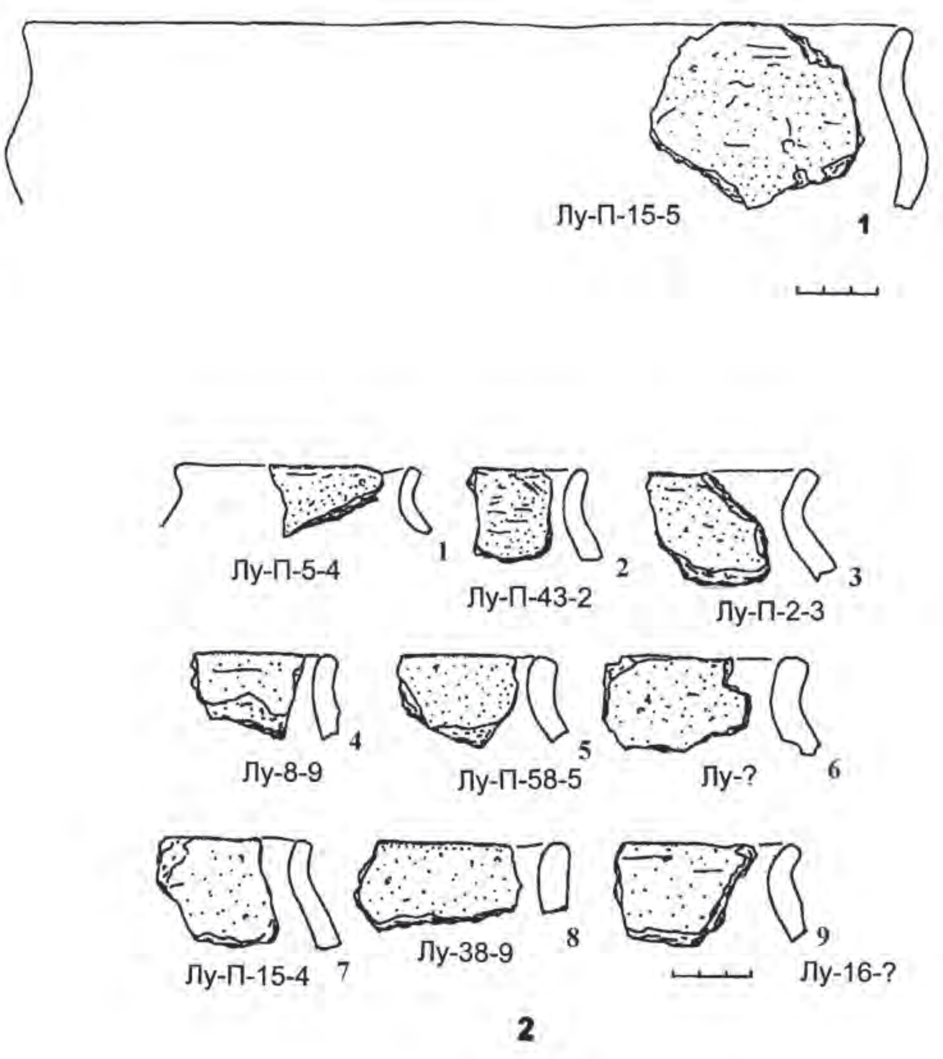

Рис. 8. Лукомль. Лепная керамика. 1 – группа 4; 2 – невыразительные фрагменты

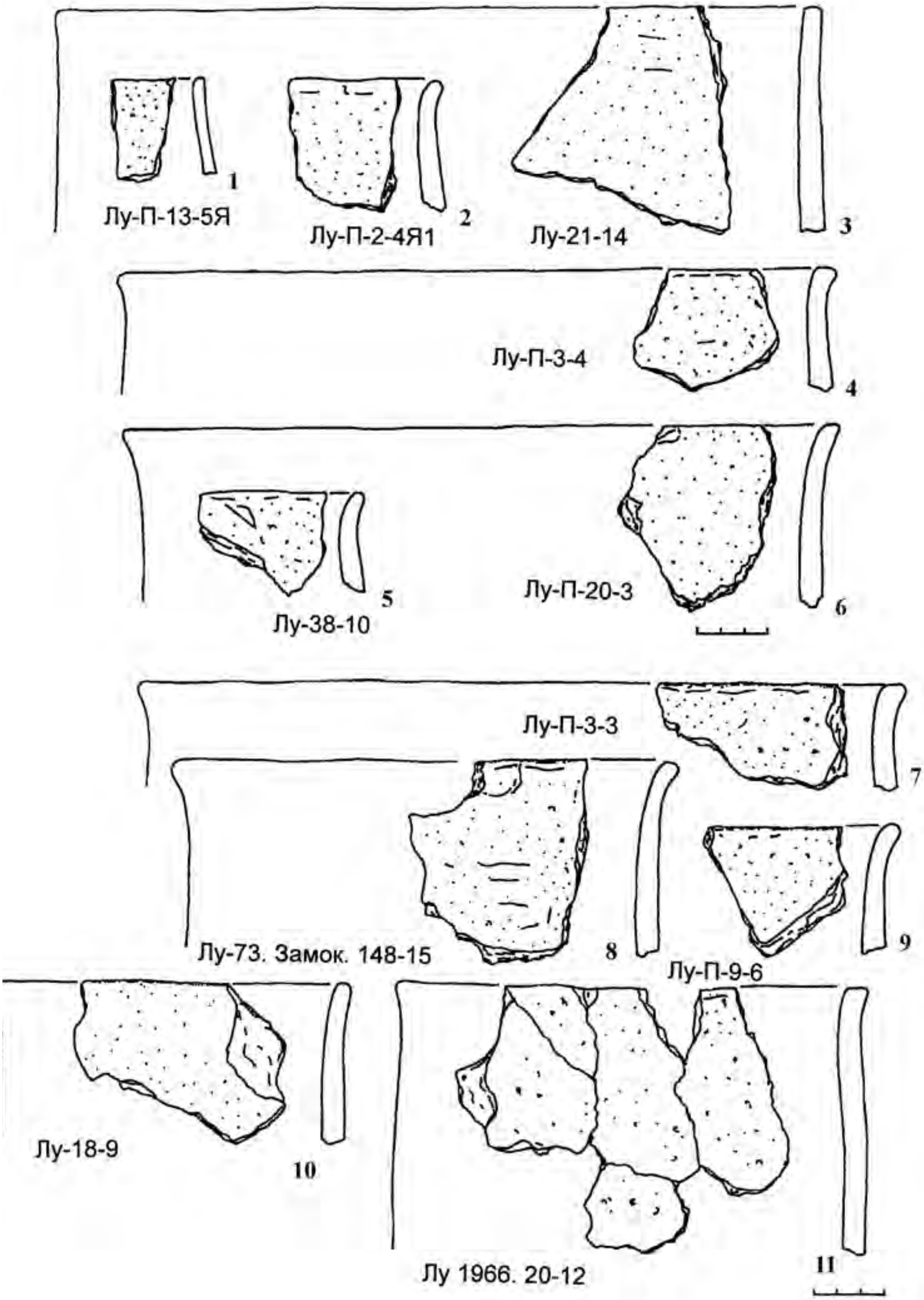

Рис. 9. Лукомль. Лепная керамика. Группа 5

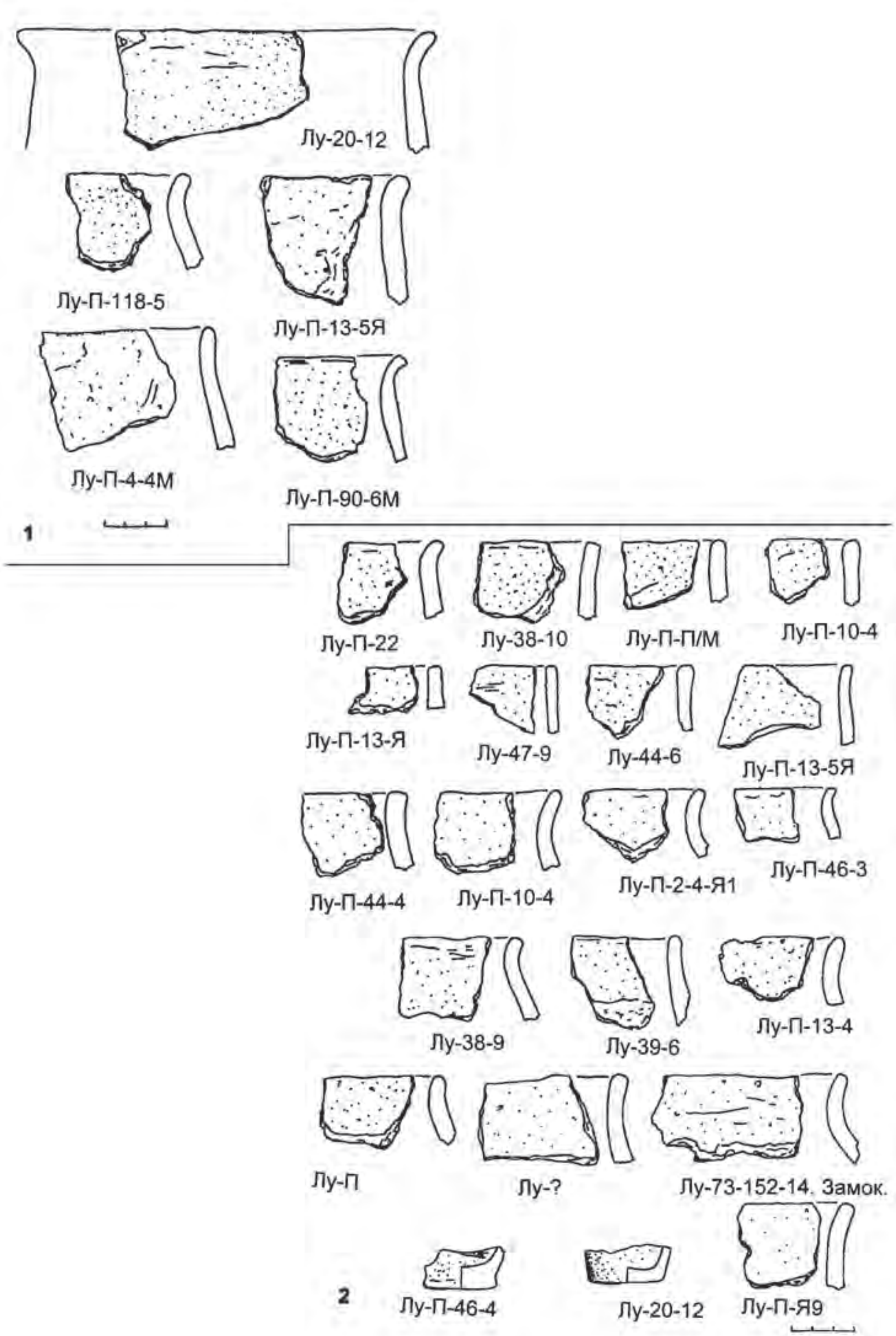

Рис. 10. Лукомль. Лепная керамика. 1 – группа 6; 2 – невыразительные фрагменты сосудов второй-третьей четверти I тыс. н.э.

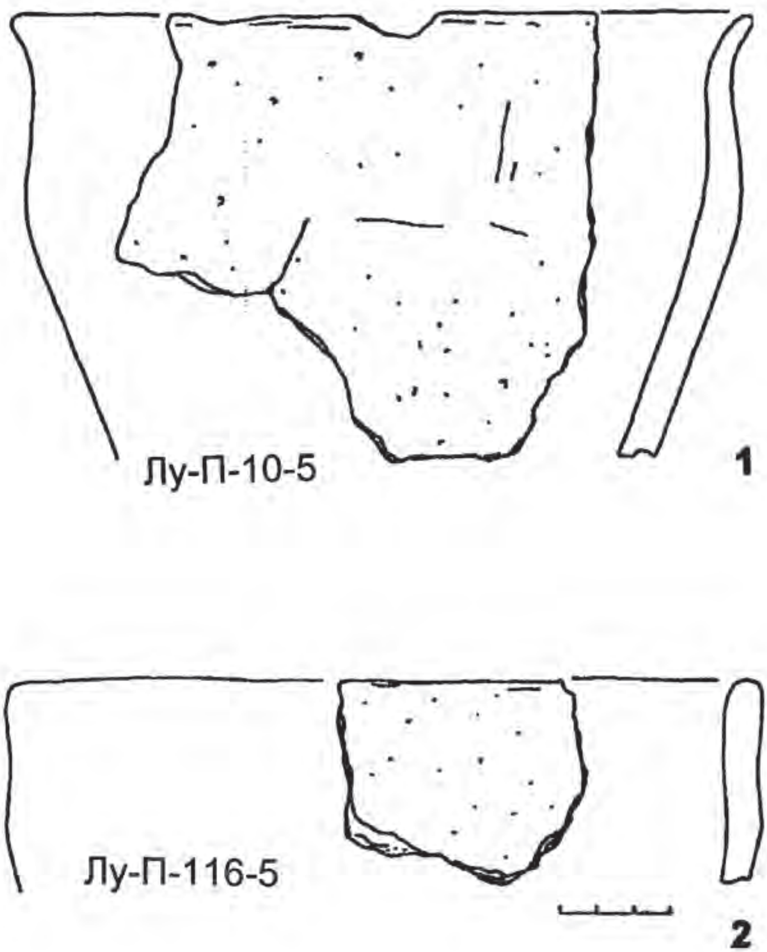

Рис. 11. Лукомль. Лепная керамика. Группа 6

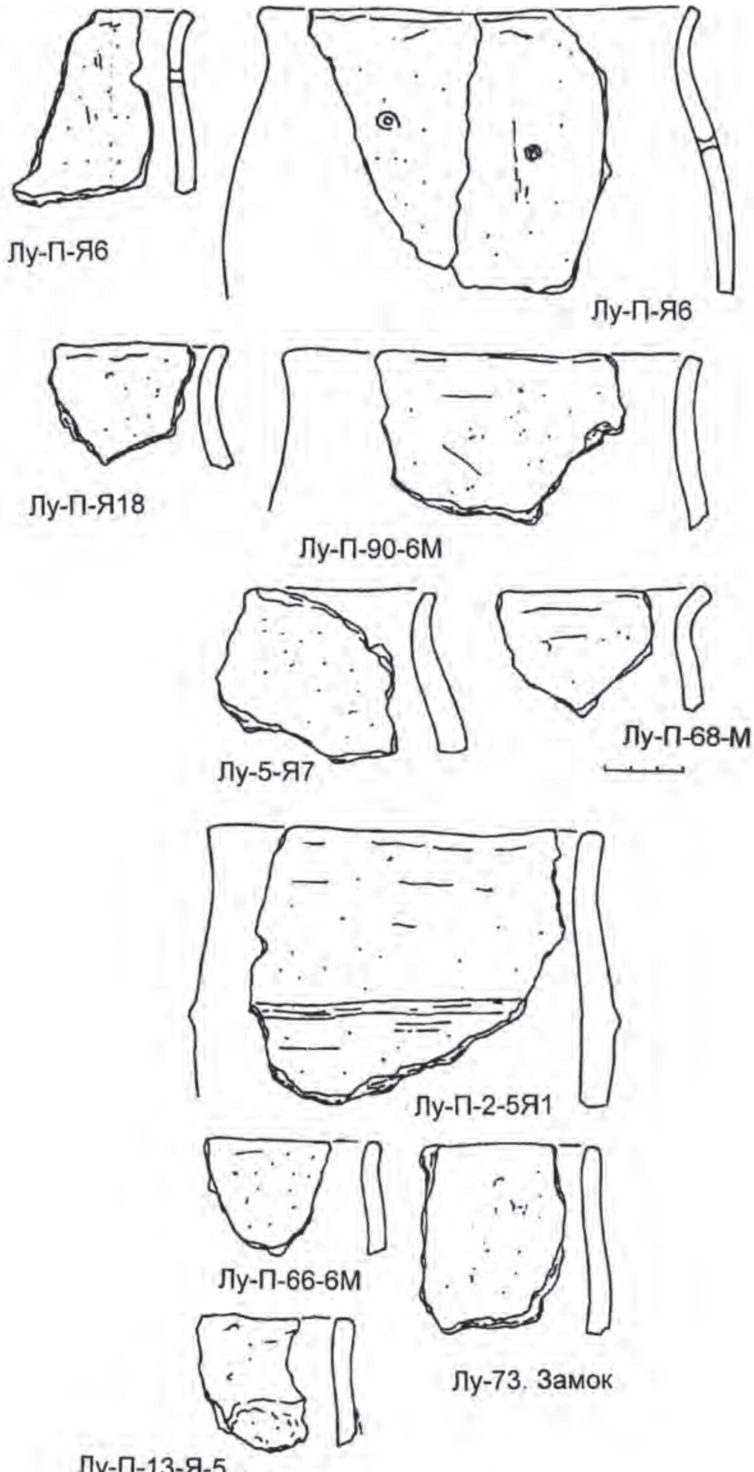

Рис. 12. Лукомль. Лепная керамика. Группа 7

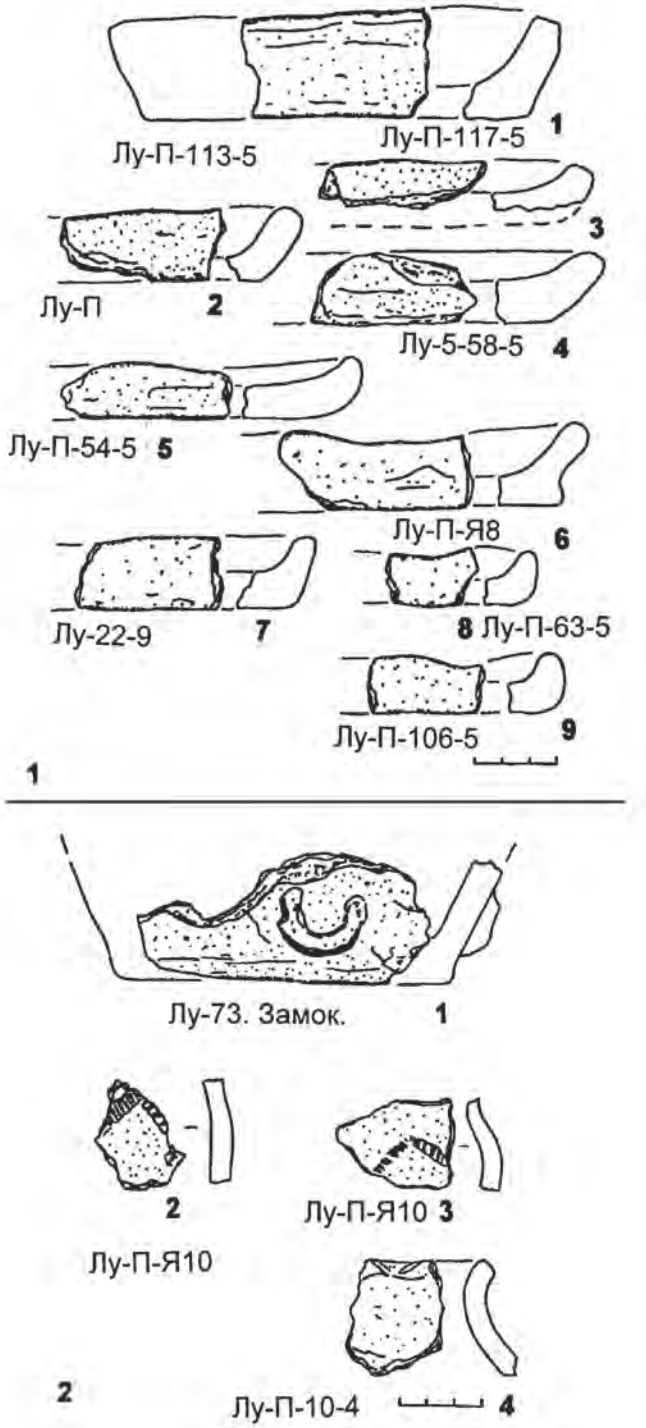

Рис. 13. Лукомль. 1 – лепные сковородки; 2 – орнаментированные фрагменты

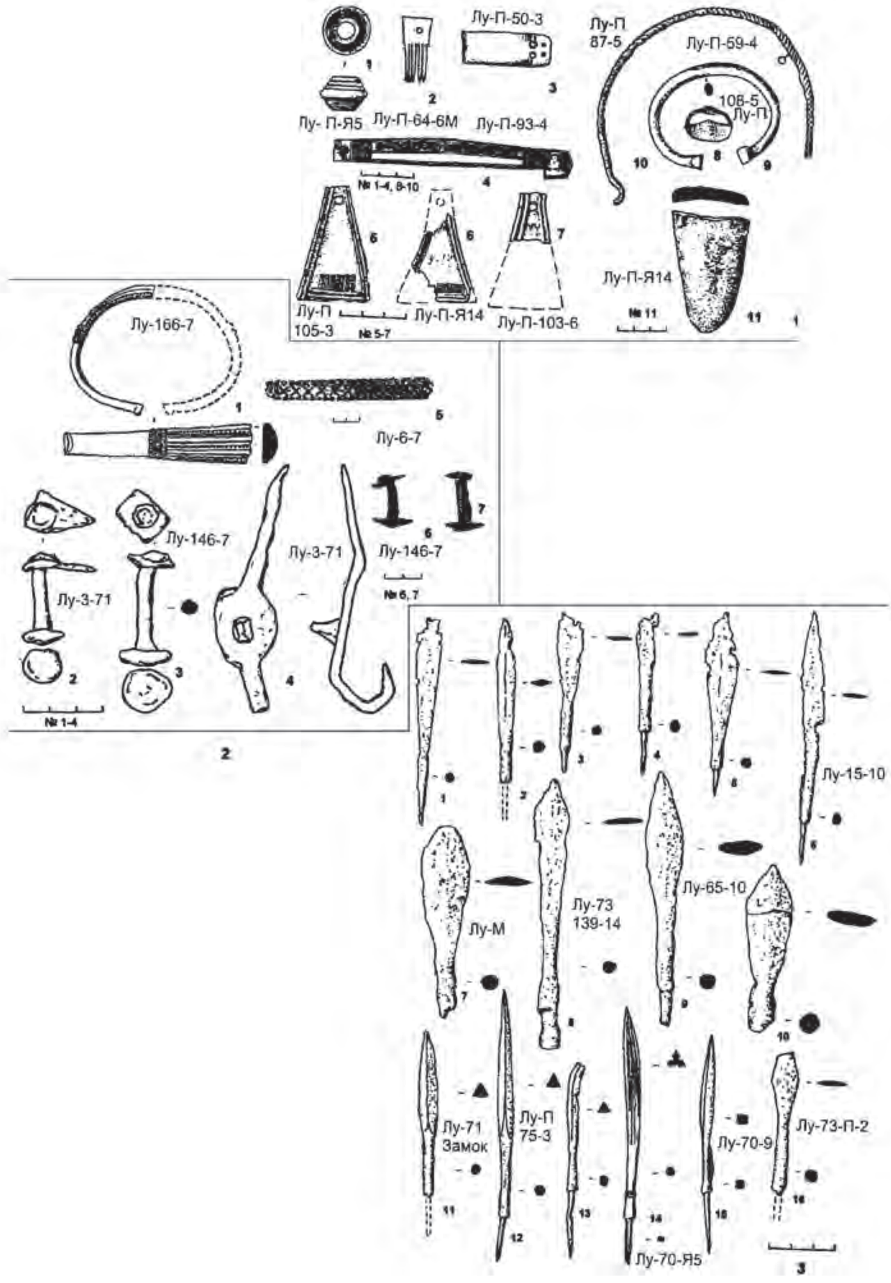

Рис. 14. Лукомль. Находки X–XI вв. 1 – поселение 1 (по Г.В. Штыхову) (1–4 – кость; 5–7, 8,9 – бронза; 10, 11 – железо); 2 – городище (1, 5–7 – по Г.В. Штыхову; 2–4 – рис. И.И. Еремеева) (1 – бронза; 2–4, 6, 7 – железо; 5 – кость); 3 – ланцетовидные наконечники стрел с городища и селища 1 (рис. И.И. Еремеева)

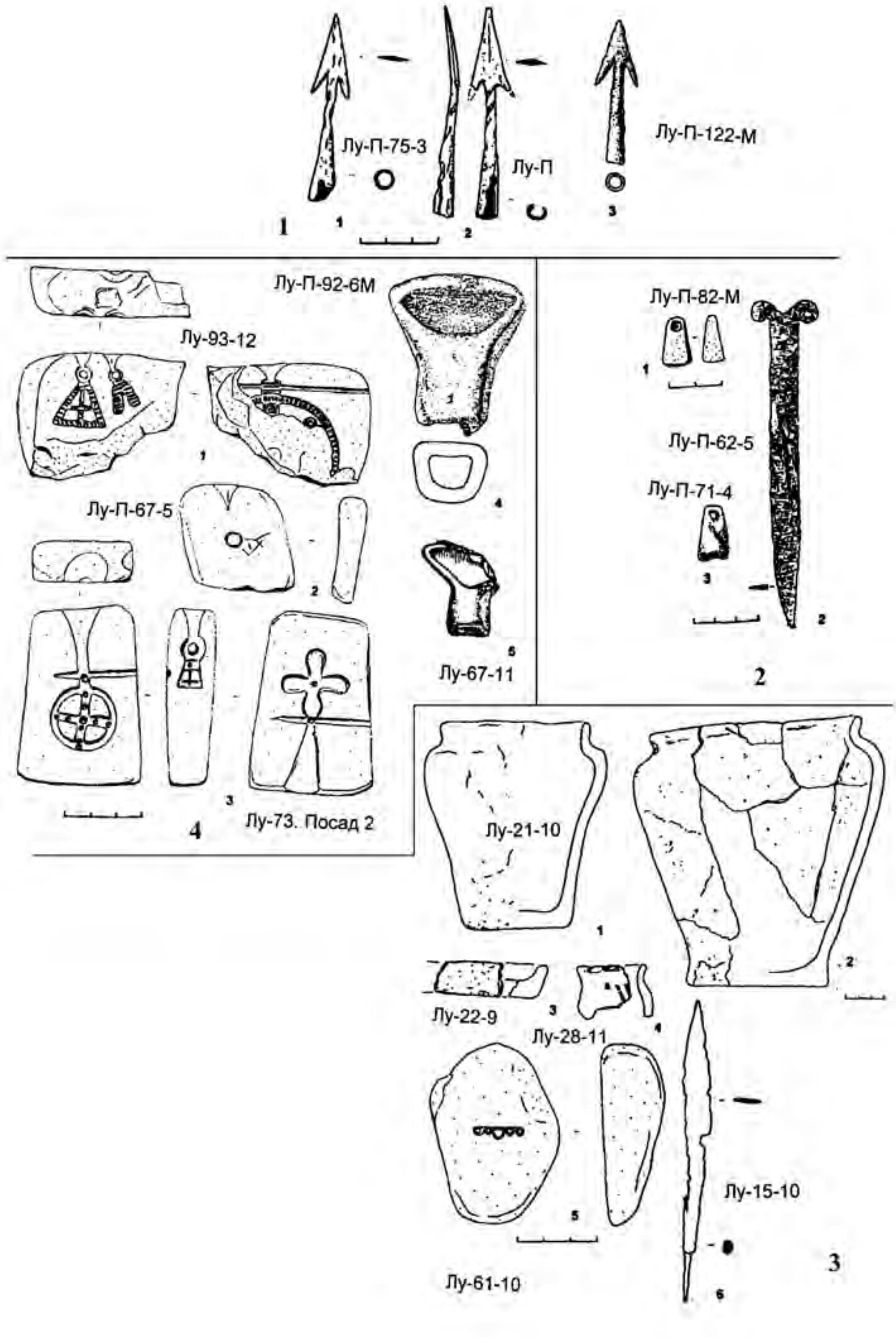

Рис. 15. Лукомль. Раннесредневековые находки. 1 – двушипные втульчатые наконечники стрел с поселения 1 (1, 2 – рис. И.И. Еремеева; 3 – по Г.В. Штыхову); 2 – предметы с селища 1 (по Г.В.Штыхову) (1 – янтарь; 2 – железо; 3 – бронза); 3 – набор находок из пласта 10 с восточной части площадки городища близ вала (рис. И.И. Еремеева) (1–4 – глина; 5 – камень, 6 – железо); 4 – находки, связанные с ювелирным производством (1–3 – рис. И.И. Еремеева; 4, 5 – по Г.В. Штыхову)

Мікалай Плавінскі, Аляксандр Плавінскі

АБ АДНОЙ КАТЭГОРЫІ ПАХАВАЛЬНАГА ПОСУДУ Ў КУРГАНАХ КАНЦА І – ПАЧАТКУ ІІ ТЫС. Н.Э. НА ЗАХАДЗЕ ПОЛАЦКАЙ ЗЯМЛІ

Посуд з’яўляецца адной з самых шматлікіх, а, магчыма, і самай шматлікай катэгорыяй пахавальнага інвентару ў курганах канца I – пачатку II тыс. н.э. на захадзе Полацкай зямлі. Абсалютную большасць посуду, знойдзенага ў курганах рэгіёна, складаюць ляпныя і кругавыя гаршкі (і іншыя тыпы керамічных пасудзін). Акрамя таго, вядомы асобныя знаходкі драўляных вёдраў (Дучыц, 1994; Cehak-Hołubowiczowa, 1938–1939, s. 181, 194, tabl. II:14). Разам з тым агульнавядома, што значная частка побытавага посуду старажытнарускага часу выраблялася з дрэва (Левашева, 1959, с. 81–84; Колчин, 1968, с. 24; Розенфельдт, 1997, с. 43). Натуральна меркаваць, што падобны драўляны посуд мог змяшчацца і ў пахаванні. Аднак ва ўмовах Беларускага Падзвіння і Панямоння, дзе вырабы з арганічных рэчываў у курганах практычна не захоўваюцца, звестак аб выяўленні драўлянага посуду пры пахаваннях няма. Між тым у іншых рэгіёнах Русі падобныя знаходкі, няхай і вельмі рэдкія, усё ж вядомы (Авдусин, Пушкина, 1989, с. 201, рис. 4:13; Левашева, 1959, с. 81; Каргер, 1958, с. 194, рис. 38; Шмидт, 2001, с. 61, табл. VI:28).

У такіх умовах знаходка кожнай драўлянай пасудзіны ў курганах паўночнай Беларусі становіцца выключнай з’явай. Сапраўдны артыкул прысвечаны публікацыі двух пахавальных комплексаў, якія ўтрымлівалі рэшткі драўлянага посуду. Цікавыя для нас курганы былі даследаваны ў могільніках Пагошча (Браслаўскі раён Віцебскай вобласці) і Наўры (Мядзельскі раён Мінскай вобласці) (мал. 1).

Курганны могільнік Пагошча размешчаны за 500 м на паўночны ўсход ад вёскі Пагошча (Опсаўскі с/с Браслаўскага раёна). Сёння ў могільніку налічваецца не менш за 14 курганоў, якіх першапачаткова відавочна было больш. Помнік выяўлены ў 1996 г. краязнаўцам В.Е. Бунта (Плавінскі, 2006, с. 217). У 2005–2006 гг. сумесная экспедыцыя Нацыянальнага музея гісторыі і культуры Беларусі і Інстытута гісторыі НАН Беларусі пад кіраўніцтвам М.А. Плавінскага даследавала ў могільніку 5 курганоў трэцяй чвэрці I тыс. н.э. – пачатку XI ст.

Рэшткі драўлянай пасудзіны былі выяўлены ў кургане 10. Курган размешчаны ў паўднёвай частцы могільніка. Насып некалькі падоўжаны з паўночнага захаду на паўднёвы ўсход памерам 10,8×8,8 м і вышынёй прыкладна 1,5 м моцна зарос дрэвамі (соснамі) і кустоўем (арэшнікам ды арабінамі). Вакол яго заўважны раўчук шырынёй да 2,2 м. Першапачаткова аснаванне кургана мела круглую форму дыяметрам 10 м. Насып складаўся з дробна-зярністага пяску светла-жоўтага колеру. У паўднёва-ўсходняй частцы насыпу выяўлены перакоп, які не дайшоў да мацерыка. На глыбіні 0,65–1 м ад вяршыні кургана прасочвалася попельная праслойка магутнасцю 0,1–0,2 м, якая паглыблялася ад краёў да цэнтра кургана. Аснаванне кургана пакрываў насычаны попельна-вугальны слой магутнасцю 0,1 м. Слой меў форму прамавугольніка памерам 7×5,6 м, доўгі бок якога арыентаваны з паўночнага захаду на паўднёвы ўсход.

Пахаванне было здзейснена ў падкурганнай яме памерам 3,5×1,9 м, арыентаванай з паўночнага захаду на паўднёвы ўсход, якая пераразала попельна-вугальны слой. У ёй на глыбіні 2,65 м ад вяршыні насыпу і 1,2 м ад узроўню мацерыка выяўлена мужчынскае пахаванне. Нябожчык ляжаў на спіне галавой на ўсход з адхіленнем

у 15° да поўдня, рукі былі складзены ўнізе жывата. Пахаванне было здзейснена ў нейкай канструкцыі кшталту труны, зробленай з бяросты, рэшткі якой захаваліся ў асобных месцах: каля левай бедранай косткі, каля правай плечавой косткі і ў раёне галавы (мал. 2:1). Пры пахаванні знойдзены бронзавая спіралеканечная фібула з рэшткамі тканіны пад ёй (у раёне грудзей (мал. 2:4)), жалезны нож (пад левым перадплеччам (мал. 2:3)), сякера (побач з каленам левай нагі) з рэшткамі тапарышча даўжынёй 1,1 м (мал. 2:2). У нагах пахаванага знаходзіліся развал ляпнога гаршка (мал. 2:5) і рэшткі драўлянай пасудзіны.

Драўляная пасудзіна захавалася ў двух фрагментах, якія дазваляюць аднавіць яе дыяметр і вышыню (мал. 3). Першы з фрагментаў памерам 11,4×7,6 см з часткай фігурнай ручкі. Ён захаваўся дзякуючы доўгай прамавугольнай меднай рамонтнай накладцы шырынёй 2,1 см, якая закрывала вялікую расколіну. Накладка захавалася часткова, яна мацавалася да дрэва пры дапамозе васьмі заклёпак, зробленых з расклятпанага меднага дроту таўшчынёй каля 1,5 см. Другі фрагмент памерам 5,3×5 см таксама захаваўся дзякуючы меднай рамонтнай накладцы шырынёй 3,1 см, якая накрывала яшчэ адну расколіну. На накладцы заўважны пуансонны арнамент. Накладка была прымацавана да дрэва пры дапамозе пяці заклёпак з меднага дроту.

Накладка з арнаментам была, верагодна, зроблена з абоймы лентачнага вянка-вайнагі (Radiņš, 1999, aii. 40:3). Падобныя вянкі былі ва ўжытку ў латгалаў у VIII–XII стст., а ў XIII ст. перастаюць выкарыстоўвацца (Радиньш, 2001, с. 73, 75). Вядомы яны і ў пахаваннях культуры смаленска-полацкіх доўгіх курганоў (тып 1 паводле У.В. Енукова (Енуков, 1990, с. 54–55, рис. 14:13–14)).

Пасудзіна мела дыяметр 20 см і вышыню каля 5,5 см. Таўшчыня дрэва ў раёне венца – 0,3–0,4 см, у раёне донца – 0,8 см. Самыя блізкія аналогіі яна знаходзіць сярод разных чашаў Ноўгарада Вялікага (Колчин, 1968, с. 44, рис. 33, табл. 30). Прычым у пагашчанскай пасудзіны і наўгародскіх чашаў супадае не толькі прафілёўка і наяўнасць фігурнай ручкі, але і іх памеры: дыяметр найбольш вялікіх пасудзін з Ноўгарада дасягае 20 см і вышыні 4 см (мал. 5). У наўгародскіх напластаваннях разныя чашы сустракаюцца толькі ў слаях X – пачатку XI ст. (Колчин, 1968, с. 44). На Рурыкавым гарадзішчы фрагмент нарыхтоўкі разной чашы выяўлены ў слаях мяжы IX–X ст. (Носов, 1990, с. 67–68, рис. 26:4).

Датаванне кургана 10 можа быць вызначана не толькі на падставе знаходкі чашы. Ляпны гаршчок належыць да так званай «керамікі з плечукамі», характэрнай для культуры смаленска-полацкіх доўгіх курганоў. Можна меркаваць, што аналагічныя гаршкі маглі змяшчацца пры пахаваннях у курганах на захадзе Полацкай зямлі да пачатку XI ст. (Плавінскі, Плавінскі, 2003б, с. 194–195). Сякера належыць да тыпу IVA паводле А.М. Кірпічнікава (Кирпичников, 1966, с. 37). Даследчык датаваў старажытнарускія сякеры тыпу IVA XII–XIII стст. Аднак у Паўднёва-Усходняй Прыбалтыцы гэты тып распаўсюджваецца раней. У Латвіі сякеры тыпу IVA сустракаюцца з канца X – пачатку XI ст. (Atgāzis, 1964, lpp. 124; 1997, att. 5; Радиньш, 2001, с. 110). У Літве яны вядомы ўжо ў X ст. (Michelbertas, 2004, p. 106, 109, pav. 65, 71). Ва ўсходнелітоўскім курганным могільніку Жвірблі аналагічная сякера выяўлена ў пахавальным комплексе другой паловы ці канца X – першай паловы XI ст. (Iwanowska, Kazakevičius, 2001, s. 246, rys. V:1; Iwanowska, 2006, s. 108–109, tabl. LXXIV:9). Падковападобная спіралеканечная фібула з трохвугольнай у сячэнні дужкай, арнаментаванай прамымі і ламанымі лініямі, датуецца, мяркуючы па старажытнарускіх аналогіях, X–XII стст. (Левашева, 1967, с. 153; Лесман, 1990, с. 75; Седова, 1981, с. 86, рис. 32:6). Такім чынам, курган 10 могільніка Пагошча можа быць дастаткова надзейна датаваны канцом X – пачаткам XI ст.

Курганны могільнік Наўры знаходзіцца за 1 км на паўднёвы ўсход ад вёскі Наўры (Сваткаўскі с/с Мядзельскага раёна) справа ад прасёлачнай дарогі у Гардзішча.

Упершыню пра гэтыя курганы згадвае Ф.В. Пакроўскі (Покровский, 1893, с. 22). У 1934 г. даследаванні могільніка былі праведзены экспедыцыяй Археалагічнага музея Універсітэта імя Стэфана Баторыя пад кіраўніцтвам А. Цэгак-Галубовіч і У. Галубовіча. Яны выявілі тры курганныя групы могільніка і склалі план двух з іх. Група 1 размяшчалася злева ад дарогі, якая вяла ў Княгінін. Група 2 знаходзілася справа ад узгаданай дарогі і была аддзелена ад групы 1 падчас будаўніцтва гэтай дарогі. Група 3 размяшчалася за 100 м на ўсход ад асноўнай групы 1. У 1934 г. было раскапана 29 курганоў, з іх – 22 у групе 1, 2 – у групе 2 і 5 – у групе 3 (Cehak-Hołubowiczowa, 1937, s. 5–6). У 1979 і 1985 гг. могільнік абследаваў Я.Г. Звяруга (Звяруга, 1987, с. 84). Новыя даследаванні курганоў былі праведзены ў 1987 г. экспедыцыяй гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага універсітэта пад кіраўніцтвам В.Н. Рабцэвіча і А.М. Плавінскага. На план могільніка, складзены А.М. Плавінскім, было нанесена 89 насыпаў, якія адпавядаюць групе 1 А. і У. Галубовічаў. З іх 9 было раскапана (Звяруга, Плавінскі, 1993, с. 460). Да часу правядзення спецыяльнага аналізу храналогіі ўсіх пахавальных комплексаў, могільнік можа быць папярэдне датаваны канцом X–XII ст.

Фрагмент драўлянай пасудзіны быў знойдзены ў кургане 7/62 (раскопкі 1987 г.), які размяшчаўся на ўсходняй мяжы могільніка. Насып паўсферычнай формы дыяметрам 8 м і вышынёй 0,8 м моцна зарос соснамі і ядлоўцам. На яго вяршыні прасочвалася западзіна. Вакол кургана былі заўважаны сляды раўчука. Верхняя частка насыпу на глыбіню 0,5 м складалася са светла-жоўтага пяску з дробнымі каменьчыкамі. Ніжэй ішоў слой карычняватага буйна-зярністага пяску магутнасцю 0,4 м. Плошчу аснавання кургана пакрываў слой пяску з вуглямі і попелам.

Пахаванне было здзейснена на попельным слаі. Нягледзячы на дрэнную захаванасць костак, паўночна-заходняя арыентацыя нябожчыка не выклікае сумненняў (мал. 4:1). У нагах пахаванага, з левага боку, знойдзена добра абпаленая кругавая пасудзіна. Тулава гаршчка акруглае, венца – моцна прафіляванае з загнутым унутр краем, па якім праходзіць неглыбокі жалабок (мал. 4:2).

За 10 см ад гаршчка выяўлены невялікі фрагмент драўлянай пасудзіны з меднай акоўкай (мал. 4:3). Памер фрагмента 5,7×4,8 см, таўшчыня сценкі пасудзіны – 0,6 см. Пасудзіна раскалолася яшчэ ў старажытнасці. Расколіна праходзіць праз увесь наяўны фрагмент. З мэтай рамонту яна была сцягнута медным дротам у два абароты ў ніжняй частцы. Таўшчыня дроту – каля 0,1 см (з вонкавага боку пасудзіны дрот не захаваўся). На венца была накладзена прамавугольная медная пласціна шырынёй 3,4 см, прымацаваная да венца пасудзіны пры дапамозе чатырох заклёпак, зробленых з меднага дроту таўшчынёй 0,15–0,25 см. Відавочна, што дрэва захавалася менавіта дзякуючы пералічаным медным дэталям. На жаль, памеры фрагменту не дазваляюць вызначыць першапачатковы дыяметр венца пасудзіны, яе вышыню і адпаведна зрабіць графічную рэканструкцыю, што, у сваю чаргу, не дае магчымасці пошуку аналогій.

У такіх умовах адзінай падставай для датавання кургана застаецца кругавы гаршчок (мал. 4:2). Блізкая пасудзіна знойдзена ў кургане 2/86 могільніка Наўры. Увогуле падобныя гаршчкі дастаткова часта сустракаюцца ў курганах Мядзельшчыны. Яны знойдзены ў Нагаўках (курган 3, XI ст. (Плавінскі, Плавінскі, 2003а, с. 173, мал. 4:2)), Навасёлках, дзе аб'ядноўваюцца ў групу 4, якая датуецца XI ст. (Плавінскі, Плавінскі, 2003б, с. 195–196, мал. 3). Аналагічны посуд выкарыстоўваўся ў XI ст. таксама і ў Полацку, Заслаўі, Мінску (Загорульский, 1982, с. 241–242; Заяц, 1993, с. 113; Штыхов, 1975, рис. 42:17). Зыходзячы з аналогій, гаршчок і адпаведна час узвядзення кургана 7/62 могуць быць аднесены да XI ст.

Варта адзначыць, што найбольш старажытны драўляны посуд, знойдзены ў Беларускім Падзвінні, выяўлены ў Полацку і датуецца XI ст. (Штыхов, 1968, с. 11, 92, рис. 22; 1975, табл. 3). У Віцебску самыя раннія драўляныя пасудзіны належаць да XII ст. (Бубенько, 2004, с. 103). Аднак знаходак разных чашаў ні ў Полацку, ні ў Віцебску невядома. У гарадах Беларускага Панямоння дрэва адносна добра захоўваецца ў Слоніме (Зверуго, 1972) і Гродна (Трусаў, Собаль, Здановіч, 1993, с. 71), але і тут не выяўлена ранніх разных чашаў, аналагічных пагашчанскай. Няма іх, наколькі нам вядома, і ў іншых падзвінскіх і панямонскіх гарадах.

* * *

Рэшткі разной чашы ў кургане 10 могільніка Пагошча і пасудзіны ў кургане 7/62 могільніка Наўры з'яўляюцца надзвычай рэдкімі знаходкамі для курганных могільнікаў Беларускага Падзвіння і Дзвінска-Нёманскага міжрэчча. Яны захаваліся дзякуючы медным рамонтным акоўкам. Можна сказаць, што яны дайшлі да нас толькі таму, што былі пашкоджаны яшчэ ў старажытнасці. Відавочна, што гэтыя пасудзіны ўяўлялі пэўную каштоўнасць для сваіх уладальнікаў, якія не пашкадавалі часу для іх рамонту. Гэта ў першую чаргу датычыцца пагашчанскай чашы, якую рамантавалі двойчы.

Разам з тым можна меркаваць, што драўляны посуд мог займаць значнае месца ў пахавальным абрадзе насельніцтва захаду Полацкай зямлі і Беларускага Падзвіння ўвогуле. Аднак яго прысутнасць папросту не фіксуецца падчас раскопак з прычыны таго, што звычайна дрэва ў курганах рэгіёна не захоўваецца і амаль не пакідае слядоў, альбо захоўваецца надзвычай дрэнна. Гэта робіць знаходкі драўлянага посуду з Пагошчы і Наўраў надзвычай каштоўнымі для характарыстыкі пахавальнага абраду крывічоў Беларускага Падзвіння і Дзвінска-Нёманскага міжрэчча. Акрамя таго, пагашчанская разная чаша і пасудзіна з Наўраў з'яўляюцца аднымі з найбольш старажытных узораў драўлянага сталовага посуду, выяўленых у Беларускім Падзвінні і Панямонні да сённяшняга часу, што яшчэ больш падвышае іх каштоўнасць як крыніц па гісторыі матэрыяльнай культуры насельніцтва названых рэгіёнаў у X–XI стст.

Літаратура

1. **Авдусин, Д.А., Пушкина, Т.А.** Три погребальные камеры из Гнёздова // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 190–205.

2. **Бубенько, Т.С.** Средневековый Витебск. Посад – Нижний замок (X – первая половина XIV в.). Витебск, 2004.

3. **Дучыц, Л.У.** Аб адной катэгорыі курганных знаходак // ГАЗ. № 4. 1994. С. 49–57.

4. **Енуков, В.В.** Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим данным). М., 1990.

5. **Загорульский, Э.М.** Возникновение Минска. Мн., 1982.

6. **Заяц, Ю.А.** Керамическая посуда Заславля X–XVIII вв. // Сярэдневяковыя старажытнасці Беларусі: Новыя матэрыялы і даследаванні. Мн., 1993. С. 107–118.

7. **Зверуго, Я.Г.** Археологические работы в Слониме // Беларускія старажытнасці. Мн., 1972. С. 248–289.

8. **Звяруга, Я.Г.** Курганны могільнік // ЗПГКБ. Мінская вобласць. Кн. 2. Мн., 1987. С. 87.

9. **Звяруга, Я.Г., Плавінскі, А.М.** Наўры // Археалогія і нумізматыка Беларусі: Энцыклапедыя. Мн., 1993. С. 460.

10. **Каргер, М.К.** Древний Киев. Т. I. М.–Л., 1958.

11. **Кирпичников, А.Н.** Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. / САИ. Вып. Е 1 – 36, М. – Л., 1966.

12. **Колчин, Б.А.** Новгородские древности. Деревянные изделия / САИ. Вып. Е1–55. М., 1968.

13. **Левашева, В.П.** Изделия из дерева, луба и бересты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 33. М., 1959. С. 61–93.

14. **Лесман, Ю.М.** Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М., 1990. С. 29–98.

15. **Мальм, В.А.** Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 149–190.

16. **Носов, Е.Н.** Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.

17. **Плавінскі, А.М., Плавінскі, М.А.** Курганны могільнік Нагаўкі // МАБ. № 6. 2003а. С. 173–185.

18. **Плавінскі, А.М., Плавінскі, М.А.** Кераміка курганнага могільніка Навасёлкі // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Матэрыялы IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Полацк, 2003б. С. 194–206.

19. **Плавінскі, М.** Даследаванні ў Браслаўскім раёне // ГАЗ. № 21. 2006. С. 217–219.

20. **Покровский, Ф.В.** Археологическая карта Виленской губернии. Вильна, 1893.

21. **Радиньш, А.** Погребальный обряд и инвентарь латгальских захоронений 10–13 веков // AL. Vol. II. 2001. С.65–118.

22. **Розенфельдт, Р.Л.** Бытовые изделия: деревянная тара и посуда // Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997. С. 43–46.

23. **Седова, М.В.** Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.

24. Т**русаў, А.А., Собаль, В.Е., Здановіч, Н.І.** Стары замак у Гродне XI–XVIII стст.: Гісторыка-археалагічны нарыс. Мн., 1993.

25. **Шмидт, Е.А.** Курганы у д. Туринщина в Смоленском районе // Смоленские древности. Вып. 1. Курганные могильники IX–XII вв. Смоленск, 2001. С. 5–112.

26. **Штыхов, Г.В.** Отчет об археологических исследованиях в Северной Белоруссии в 1967 г. // АА ІГ НАН Беларусі. Спр. № 349.

27. **Штыхов, Г.В.** Древний Полоцк (IX–XIII вв.). Мн., 1975.

28. **Atgāzis, M.** Latgaļu 9.–12. cirvji // Arheologija un etnogrāfija. № VI. 1964. Lpp. 105–125.

29. **Atgāzis, M.** Āvas cirvji Latvijā // Arheologija un etnogrāfija. № 19. 1997. Lpp. 53–63.

30. **Cehak-Hołubowiczowa, H.** Materiał i zagadnienia cmentarzyska kurhanowego koło wsi Nawry w powiecie Postawskim // RA. T. 1. 1937. S. 5–50.

31. **Cehak-Hołubowiczowa, H.** Słowiańsko-wareskie cmentarzysko kurhanowe koło Porzecza w powiecie Dziśnieńskim // PA. T. VI, R. 2–3. 1938–1939. S. 178–203.

32. **Hołubowicz, W.** Ceramika słowiańska XI–XII wieku cmentarzyska koło wsi Nawry // RA. T. 1. 1937. S. 52–69.

33. **Iwanowska, G., Kazakevičius, V.** Kurhan 47 z mieczem z cmentarzyska w Żwirblach (Žvirblai) // LA. T. 21. 2001. P. 241–266.

34. **Iwanowska, G.** Cmentarzysko kurhanowe w Żwirblach pod Wilnem. Wprowadzenie w problematykę. Katalog. Warszawa, 2006.

35. **Michelbertas, M.** Pajusčio pilkapinas. Vilniaus, 2004.

36. **Radiņš, A.** 10.–13. gadsimta senkapi latgaļu apdzīvotajā teritorijā un Austrumlatvijas etniskās un politiskās vēsures jautājumi // Latvijas vēstures muzeja raksti. Nr. 5. Rīga, 1999.

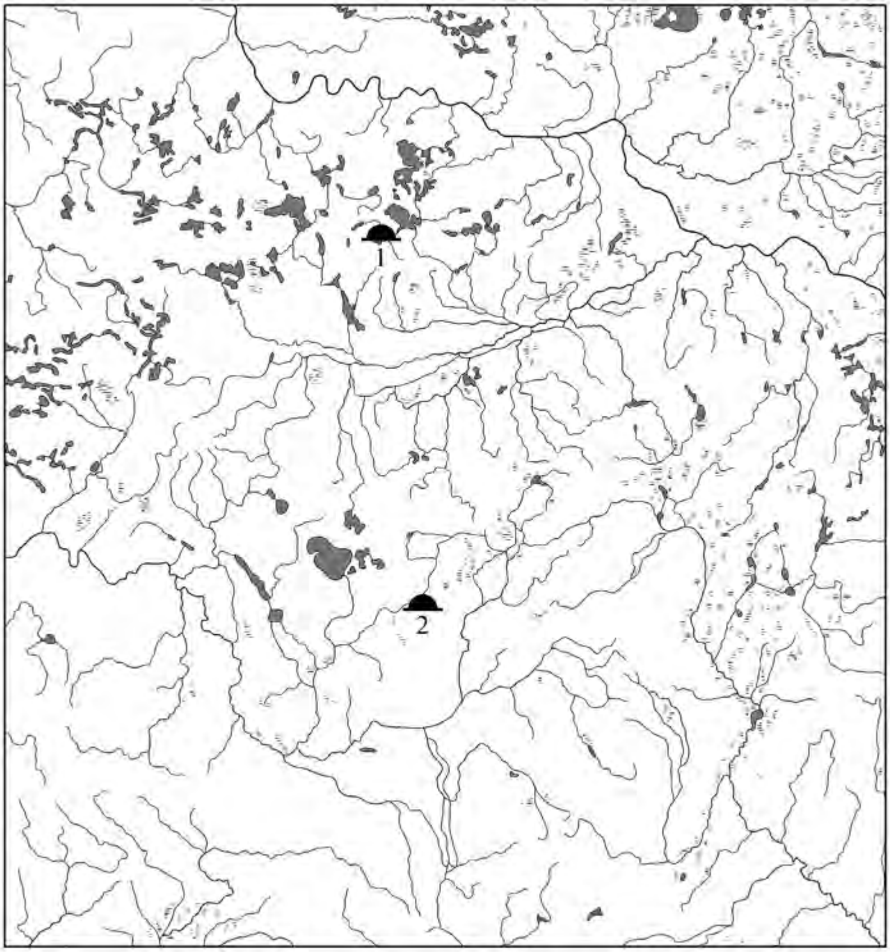
Mikalai Plavinski, Aleksandr Plavinski

On The one Type of funeral Vessels in the burial Mounds of the End of the I –Beginning of the II Millennium in the West of the Polack Land

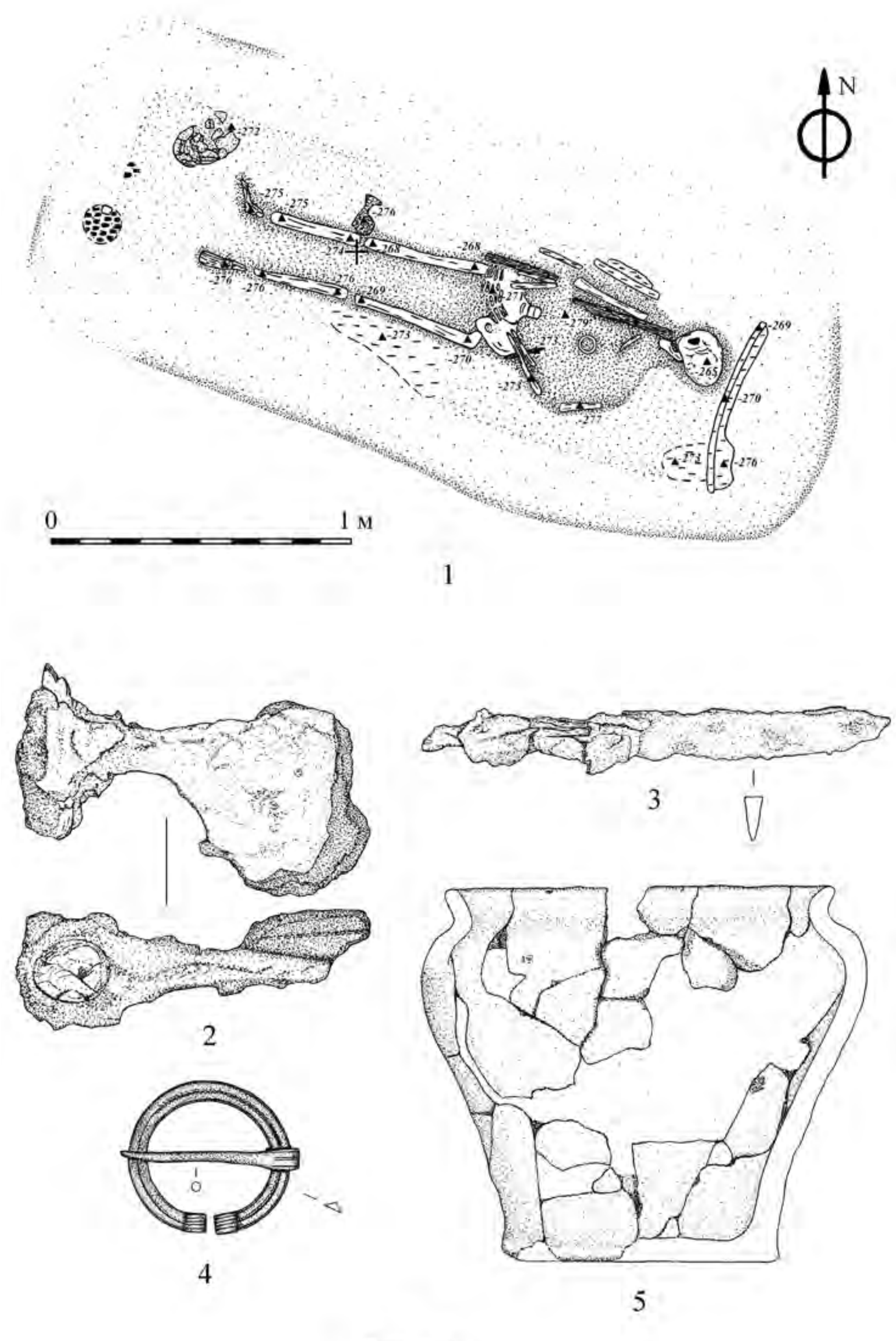
The article is dedicated to publication of two burial complexes, which contained remains of wooden vessels. These burial mounds were excavated in cemeteries Pagoshcha (Braslau district of Vitsebsk region) and Naury (Miadzel’ district of Minsk region) (fig. 1).

In barrow cemetery Pagoshcha remains of wooden carved bowl (fig. 3) were disclosed in the burial mound 10, which can be dated to the end of the 10th – beginning of the 11th centuries. In barrow cemetery Naury a fragment of wooden vessel (fig. 4:3) was found in the burial mound 7 (62) (excavations of the year 1987). It can be dated to the 11th century.

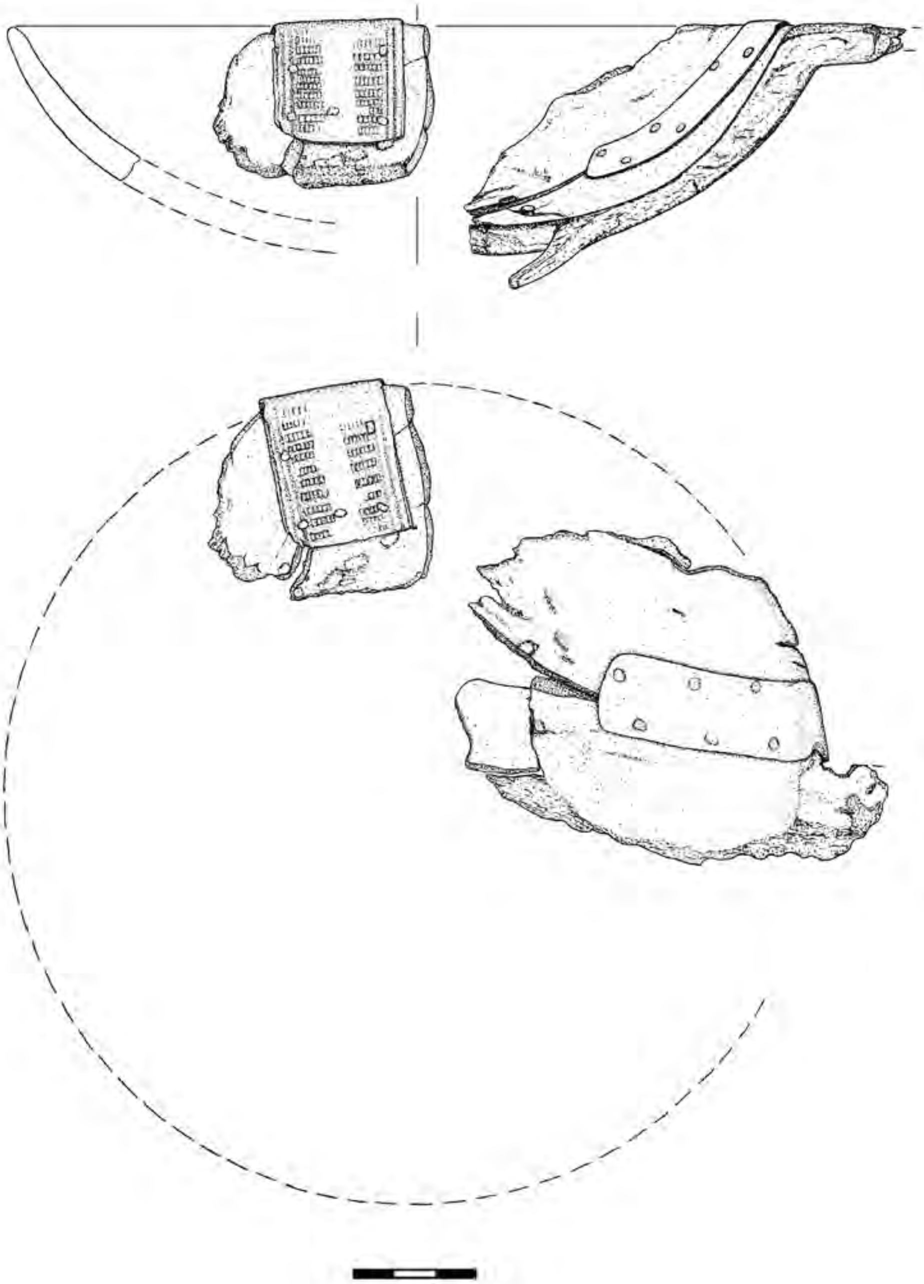
The wooden vessels from Pagoshcha and Naury are very rare finds for burial cemeteries of Belarusian Dzvina region and Dzvina-Niman inter-river. These fragments preserved owing to repairing copper bindings. At the same time, we can suppose that wooden vessels could play an important role in funeral custom in the west of Polatsk land and of Belarusian Dzvina region in whole. However, its presence isn’t fixed in the course of excavations, because usually wood in the burial mounds of the region does not preserve and leaves almost no evidences, or it preserves really badly. That makes the finds of wooden vessels very important for characterizing of funeral custom of Belarusian Dzvina region and Dzvina-Niman inter-river.

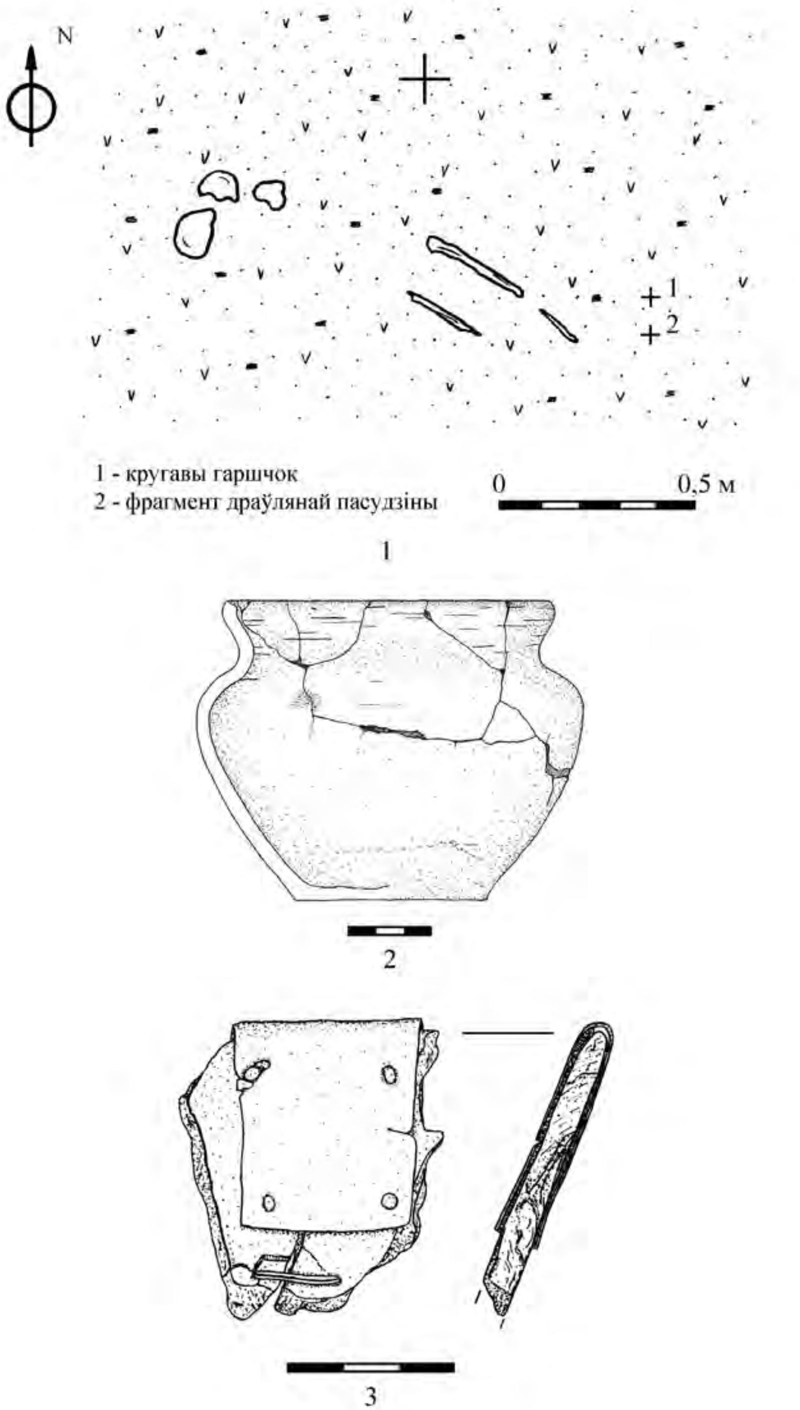
Мал. 1. Месцазнаходжанне курганных могільнікаў Пагошча (1) і Наўры (2)

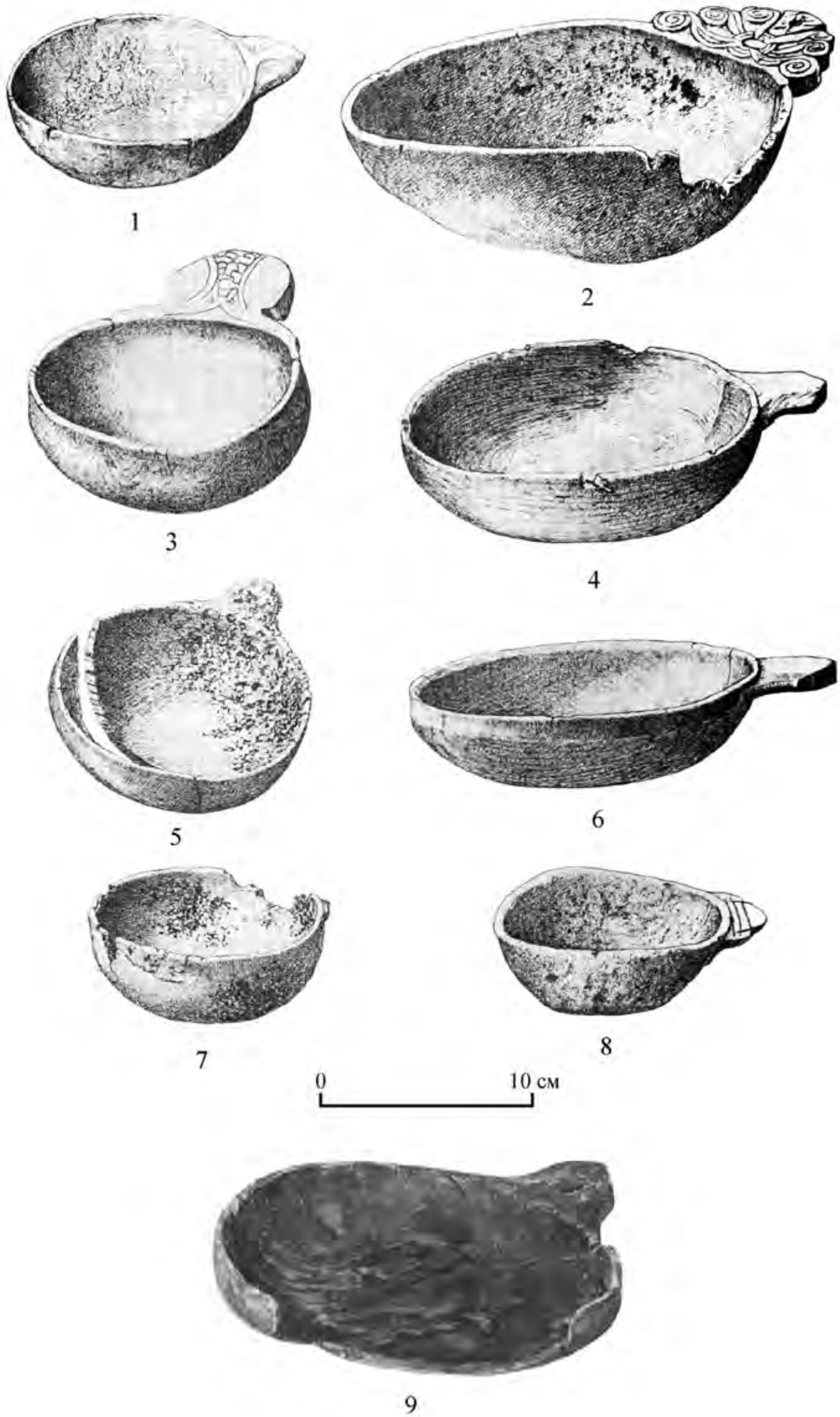
Мал. 2. Курганны могільнік Пагошча. План пахавання і інвентар кургана 10: 1 – план пахавання, 2 – сякера, 3 – нож, 4 – фібула, 5 – ляпны гаршчок

Мал. 3. Курганны могільнік Пагошча. Курган 10. Рэшткі драўлянай разной чашы з меднымі рамонтнымі акоўкамі

Мал. 4. Курганны могільнік Наўры. План пахавання і інвентар кургана 7/62:
1 – план пахавання, 2 – кругавы гаршчок, 3 – фрагмент драўлянай пасудзіны з меднай рамонтнай акоўкай

Мал. 5. Драўляныя разныя чашы з Ноўгарада Вялікага (паводле: Колчин, 1968, табл. 30, рис. 33)

СПІС СКАРАЧЭННЯЎ

АА ІГ НАН Беларусі – Археалагічны архіў Інстытута гісторыі НАН Беларусі. Мн.
АА ИИ НАН Беларуси – Археологический архив Института истории НАН Беларуси. Мн.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.–СПб.
БГА – Беларускі гістарычны агляд. Мн.
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ГАЗ – Гістарычна-археалагічны зборнік. Мн.
ГИМ – Государственный Исторический музей. М.
ЗПГКБ – Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мн.
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук. СПб.
КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры
МАБ – Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мн.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НМГ І КБ – Нацыянальны музей гісторыі і культуры Беларусі. Мн.
НМИ И КБ – Национальный музей истории и культуры Беларуси. Мн.
ПГКБ – Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Мн.
Працы. Т. І – Працы катэдры археолёгіі. Т. І. Запіскі аддзелу гуманітарных навук Інстытута беларускае культуры. Кн. 5. Мн.
Працы. Т. ІІІ – Працы секцыі археалогіі Інстытута гісторыі Беларускай Акадэміі навук. Мн., 1932.
РАУС – раённы аддзел унутраных спраў
ТАС – Тверской археологический сборник. Тверь
САИ – Свод археологических источников
С.в. – суадносіны восяў
AL – Archaeologia Lituana. Vilnius.
AAL – Acta Archaeologica Lodziensia. Łódź.
LA – Lietuvos archeologija. Vilnius.
PA – Przegląd archeologiczny. Poznań.
RA – Rocznik archeologiczny. Wilno.
WA – Wiadomości Archeologiczne. Warszawa.

зах. – захаванне

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

Белявец Вадзім Георгіевіч – малодшы навуковы супрацоўнік аддзела археалогіі першабытнага грамадства Інстытута гісторыі НАН Беларусі. 220072, Мінск, вул. Акадэмічная, 1. E-mail: v.bielavec@gmail.com

Ерамееў Іван Ігаравіч – кандыдат гістарычных навук, малодшы навуковы супрацоўнік аддзела славяна-фінскай археалогіі Інстытута гісторыі матэрыяльнай культуры Расійскай Акадэміі навук. 190068, Санкт-Пецярбург, Фантанка, 127, 5. E-mail: ivan_eremeev@pochtamt.ru

Лакіза Вадзім Леанідавіч – кандыдат гістарычных навук, в.а. загадчыка аддзела археалогіі першабытнага грамадства Інстытута гісторыі НАН Беларусі. 220072, Мінск, вул. Акадэмічная, 1. E-mail: lakvadzim@yandex.ru

Лашанкоў Міхаіл Іванавіч – кандыдат гістарычных навук, старшы навуковы супрацоўнік аддзела археалогіі першабытнага грамадства Інстытута гісторыі НАН Беларусі. 220072, Мінск, вул. Акадэмічная, 1.

Плавінскі Аляксандр Мікалаевіч – выкладчык кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага універсітэта. 220030, Мінск, вул. Чырвонаармейская, 6.

Плавінскі Мікалай Аляксандравіч – вядучы навуковы супрацоўнік навукова-фондавага аддзела рэчавых помнікаў Нацыянальнага музея гісторыі і культуры Беларусі, 220050, Мінск, вул. К. Маркса, 12. E-mail: plavinsky_arc@mail.ru

Сідаровіч Віталь Міхайлавіч – старшы навуковы супрацоўнік навукова-фондавага аддзела рэчавых помнікаў Нацыянальнага музея гісторыі і культуры Беларусі, загадчык вучэбнай лабараторыі музейнай справы гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага універсітэта. 220030, Мінск, вул. Чырвонаармейская, 6. E-mail: sidarowicz@bsu.by

Траццякоў Дзмітрый Іванавіч – кандыдат біялагічных навук, вядучы навуковы супрацоўнік аддзела флоры і гербарыя Інстытута эксперыментальнай батанікі імя Ф.В. Купрэвіча НАН Беларусі. 220072, Мінск, вул. Акадэмічная 27. E-mail: nsk@bobel.bas-net

Чарняўскі Максім Міхайлавіч – кандыдат гістарычных навук, навуковы супрацоўнік аддзела археалогіі першабытнага грамадства Інстытута гісторыі НАН Беларусі. 220072, Мінск, вул. Акадэмічная, 1. E-mail: maxchar@yandex.ru, maxchar@gmail.com

Чарняўскі Міхал Міхайлавіч – кандыдат гістарычных навук, старшы навуковы супрацоўнік аддзела археалогіі першабытнага грамадства Інстытута гісторыі НАН Беларусі. 220072, Мінск, вул. Акадэмічная, 1. E-mail: vieterany@tut.by

Штыхаў Георгій Васільевіч – доктар гістарычных навук, прафесар, галоўны навуковы супрацоўнік аддзела археалогіі сярэдневяковага перыяду Інстытута гісторыі НАН Беларусі. 220072, Мінск, вул. Акадэмічная, 1.

Навуковае выданне

Acta archaeologica Albaruthenica

Vol. I

на беларускай і рускай мовах

Укладальнікі:

М.А. Плавінскі, В.М. Сідаровіч

Навуковы рэдактар: Г.В. Штыхаў

Карэктар: В. Трэнас

Камп'ютарная вёрстка: В.І. Ходан

Падпісана да друку 15.06.2007 г. Фармат 70×100 1/16
Папера афсетная. Друк афсетны. Гарнітура Minion.
Ум. друк. арк. 11,988. Ул. выд. арк. 10,5. Наклад 200 асобнікаў. Замова 1010.

Выдавец **І.П. Логвінаў**
ЛИ № 02330/013307 ад 30.04.2004 г.
220050, г. Мінск, пр-т. Незалежнасці, 19-5
logvinovpress@mail.ru

Друк **ТДА «НоваПрынт»**
ЛП 02330/0056647 ад 27.03.2004 г.
220047, г. Мінск, вул. Купрэвіча, 2